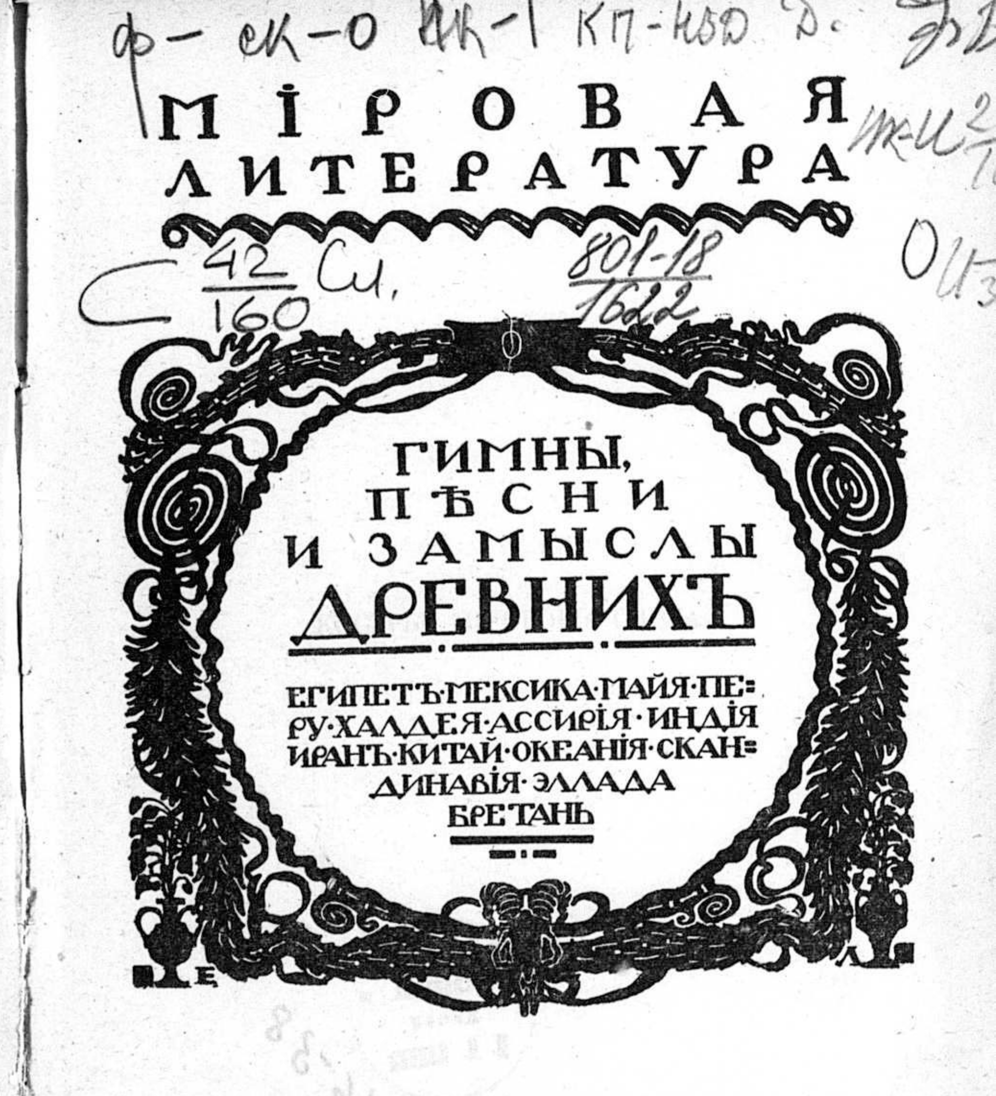

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПАНТЕОНЪ» С.П.Б.

КОСТРЫ МІРОВОГО СЛОВА.

Въ великихъ просторахъ міровыхъ морей, въ Океанѣ, обтекающемъ Землю, въ зеленыхъ, и синихъ, и сѣрыхъ, и жемчужно-опальныхъ, и слегка-голубыхъ пространствахъ Воды, отъ одного предѣла до другого, много есть разныхъ странъ, острововъ, зовущихся частями свѣта, и острововъ, что зовутся острова, и во всѣхъ этихъ странахъ по-разному свѣтитъ Солнце, въ иныхъ узорахъ предстаютъ звѣзды, и разные ростутъ деревья и цвѣты, но жизнь различностей однимъ воззвана была Солнцемъ, великій одинъ законъ управляетъ несоизмѣримыми движеньями, путями Вещества, и вездѣ жаждущій взглядъ устремляется къ Солнцу, Дневному Солнцу или Ночному, и повсюду цвѣтутъ цвѣты, даже въ расщелинахъ утесовъ или между камней умершихъ храмовъ, даже изъ снѣга глядятъ они своими голубыми глазами, а когда Воздухъ скованъ слишкомъ сильнымъ Морозомъ, самый снѣгъ обращается въ цвѣты. И какъ знать, что красивѣе, горячіе-ли кактусы подъ Африканскимъ Солнцемъ, или звѣздные кристаллы Норвежскихъ снѣговъ и льдовъ, бѣлоснѣжные холодные цвѣты, возросшие въ лунныя ночи, подъ шопотъ и руны слѣпыхъ провидцевъ.

Отъ Океана, зовущагося Льдянымъ, съ его свистящими вѣтрами, до теплыхъ замкнутыхъ средиземныхъ морей, и отъ великихъ громадъ Тихаго Океана, бьющагося о золотую Калифорнію, до голубой Атлантики, задернувшей синею занавѣсью Городъ Золотыхъ Воротъ, и высокую Башню Солнца, и Городъ Лика Взне-

сеннаго, возникаютъ острова созерцанія и дѣйственности, расцвѣчаются кипучею жизнью береговыя полосы Земли, живутъ яркой жизнью внутреннія страны, быть можетъ, любящія Море еще больше, въ силу внутренней тоски по Морю, живутъ обособленной своей жизнью дни и вѣка, тысячелѣтія и цѣлые ряды тысячелѣтій, а умрутъ, — умереть всетаки не могутъ, ибо, что разъ горѣло, то уже свѣтитъ всегда, отраженнымъ, преображеннымъ, разсѣяннымъ свѣтомъ, разбросаннымъ, какъ бываютъ разбросаны вѣтромъ и птицами сѣмена низинныхъ растеній, попадающія на Эверестъ и Чимборасо, и какъ отъ цвѣтка къ далекому цвѣтку разбросана цвѣточная зиждительная пыль звенящими пчелами, позлатившими себя поцѣлуемъ съ цвѣткомъ, и какъ бываютъ разбросаны жесткою рукою неживыя сѣмена по продольнымъ бороздамъ, чтобы смерть превратилась въ жизнь, и чтобы черныя глыбы стали веселящимъ глазъ изумрудомъ, а позднѣй шелестящею сказкою золота. Побыть мечтой на всѣхъ міровыхъ поляхъ, и ото всѣхъ вернуться обогащеннымъ; — помедлить надъ голубымъ и желтымъ Ниломъ, въ этой единственной долинѣ, не знающей дождей, но изукрашенной голубыми и розовыми лотосами, любящими влагу, насмотрѣться вдоволь на красавца растеній, стройный папирусъ, столь же священный въ своей ритуальной взнесенности, какъ ритуально-священны всѣ изваянья Боговъ и Богинь Египта, и всѣ очертанья и краски Египетской живописи; — унестись къ тропическимъ лѣсамъ Майи и Мексики, гдѣ звучатъ птицы-флейты, и лакомятся пылью цвѣтовъ быстрыя колибри, находящіяся въ вѣчномъ движеніи, прислушаться къ ропотамъ древнихъ Космогоній, нарвать тамъ стеблей маиса, и много-много сорвать волнующихъ чашъ орхидейныхъ, межь бѣлаго майскаго цвѣта, и красно-лиловыхъ гроздій растенья, чье имя есть огненный кустъ; — побыть въ древней

Индіи, между первичныхъ поэтовъ, сказавшихъ, что семь есть чарованій у Агни, семь языковъ у Огня; — горной свѣжестью подышать въ предѣлахъ Ирана, и запомнить полные мужественной прелести благоговѣйные напѣвы Заратустры; — увѣровать съ Халдеями въ Семь Страшныхъ Демоновъ, и снизойти съ Истаръ въ Преисподнюю; — вороновъ Одина увидѣть, и пѣсню орловъ услыхать, которые пѣли Сигурду; — ржаныхъ и пшеничныхъ колосьевъ нарвать въ красивой Польшѣ и печальной Литвѣ; — родного Перуна послушать, и вмѣстѣ съ Ярилой влюбиться въ Богиню-Громовницу; — перекинуться къ новымъ днямъ, къ нашимъ днямъ, похожимъ на бѣлыя ночи, къ нашимъ чарамъ и къ нашимъ радѣньямъ, городскимъ, запоздалымъ, полночнымъ и комнатнымъ; — всюду увидѣть-услышать голосъ мига и даннаго мѣста въ существенной ихъ единичности, а, разслышавъ, напѣвно, въ стихахъ-ли текучихъ, или въ прозаической срывчатой рѣчи, возсоздать услышанное, — вотъ сложная радость и многосложная задача художника, чья душа многогранна и чья впечатлительность по морскому многообразна, — задача, зовущая многихъ художниковъ къ творческой работѣ многихъ лѣтъ.

Поэтъ слышитъ дальніе шопоты, подземные голоса, и зовы временъ отшедшихъ. Онъ — какъ тѣ чада Солнца и дѣти Луны, бронзово-вылитые Красноцвѣтные, которые, приникая ухомъ къ землѣ, слышатъ не только далекіе шумы, но и далекіе шорохи. Онъ — какъ горное эхо, которое схватываетъ прозвучавшій голосъ, и въ перепѣвахъ бросаетъ его изъ пещеры въ пещеру. Горное эхо не весь ухватитъ прозвучавшій голосъ, но то, что будетъ ухвачено, оживетъ въ перекличкѣ волнующимъ призывомъ, и будетъ имѣть свое очарованіе, особую прелесть свою, чару капризнаго горнаго эха, которое возсоздаетъ-то не все, а лишь то, что ему приглянется, но эти от-

дѣльные звуки и отзвуки раздаются зато съ особенной четкостью. И рѣка, отразившая звѣздное Небо и вѣтви плакучей ивы, не можетъ быть Небомъ и ивой, пребудетъ рѣкой убѣгающей, но отраженіе Неба и звѣздъ и вѣтвей не имѣютъ-ли также собственной чары, и не радостно-ли тѣмъ, кто не можетъ видѣть Небо, увидать его отраженнымъ въ зеркалѣ.

Мы, Русскіе поэты текущихъ дней, — а только въ Россіи существуетъ сейчасъ кипѣнье настоящаго творчества, — создадимъ великую звѣздность въ области Русскаго Поэтическаго Слова, и наши творчески-литературныя переживанія будутъ страницами въ книгѣ, чье имя — художественность мысли, чьи имена — исканіе жемчуга, возженье свѣтильниковъ, возсозданье забытаго, исторганье изъ темныхъ глубинъ, скрытыхъ въ нихъ, тайныхъ кладовъ.

Между нами не будетъ соперничества, а лишь состязанье искателей, соревнованіе цѣлой дружины, гдѣ каждый отдѣльный есть зоркій ловецъ жемчуговъ. У каждаго есть своя ухватка и своя особенность. Я, говорящій, сроднился издавна съ замыслами древнихъ Космогоній, и съ двумя современными слитными Геніями — съ Испаніей, что есть садъ горячихъ гвоздикъ, и съ Англіей, что есть островъ въ свѣченьи морей. Поэтъ стального стиха, Валерій Брюсовъ, лелѣетъ въ душѣ бранные клики всѣхъ вѣковъ, и близокъ чрезвычайно къ Латинскому Генію временъ Рима-Міродержца и къ нѣжно-ядовитому Парижу нашихъ дней, окутанному изумрудами предвечерней дымки. Пасѣчникъ Русской Рѣчи, Вячеславъ Ивановъ, владѣетъ, какъ никто, постиженіемъ Древне-Эллинскаго міра и облачно-лѣсными состояніями Русскаго Стиха. Сологубъ есть истинный угадчикъ Дьявола, и услышитъ его всюду, гдѣ онъ заговоритъ. Тонкій живописецъ настроеній природы, Бунинъ знаетъ голоса степныхъ пространствъ. Балтрушайтисъ не тщетно родился въ Литвѣ, гдѣ полевыя розы обрызганы слезами. И Блокъ, занесенный снѣгомъ, умѣетъ, стряхнувши снѣжныя звѣздочки, войти въ дѣтскую, гдѣ гномикъ остановилъ часы горя на часѣ и минутѣ радости. Минскій и Мережковскій, Бенуа и Бакстъ, Зѣлинскій и Батюшковъ, Волошинъ и Городецкій, цѣлый рядъ писателей, поэтовъ и художниковъ, уже сказавшихъ свое слово и только что выступающихъ съ лезвіемъ слова, сливаются нынѣ въ одномъ великомъ замыслѣ — свить цвѣточную гирлянду красоты и знанія. Я не пересчитываю всѣхъ именъ. И еще другіе придутъ, другіе, другіе, освященные творческимъ даромъ — умѣньемъ знать счастье и испытывать боль. Мы создадимъ Пѣвучую Дружину. Она уже есть.

Вотъ, мы собрались на ночной равнинѣ. Срывныя скалы кругомъ, запутанность горъ. Но мы знаемъ, что есть священная игра — изъ рукъ въ руки передавать заповѣдный свѣтильникъ, отъ факела къ факелу, ждущему свѣта, перебрасывать быструю искру. Скорѣе — рука къ рукѣ, и отъ края до края. Бросимъ и тутъ и тамъ, по ночнымъ окраинамъ, алые гроздья огня.

И зажжемъ на высотахъ костры.

К. Бальмонтъ.

13 февраля 1908.
Долина Березъ.

Давно ужь съ Поэтами я говорю,
Иныхъ чужеземныхъ садовъ.
Жемчужины млѣютъ въ отвѣтъ янтарю,
Я сказкой созвучной воздушно горю
Подъ золотомъ ихъ облаковъ.

И вижу я алые ихъ лепестки,
Въ душѣ возникаетъ рубинъ.
Звенятъ колокольчики возлѣ рѣки,
И въ сердцѣ такъ много красивой тоски,
Я чувствую, Мракъ—властелинъ.

Но Агни, о, Агни сильнѣе всего,
Я самъ изошелъ изъ Огня.
И близокъ я Солнцу съ лучами его,
И лучше сіянія нѣтъ ничего,
И звѣзды ласкаютъ меня.

Я съ ними, я всюду, гдѣ греза поетъ,
Я всюду, гдѣ дышетъ душа.
Мнѣ блески зажглись, отступили, и вотъ,
Гдѣ были, сплелись тамъ цвѣты въ хороводъ.
Какъ жизнь межь цвѣтовъ хороша!

К. БАЛЬМОНТЪ.

1905. Москва.
Золотой Сентябрь.

Отъ Солнца до Солнца иду я,
Отъ Ночи до Ночи я жду.
Внимая, тоскуя, ликуя,
Въ душѣ засвѣчаю звѣзду.

Мнѣ Сиріусъ далъ златоцвѣтность.
Мечту онъ увлекъ за собой.
И, въ сердцѣ лелѣя отвѣтность.
Увидѣлъ я Нилъ Голубой.

Большую Медвѣдицу зная,
Къ цвѣтамъ неизвѣданныхъ мѣстъ
Ушелъ я, и мгла голубая
Мнѣ Южный означила Крестъ.

Дорогою душѣ устремляясь,
Я Млечнымъ Путемъ проходилъ.
И мысль, серебрясь, расцвѣчаясь,
Златыхъ прикоснулась свѣтилъ.

Цвѣты небосводные были
Такъ ярки въ своей высотѣ,
Что блески цвѣточной той пыли,
Остались какъ гроздья въ мечтѣ.

Отъ Солнца до Звѣздъ и до Солнца,
Отъ Солнца до Звѣздъ и Луны,
Румяность и рдяность червонца,
Опально-сребристые сны.

И, если я снова въ туманѣ,
И дымность въ сіянія лью,—
Я все-жь, и въ туманной Бретани,
Багряное Солнце пою.

К. БАЛЬМОНТЪ.

1906. Финистеръ. Примель.
Лѣто.

1908. Фландрія. Беркендаль.
Убыль Зимы.

ЕГИПЕТЪ

ПРЕДСТАНІЕ ПРЕДЪ ЛИКОМЪ ДНЯ.

ГИМНЪ КЪ РА,
КОГДА ОНЪ ВОСХОДИТЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НЕБА.

(гимнъ къ солнцу).

ПОЧИТАНЬЕ тебѣ и хвала,
Тебѣ, что пришелъ какъ Хепера, создатель Боговъ,
Чтобы въ свѣтъ обратилася мгла,
Въ вѣка изъ вѣковъ,
Межъ тѣмъ какъ ладья
Восходящаго Солнца плыветъ по морямъ Бытія.
Ты восходишь, сіяешь, и свѣтъ твой течетъ,
Озаряешь безсмертную мать свою Нётъ,
Изначальную влажность, источникъ всего, что живетъ,
И мать твоя, руки вздымая свои,
Привѣтствуетъ Бога въ своемъ бытіи.
Ману, вершина, куда на закатъ
Солнце уйдетъ, какъ лучи догорятъ,
Тебя принимая, свѣтла.
И богиня Маатъ,
Что въ дѣлахъ Мірозданья была,
Обнимаетъ тебя по зарямъ,
По зарямъ, по утрамъ-вечерамъ.
Да дозволитъ блистательный Ра, чтобы взоръ
Весь увидѣлъ вселенскій уборъ,
Чтобъ двойникъ какъ живая душа
Увидалъ Геру-кхути, двойной кругозоръ,
Чтобы, вольно дыша,
Онъ увидѣлъ весь свѣтъ,
Ману, Западъ-гору, и гору-Бакхатэтъ,
Весь просторъ міровой, что такъ въ зоряхъ широкъ,
Самый крайній Закатъ, самый крайній Востокъ.

Придите, и Ра да восхвалимъ, Владыку небесныхъ
пространствъ,
Онъ Вождь, онъ Здоровье, онъ Сила, онъ Жизнь въ
огнеблескѣ убранствъ.
И тѣ, что живутъ на высотахъ, и тѣ, что
въ глубинахъ низинъ,
Тебя почитаютъ, Лучистый, просторовъ и дней
Властелинъ.
Богъ Тотъ, что есть Слово и Мудрость, съ супругой
своею Маатъ,
На каждый твой день начертали твой путь межъ
воздушныхъ громадъ.
Твой недругъ въ огонь былъ низринутъ, Сэбау,
злокозненный змѣй.
Срубивъ ему ноги, ты руки втѣснилъ въ узловатость
цѣпей.
Исчадья безсильнаго бунта не встанутъ уже никогда.
Храмъ Солнца, храмъ въ Городѣ Солнца, поетъ, —
и пылаетъ Вода.
Всѣ Боги ликуютъ, увидѣвъ, что всталъ и возносится Ра,
Что блескомъ объяты всѣ рѣки, долина, равнина, гора.
Величество Бога Святого идетъ и уходитъ впередъ,
До самой вершинности Ману лучистый свой путь
доведетъ.
Да славится, свѣтлый въ рожденьи, и свѣтлый въ
закатности, Ра,
Всегда онъ побѣдно доходитъ до мѣста, гдѣ былъ
онъ вчера.

Будь въ мирѣ со мной,
Властитель, не кинь меня въ сумрачномъ злѣ,
Дай сполна мнѣ упиться твоей красотой,
Да свершаю свой путь на Землѣ,
Да сражу я того, кто весь міръ обратилъ бы
въ вертепъ,
Змѣедемонъ Сэбау да будетъ сраженъ,

Да падетъ съ темной свитою онъ,
А въ свой часъ — и зловѣщій Апепъ,
Змѣй, чей видъ — воплощенный уклонъ.
Въ надлежащее время да вижу священную рыбу, Абту,
И священная рыбина Антъ да ведетъ меня въ тихій
затонъ,
Эти двѣ, что на склонахъ ладьи отразили свою
красоту.
Да увижу, что Горусъ въ ладьѣ — рулевой,
И что Тотъ и Маатъ — близко, вмѣстѣ со мной.
Прикоснуться къ вечернему дай челноку,
И дозволь моему двойнику
Видѣть Солнце и Луннаго Бога, всегда, каждый день,
безъ конца,
И дозволь, чтобъ душѣ было можно блуждать,
Не отвращая лица
Ни отъ какой стороны, и чтобъ имя мое какъ печать
Закрѣпилось въ таблицѣ дѣяній моихъ,
Межъ стиховъ звучный стихъ,
Да войду я въ ладью лучезарнаго Солнца, струящаго
свѣтъ,
Въ день, какъ Богъ въ путь пойдетъ,
Да приду въ свой чередъ
Предъ лицо Озириса, въ страну свѣтлоликихъ побѣдъ.

■ ■ ■ ■

ИСПОВѢДЬ ОТРИЦАЮЩАЯСЯ.

Нэбсэни, писецъ, что писалъ,
На судѣ, съ ликованьемъ, сказалъ:

1. Тебѣ, чьи широки шаги, кто приходитъ изъ
города Анну,
Изъ города Солнца, — привѣтъ! Предъ тобою ли
быть мнѣ обману!

2. Тебѣ, кто пришелъ отъ Мемфиса, тебѣ, кто въ объятьяхъ Огня,—
Привѣтъ! Я не дѣлалъ неправды, нѣтъ въ этомъ перста на меня.

3. Тебѣ, кто пришелъ изъ Хеменну, надъ коимъ властитель есть Тотъ,—
Привѣтъ! Не свершалъ я насилья, не втиснулъ другого подъ гнетъ.

4. Тебѣ, кѣмъ съѣдаемы тѣни, чей путь — отъ источниковъ Нила,—
Привѣтъ! Я не кралъ, похищенья вотъ это рука не свершила.

5. Тебѣ, что пришелъ изъ Рэстау, отъ тайнъ и отъ страховъ могилъ,—
Привѣтъ! Ни жены я, ни мужа рукою своей не убилъ.

6. Тебѣ, Богъ Вчера и Сегодня, Левъ съ Неба, Богъ-Левъ, Левъ Двойной,—
Привѣтъ! Четверикъ не былъ легкимъ содѣланъ обманчиво мной.

▪ ▪ ▪ ▪

7. Тебѣ, чьи глаза искрометны, тебѣ, кто пришелъ изъ Сэхэма,—
Привѣтъ! Не вводилъ я въ обманы, для лжи сердце чистое—нѣмо.

8. Тебѣ, воплощенное Пламя, тебѣ, что уйдешь, какъ пришелъ,—
Привѣтъ! Надлежащаго Богу къ вещамъ я своимъ не причелъ.

9. Тебѣ, Сокрушитель костей, что приходишь изъ Сутэнъ-Хенена,—
Привѣтъ! Я не лгалъ никогда, невѣдома сердцу измѣна.

10. Тебѣ, чье воленье велитъ, чтобъ огонь, разъ зажегся, возросъ,
Былъ ярче,—привѣтъ! О, ни разу я пищи чужой не унесъ.

11. Тебѣ, что пришелъ изъ Аменти, съ закатныхъ пришелъ береговъ,—
Привѣтъ! Я во лжи неповиненъ, облыжныхъ не вѣдаю словъ.

12. Тебѣ, чьи блистательны зубы, тебѣ, кто пришелъ изъ Та-ши,—
Привѣтъ! Ни за кѣмъ я не гнался, живой я не мучилъ души.

13. Тебѣ, что питаешься кровью, тебѣ, что изъ бойни пришелъ,—
Привѣтъ! Я животныхъ, что Божьи, не трогалъ, своими не счелъ.

14. Тебѣ, что съѣдаешь утробы, тебѣ, что пришелъ изъ Мабетъ,—
Привѣтъ! Не свершалъ я пронырства, дурной не измыслилъ совѣтъ.

15. Тебѣ, Богъ Закона и Правды, изъ града Маати двойной,—
Привѣтъ! Не топталъ я тѣ земли, гдѣ плугъ проходилъ бороздой.

16. Тебѣ, что приходишь назадъ, чья изъ города
Баста дорога, —
Привѣтъ! Я не спутывалъ дѣлъ, и я
не измыслилъ подлога.

17. Тебѣ, что зовешься Аати, и изъ Анну приходишь
сюда, —
Привѣтъ! Ротъ мой не былъ берлогой,
въ которомъ другому — бѣда.

18. Тебѣ, кто приходитъ изъ Ати, и есть во
двоякости злой, —
Привѣтъ! Безъ причины я гнѣву владѣть
не дозволилъ собой.

19. Тебѣ, что приходишь изъ бойни, о, змѣй
Уаменти, — привѣтъ!
Я въ жизни жены человѣка не бросилъ
марающій слѣдъ.

20. Тебѣ, что несомое видишь, чей въ Амсу есть
храмъ красоты, —
Привѣтъ! Не свершилъ ничего я, что противъ
моей чистоты.

21. Тебѣ, Повелитель высокихъ, чей городъ есть
Градъ Сикоморы, —
Привѣтъ! Не пугалъ я, и страхомъ не дѣлалъ я
мутными взоры.

22. Тебѣ, истребительный Хэми, что съ озера Кави
пришелъ, —
Привѣтъ! Я въ священные сроки не ввелъ
никакой произволъ.

23. Тебѣ, чье господство—надъ рѣчью, тебѣ, что
пришелъ изъ Урита, —
Привѣтъ! Не ввергался я въ ярость, не пѣнилось
сердце сердито.

24. Тебѣ, о, Дитя, что приходишь отъ озера-свѣта
Гек-атъ, —
Привѣтъ! Не закрылъ я для правды ни слухъ
мой, ни видящій взглядъ.

25. Тебѣ, устрояющій рѣчи въ размѣрности четкой
узора, —
Привѣтъ! Подстрекателемъ не былъ, и мной
не возлюблена ссора.

26. Тебѣ, что изъ Тайнаго Града, — привѣтъ! Я въ
веселье не внесъ
Печали, и не былъ причиной тоскующе-
брызнувшихъ слезъ.

27. Тебѣ, что пришелъ изъ Жилища, съ лицомъ,
обращеннымъ вослѣдъ, —
Привѣтъ! Нечистотъ не свершалъ я, съ мужчиною
не былъ раздѣтъ.

28. Тебѣ, со стопою горящей, тебѣ, чей пылающій
путь, —
Привѣтъ! Я не съѣлъ свое сердце и гнѣвомъ
не сжегъ свою грудь.

29. Тебѣ, о, Кенэмти, который изъ града пришелъ
Кенэметъ, —
Привѣтъ! Я не ткалъ заблужденій, и тьмой не
опутывалъ свѣтъ.

30. Тебѣ, что изъ града Саиса приходишь, прiявши даянья, —
Привѣтъ! Не свершалъ я насилья, не вызвалъ насильемъ стенанья.

31. Тебѣ, что за лицами смотришь, тебѣ, что изъ града Чефетъ, —
Привѣтъ! Не судилъ я поспѣшно, развъ властью судьи былъ одѣтъ.

32. Тебѣ, кто приходитъ изъ Унта, тебѣ, кѣмъ даруется знанье, —
Привѣтъ! Я не вѣдаю мести, на Бога не поднялъ возстанья.

33. Тебѣ, Двоерогiй Властитель, чья мощь, въ соотвѣтствьи, двурога, —
Привѣтъ! Не умножилъ я рѣчи, и словъ не сказалъ слишкомъ много.

34. Тебѣ, Нэфэръ-Тэмъ, что приходишь изъ града святынь Гэтъ-ка-Пта, —
Привѣтъ! Не повиненъ я въ козняхъ, во мнѣ не сплелась темнота.

35. Тебѣ, что зовешься Тэмъ-Сэномъ, и держишь изъ Татту свой путь, —
Привѣтъ! Не случалось — вотъ этимъ — устамъ Фараона клянуть.

36. Тебѣ, у котораго сердце въ работѣ, изъ града Тэбти, —
Привѣтъ! Я не взмучивалъ воду, встрѣчая ее на пути.

37. Тебѣ, водный Аги, что путь свой изъ Ну направляешь, — привѣтъ!
Не дѣлалъ я голосъ надменнымъ, ни рѣзкимъ, давая отвѣтъ.

38. Тебѣ, что даешь человѣкамъ для каждаго мига — велѣнья, —
Привѣтъ! Не построилъ я въ сердцѣ уюта для богохуленья.

39. Тебѣ, Озерной, что приходишь съ затона Нефера, — привѣтъ!
Въ своемъ поведеньи я не былъ ни въ грубость, ни въ наглость одѣтъ.

40. Тебѣ, Нэгэбъ-кавъ, что приходишь изъ града, который есть твой, —
Привѣтъ! Не искалъ я тщеславно быть взысканнымъ пышной хвалой.

41. Тебѣ, чьи глаза суть священны, — привѣтъ! Я не ждалъ умноженья
Богатствъ внѣ законныхъ предѣловъ, за трудъ намъ дающихъ владѣнья.

42. Тебѣ, что пришелъ изъ Авкерта, изъ мглы Преисподней, — привѣтъ!
Я Бога родного не презрилъ, ни въ дняхъ, ни въ сплетенности лѣтъ.

■ ■ ■ ■

О СОХРАНЕНIИ ПАМЯТИ ВЪ ПРЕИСПОДНЕЙ.

Да сохранится мнѣ имя мое,
Въ Великомъ Домѣ,
Да не покинетъ меня, ■ ■ ■ ■

Потонувъ въ забвеньи и въ дремѣ,
Да помню я имя мое,
Въ Домѣ Огня,
Въ ночь лѣтосчисленья,
И приведенья въ размѣрность числа
Мѣсяцевъ, — въ ночь говоренья,
Сколько ихъ есть, и какая толпа ихъ была.
Да не сузится память моя,
Нынѣ съ Божественнымъ я,
Въ части Неба восточной.
Если какой-нибудь Богъ
Ко мнѣ подойдетъ въ часъ урочный,
Да во мнѣ не задержится радостный вздохъ,
И въ памяти точной
Да тотчасъ я имя его найду,
Да имя его вознесу, какъ звѣзду.

■ ■ ■ ■

О ПРЕБЫВАНЬИ МЕЖЪ ВЕЛИКИХЪ БОГОВЪ.

Я сижу межъ великихъ Боговъ,
Путь къ Великому Дому самъ себѣ я нашелъ.
И летучка крылатая, что зовутъ — богомолъ,
Проводила меня вплоть до сихъ береговъ,
Гдѣ, въ Аменти, я вижу великихъ Боговъ,
Я гляжу съ ликованьемъ на нихъ,
Какъ вокругъ излучается ихъ красота,
И не страшно мнѣ ихъ,
Ибо въ сердцѣ моемъ чистота.

■ ■ ■ ■

О ПРЕВРАЩЕНЬИ ВЪ ЗМѢЮ САТУ.

Домохранитель хранителя печати,
Ну, торжествуя, сказалъ:
Я Сата змѣя, чьи годы суть многи,
Каждый день умираю и рождаюся я,
Я Сата змѣя, что умретъ на порогѣ
Отдаленномъ Земли. Такъ, я Сата змѣя.
Каждый день — умеревъ — вновь рождаюся я,
Каждый день я опять молода,
Черезъ смерть — возрождаюсь всегда.
Я въ кругѣ возврата
Свѣжій мигъ бытія.
Я Сата, я Сата,
Я Сата змѣя.

■ ■ ■ ■

О ПРЕВРАЩЕНИИ ВЪ ПТИЦУ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Я Бенну, птица возрожденья,
Возникъ я — какъ священный жукъ,
Какъ Богъ Хепера, что свершаетъ свой
восполняющійся кругъ,
Возросъ я — какъ ростутъ растенья,
Какъ черепаха — свой нарядъ
Надѣлъ, и засвѣтилъ свой взглядъ.
Во мнѣ, въ зернѣ, есть каждый Богъ.
Я есмь Вчера — ихъ, четырехъ
Пространныхъ міровыхъ частей,
Я есмь Вчера — и ихъ сплетенья,
Семи свивающихся змѣй,
Уреевъ, змiевъ, узелъ чей
Есть Фараоновъ украшенье,
И чье въ Аменти есть рожденье,
Въ странѣ скончанья, захожденья.

Я съ днемъ пришелъ, я вольный вздохъ,
И мнѣ ли быть печальну, плѣнну?
Мой пухъ—какъ снѣгъ, я птица Бенну,
Я свѣтъ воздушный, лунный Богъ.

■ ■ ■ ■

О ПРЕВРАЩЕНІИ ВЪ КРОКОДИЛА.

Рыба мощная Кемура,
Я священный крокодилъ.
Я гляжу, мерцая хмуро,
Мною, въ числахъ, полонъ Нилъ.
Пребываю окруженный
Мглою страховъ, и къ врагамъ
Устремляюсь разъяренный,
Знаетъ то—гиппопотамъ.
Какъ схвачу зубами всѣми,
Кровь — что пурпуръ надъ волной.
Храмъ мой—въ городѣ Сэхэмѣ,
Тамъ лежатъ передо мной.

■ ■ ■ ■

О ПРЕВРАЩЕНІИ ВЪ ЛОТОСЪ.

Я чистый лотосъ,
Я, свѣтлый, вышелъ
Изъ блеска Ра.
Его дыханьемъ
Я былъ воздвигнутъ,
И вотъ — пора.
Я чистый лотосъ,
Искалъ, гдѣ Горусъ,

Свершилъ весь путь.
Взошелъ на Полѣ,
Я чистый лотосъ.
Дохнуть, блеснуть!

■ ■ ■ ■

О ПРЕВРАЩЕНІИ ВЪ ЛАСТОЧКУ.

Домохранитель хранителя печати,
Ну, торжествуя, сказалъ:
Ласточка я, ласточка я,
Я Скорпіонъ, дочь Ра.
Привѣтъ вамъ, Боги, что, нѣжность струя,
Дышите! Слышите, пѣснь вамъ моя!
Ласточка я.
Привѣтъ тебѣ, Пламя, чьи очи горятъ!
Привѣтъ тебѣ, тотъ, кѣмъ такъ зорится градъ.
Руку свою протяни,
Да смогу провести мои дни
Въ лучезарномъ затонѣ Двойного Огня,
И впередъ пропусти съ благовѣстьемъ меня,
Ибо есть у меня слова,
И ими жива
Надежда моя.
Хочу сказать то, что видѣлъ я.
Горусъ — владыка въ ладьѣ золотой,
Въ Солнечной лодкѣ надъ свѣтлой водой,
Озирисъ ему передалъ тронъ,
А Сэтъ,
Сынъ Нётъ,
Осужденъ,
Яркій свѣтъ
Живетъ,
Въ томъ законъ.

Да смогу я пройти,
И войти,
Безъ помѣхъ на великомъ пути.
Я вхожу, я судимъ,
Тамъ, гдѣ души идутъ.
Грѣхъ? Разстался я съ нимъ.
Зло? Прошло. Конченъ судъ.
Вамъ, божественность чья
Сторожитъ этотъ входъ, —
Пѣснь моя!
Вотъ и я
Здѣсь — какъ вы. Заглянуть
Дайте дальше мнѣ, дальше въ Дворецъ Бытія.
Днемъ я шелъ,
Я прошелъ
Полный путь.
Я поспѣлъ,
Овладѣлъ
Я собой
Передъ Богомъ Зари Огневой.
Хоть въ могилѣ вся тлѣнность моя,
Побѣдилъ я враговъ. Гдѣ Змѣя?
Ибо ласточка, ласточка я.

■ ■ ■ ■

ГИМНЪ ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ.

ОТШЕДШІЙ сказалъ:
Хвала тебѣ, Ра, хвала тебѣ, Тэмъ, свѣтило ночное
Въ пути лучезарномъ твоемъ.
Ты взошелъ, и игра твоей силы надъ днемъ,
И вечернее море твое золотое,
Такъ красивы, предъ тѣмъ какъ огнистая мгла,
На чертѣ горизонта, въ Аменти, въ покоѣ,

На вершинностяхъ Ману, тебя обоймегъ,
Такъ красивы, что сердце въ восторгѣ поетъ:
О, хвала тебѣ, Ра! О, хвала! О, хвала!
Богиня твоя, съ змѣинымъ уборомъ,
Съ сіяющимъ взоромъ,
Богиня твоя — за тобой,
Богиня твоя съ сіяющимъ взоромъ,
Съ змѣинымъ уборомъ,
Богиня твоя — за тобой.
Море одинъ огнеблещущій пиръ.
Миръ тебѣ, миръ!
Миръ тебѣ, миръ!
Ты сливаешься съ Окомъ всезрящимъ, —
Соколиный Горуса Глазъ, —
Ты скрываешься въ мѣстѣ спящемъ,
Тамъ проводишь свой тайный часъ.
И зиждительный Горуса Глазъ
Даетъ тебѣ новую силу,
Къ амулету кладетъ на тебя амулетъ,
Ты живешь, тѣневую оставивъ могилу, —
Вотъ онъ, свѣтъ!
Ты плывешь въ Небесахъ, и Земля — на устоѣ,
Ты въ верховное Небо, въ лазоревый скатъ,
Уплываешь, Свѣтильникъ, жерло золотое,
Два край-образа блесками Солнцу кадятъ,
Златоликаго славятъ Востокъ и Закатъ,
День за днемъ,
И великіе Боги Аменти сіяютъ,
Упиваясь небеснымъ огнемъ,
Сокровенности — чтутъ тебя, древности силу твою охраняютъ,
Божества горизонтовъ двухъ разныхъ сторонъ
На Закатной чертѣ и на грани Восточной,
Въ часъ урочный,
Черезъ весь тебя мчатъ голубой Небосклонъ.
Души въ блѣдномъ Аменти кричатъ тебѣ: Сила,

3

Жизнь, Здоровье! Хвала Огнеблеску! Хвала! —
Мать Изида, что любитъ и вѣчно любила,
Обнимаетъ лучистаго сына, свѣтла.
Ты встаешь, ты — живой, въ дымно-темномъ порталѣ,
Твой отецъ двѣ руки простираетъ во мглѣ,
Поднимаетъ тебя, ты въ текучемъ опалѣ,
Ты горишь, ты глядишь, Божество на Землѣ.
Ты не спишь при заходѣ, въ нагорностяхъ Ману.
Благосклонно ко мнѣ, о, Горящій, склонись,
Да овѣянъ твоимъ огнесвѣтомъ предстану
Предъ владыкой владыкъ, тѣмъ, кто есть Озирисъ.
О, блистательный въ ужасахъ, страхомъ овитый,
Къ горизонту Аменти склонившійся взоръ,
Не покинь меня въ страхахъ, мой Богъ Златолитый,
Въ Преисподней, межь пепловъ, багряный костеръ!

■ ■ ■ ■

Мексика.

ВОСКЛИКНОВЕНЬЯ БОГОВЪ И БОГИНЬ.

1. ПѢСНЬ ВИЦТЛИПОХТЛИ.

Я Вицтлипохтли, Боецъ.
НѢтъ никого какъ я,
Я исторгатель сердецъ.
Желтоцвѣтна одежда моя,
Изъ перьевъ цвѣта Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.

Я Вицтлипохтли, Боецъ.
Какъ колибри, пронзаю даль.
На мнѣ изумрудный вѣнецъ,
Изъ перьевъ птицы Кветцаль,
Вѣнецъ травяного Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.

Человѣкъ изъ облачныхъ странъ
Кровавость узналъ чрезъ Бойца,
Алость цвѣтистыхъ ранъ
На блѣдности хладной лица.
Отнялъ я ноги ему,
Человѣку, что любитъ тьму.

Среди людей Тлаксотланъ
Бросаетъ онъ перья-пожаръ,
Бросаетъ онъ зарево ранъ,
Боецъ, чей мѣтокъ ударъ.
Войну Побѣдитель людей
Несетъ межъ порханій огней.

Богъ людей Тлаксотланъ
Страхомъ наполнилъ сердца,
Пыль встаетъ, какъ туманъ
Крутится волей Бойца.
Крутится пыль столбомъ,
Дымомъ встаетъ съ огнемъ.

Наши враги Амантланъ,
Собери ихъ, сбери ихъ сюда,
Увидитъ ихъ вражескій станъ,
Какъ близокъ къ нимъ врагъ и бѣда.
Собери ихъ скорѣе въ ихъ домъ,
Чтобъ тамъ освѣтить ихъ огнемъ.

Наши враги Пипитланъ,
Собери здѣсь скорѣе ихъ всѣхъ,
Будетъ имъ праздникъ данъ,
Радость бранныхъ утѣхъ.
Собери ихъ скорѣе, сбери,
Свѣтъ увидятъ огнистѣй зари.

Нѣтъ никого, какъ я,
Я, Вицтлипохтли, Боецъ,
Желтоцвѣтна одежда моя,
На мнѣ изумрудный вѣнецъ,
Цвѣтъ колибри, лѣсовъ и Огня,
Ибо Солнце взошло чрезъ меня.

2. Пѣснь Со-щитомъ-рожденнаго и Владычицы земныхъ людей.

Со щитомъ онъ отъ дѣвы рожденъ,
Вождь, чьи сильны полки,
Былъ выношенъ дѣвою онъ,
Чьи удары — съ лѣвой руки.

Утренній храмъ мела,
Не знала, что будетъ съ ней,
Не вѣдала, какъ зачала,
И стала Царицей людей.

Съ Неба, чей сводъ высокъ, —
Какъ лучъ изъ-за вышнихъ скалъ, —
Изъ перьевъ блестящихъ клубокъ
Въ дѣвичье лоно упалъ.

Съ копьемъ, со щитомъ былъ рожденъ
Боецъ, чьи движенья легки,
Былъ выношенъ дѣвою онъ,
Кто такъ мѣтокъ съ лѣвой руки.

На нее, Коатликуэ,
Устремился вражескій кличъ,
Но въ огненной онъ змѣѣ
Обрѣлъ оскорбителямъ бичъ.

Четыреста Южныхъ онъ
Низвергъ словно воды рѣкъ,
Всталъ за дѣву, кто дѣвой рожденъ,
На горѣ Коуатепекъ.

Когда онъ раскрасилъ щитъ,
И краски явилъ лица,
Былъ грозенъ цвѣтистый видъ,
Побѣдительный видъ Бойца.

И тѣшился въ бранной игрѣ
Кто за мать свою дѣву всталъ,
Враговъ на Змѣиной Горѣ
Какъ камни онъ всѣхъ разметалъ.

3. пѣснь желтоликаго.

(Богъ Огня).

Въ Тцоммолько, въ пылающемъ храмѣ Огня,
Отвергну ли жертву во имя меня?
Жрецы, удержу ли ее,
Что возникла во имя мое?

Во храмѣ литавры стенанія шлютъ,
Изъ раковинъ рогъ, и свирѣли поютъ.
И маска за маской идетъ,
Ряды нарядилися — вотъ.

Въ Тцоммолько — тамъ слышно, что пѣснь началась,
Въ Тцоммолько пѣвучій означился часъ.
Чего-жь не приходятъ они?
Чего-жь не усилятъ огни?

Въ Тцоммолько мнѣ жертва должна быть дана,
Отъ жертвъ человѣческихъ воля сильна.
Ужь Солнце надъ міромъ взошло,
Пусть кровь изольется свѣтло.

Въ Тцоммолько ужь пѣсня коснулась конца.
Безъ всякихъ усилій достигъ онъ вѣнца.
Немного пришлось ему ждать,
Ворожитъ его благодать.

О, малая, ты, чей туманенъ дворецъ,
Но кто огневзорный готовитъ вѣнецъ,
Да будетъ увѣнчанъ тобой
Богъ желтый и богъ голубой.

4. пѣснь облачныхъ змѣй.

(Богъ Сѣвера, Богъ Охоты).

Изъ Семи Пещеръ онъ возникъ,
Изъ Семи тайниковъ тѣней.
Явилъ быстроглазый свой ликъ
Въ странѣ Колючихъ Стеблей.
Изъ Семи изошелъ онъ Пещеръ,
Чей глубиненъ туманный размѣръ,
Изъ Семи изошелъ онъ Пещеръ.

Я сошелъ, я сошелъ,
У меня копье съ шипомъ.
Изъ стеблей колючихъ сплелъ
Я копье съ остріемъ.
Я сошелъ, я сошелъ.

Я сошелъ, я сошелъ,
А со мною сѣть,
Я ее искусно сплелъ,
Будетъ кто-то въ сѣти млѣть.
Я сошелъ, я сошелъ.

Я хватаю, я схватилъ,
Я хватаю, я беру.
Изъ Семи пришелъ Могилъ,
И хватаюсь за игру.
Я хватаю, я схватилъ.

5. пѣснь богини земли.

Орлица, орлица, раскрашена кровью змѣиной,
Могучая птица, съ короной изъ перьевъ орлиной,
Густой кипарисъ, для Чальмекскаго края охрана,
Проворный Олень, копьеносица Койоакана.

Маисъ передъ ней — какъ раскинутый станъ,
Рокочущій съ ней барабанъ.

Колючку агавы, колючку агавы держу я,
Колючку агавы держу наготовѣ, ликуя,
На Божескомъ полѣ, вотъ здѣсь, для работы со мною
Ударная палка, трещетка и палка съ метлою.
Маисъ предо мной — какъ раскинутый станъ,
Гремящій со мной барабанъ.

Тринадцать Орловъ — прозывается Мать Человѣковъ,
Тринадцать Орловъ — боевая богиня Чальмековъ,
Изъ стебля съ шипами копье приготовлено мною,
Задыбились перья, я вся приготовилась къ бою,
Олень отточилъ и намѣтилъ рога,
Онъ ждетъ появленья врага.

Забрезжилось утро, приказъ боевой отдала я,
Забрезжилось утро, заря заалѣлась живая,
Пусть плѣнныхъ сюда привлачатъ мнѣ, какъ жертвъ на служенье,
По цѣлому краю пожаромъ пройдетъ разрушенье,
Орлиныя перья — убранство мое,
На битву, я славлю ее.

6. пѣснь богини рожденій.

Передъ Богинею, въ томленьи,
Въ ея Божественномъ владѣньи,
На черепаховомъ сидѣньи
Беременная родила.

Передъ Богиней, въ устремленьи,
Въ ея возвышенномъ владѣньи,
На черепаховомъ сидѣньи
Она ребенку жизнь дала.

Выйди, выйди, торопись,
Выйди, милое дитя,
Свѣтомъ раннимъ засвѣтись,
Будь какъ перышко, блестя,
Нѣжнымъ жемчугомъ зажгись
Глянь, какъ звѣздочка свѣтя,
Выйди, выйди, торопись,
Торопись, торопись.

7. пѣснь бога цвѣтовъ.

Гдѣ пляшутъ, танцуютъ, поетъ тамъ Кветцалькокскокстли,
Расцвѣтная птица ликуетъ, лучи снизошли.
Богъ Маиса въ отвѣтъ
Шлетъ пѣвучей привѣтъ.

Огнистая птица поетъ и трепещутъ листки,
Лучистые пляшутъ, какъ бы огоньки, мотыльки.
Цвѣтъ алый разлитъ,
Богъ Маиса горитъ.

Богъ Сумерекъ пѣсню мою всю разслышитъ сполна,
И Богу Земли эта звучная пѣсня слышна.
Богъ Маиса поетъ,
Звукъ сіяющій льетъ.

Айао, айао, айао! Звукъ пѣсни моей.
Внемлите, айао, внемлите, о, Боги Дождей.
Богъ Маиса цвѣтной
Нынѣ хочетъ домой.

Айао, айао, айао! Приди же въ свой срокъ,
Айао, Богъ Влаги, приди же, будь ближе, Тлалокъ.
Богъ Маиса цвѣтной
Нынѣ хочетъ домой.

Подъ звуки паденья, подъ звонкое пѣнье дождей,
Пришелъ Богъ Маиса къ скрещенью великихъ путей.
Куда мнѣ теперь промелькнуть?
Какой же я выберу путь?

Айао, айао, айао! Скажи мнѣ, Тлалокъ.
Домой ухожу я, айао, брось въ каплѣ намекъ.
Богъ Маиса, уйдя,
Выйдетъ къ брызгамъ дождя.

8. пѣснь богини маиса.

Богиня Семи Изумрудныхъ Змѣй,
Богиня Семи Зернистыхъ Стеблей,
Поднимись, пробудись скорѣй.
Ибо ты, наша мать, въ свой уходишь домъ,
Въ Тлалоканъ, гдѣ все скрыто дождемъ
Возвращайся, мы ждемъ.

Воротись, Семизмѣйная, къ радостямъ дней,
Пробудись, наша Матерь Семи Стеблей,
Поднимись, пробудись скорѣй.
Ибо вотъ ты уходишь — пока прощай —
Въ Тлалоканъ, въ свой родимый край,
Снова къ намъ, поспѣшай.

9. пѣснь богини цвѣтовъ и любви.

Изъ страны дождей, тумана,
Изъ страны Тамоанчана,
Я, Ксочикветцаль,
Роза-изумрудъ,
Я, Ксочикветцаль,
Прихожу сюда,
Тамъ цвѣту и тутъ,
Искрюсь, какъ звѣзда,
И свѣтлѣетъ даль.
Прихожу я и гляжу,
Вновь на Западъ ухожу,
Въ царство краснаго тумана,
И дождей Тамоанчана,
На великую межу.

Плачетъ нѣжный Ксочипили,
Богъ агавъ, и травъ, и лилій.
Гдѣ Ксочикветцаль,
Роза-изумрудъ?
Гдѣ Ксочикветцаль?
Тамъ, гдѣ мощный стволъ, —
Гдѣ цвѣты ростутъ, —
Кровью изошелъ,
Гдѣ горитъ печаль.
Въ міръ гніенія и тьмы
Ухожу по край зимы,
Богъ Цвѣтовъ и Царь Расцвѣта
Поманитъ меня на лѣто,
Выйдемъ къ травамъ вмѣстѣ мы.

10. пѣснь бога пульке.

(Богъ Пьянящаго Сока Агавъ).

Въ Койоаканѣ, гдѣ дышетъ внушенье
Смутнаго страха и въ страхѣ — почтенья,
Обрѣлъ себѣ родину Царь,
Обрѣлъ онъ ее еще встарь.

Богъ во дворцѣ Тецкатцонко, мы знаемъ,
Жаждущимъ свѣжій былъ Богъ раздаваемъ,
Тутъ съ шопотомъ плакалъ Огонь:
Не надо, шепталъ онъ, не тронь.

Богъ во дворцѣ Аксаляко, мы знаемъ,
Жаждущимъ свѣжій былъ Богъ раздаваемъ,
Шепталъ тутъ и плакалъ Огонь:
Не надо, не надо, не тронь.

11. пѣснь бога земли.

О, Ночной Испиватель
Освѣжительной пульке, той крови созрѣвшихъ агавъ.
Свой покровъ золотой, надѣвай же скорѣй, Замедлятель,
Дождь пошли намъ для травъ.

Брызжетъ влага живая,
Словно птица Кветцаль, изумрудомъ горитъ кипарисъ,
И зеленою стала змѣя, что была золотая,
Да сіяетъ Маисъ.

Драгоцѣнныхъ каменій
Цѣлый токъ. Чу! Напѣвъ. Это юный Маисъ шелеститъ.
Можетъ быть, я уйду, я подъ землю уйду для забвеній,
Тамъ приму новый видъ.

Чальчивитлю подобны,
Изумруду подобны теперь — мое сердце, мой сонъ.
Но я въ золото тамъ наряжусь, кину сумракъ загробный,
Вождь несчетныхъ рожденъ.

Дай, Властитель, избытокъ,
Ибо стебли Маиса глядятъ на высокій твой склонъ.
Буду счастливъ, когда я налью тебѣ свѣжій напитокъ,
Богъ Дружинъ, ты рожденъ.

12. пѣснь бога обновленныхъ полей.

Цвѣтокъ, мое сердце, раскрылся,
Властелинъ полночной поры.
Ликъ Матери нашей явился,
Царицы любовной игры.

Йоалле, оайя, овайя,
Йянтата, айявъ, тилили.

Богъ Маиса — въ Чертогѣ Рожденья,
Происхожденный Домъ,
Онъ въ мѣстѣ, гдѣ травамъ—цвѣтенье,
Онъ въ днѣ, что отмѣченъ цвѣткомъ.

Йянтата, айяо, айяве,
Оайяве, айявъ, тилили.

Богъ Маиса родился — гдѣ рѣки
Алой дымки и свѣжихъ дождей,
Гдѣ дѣтей создаютъ человѣки,
Ловятъ рыбъ-драгоцѣнныхъ-камней.

Іяо, йянталя, йянтанта,
Айяо, айявъ, тилили.

Заря ужь на розовой волѣ,
Вотъ, краски блеснутъ на листахъ,
И души, тѣ птицы-Квечоли,
Вкушать будутъ медъ на цвѣтахъ.

Йянталя, йянтата, айяо.
Оайяве, айявъ, тилили.

Изумруды Кветцалякоатля,
Цвѣтоноснаго Бога Вѣтровъ,
Змѣестебли Кветцалякоатля,
Краски, павшія внизъ съ облаковъ.

Йянталя, йянтанта, айяо,
Айяо, айявъ, тилили.

Что за радость — деревья въ расцвѣтѣ,
Тамъ души блаженныхъ поютъ,
Квечоли въ невянущемъ лѣтѣ,
Ихъ стрѣлы ничьи не убьютъ.

Приношу я цвѣты расписные,
Златые Маиса цвѣты,
И бѣлые, снѣжно-живые,
Оттуда, гдѣ дышутъ листы.

Танцуемъ, танцуемъ, танцуемъ,
Закрутился цвѣтной хороводъ,
Если въ пляскѣ мы съ пѣньемъ ликуемъ,
Богъ Камней Драгоцѣнныхъ сойдетъ.

Несетъ онъ цвѣты молодые,
Въ край закатности, Тамоанчанъ,
И перья на немъ — золотыя
И вокругъ него алый туманъ.

Заглянемъ, — о, сердце боится! —
Богъ Маиса пришелъ или нѣтъ.
Бирюза мнѣ въ запястіяхъ снится,
И въ серьгахъ бирюзовый расцвѣтъ.

Онъ грезитъ, онъ въ грезѣ, глядите,
Онъ въ дремѣ, онъ спящій, онъ спитъ.
Какія цвѣтистыя нити,
Какъ тихо Маисъ шелеститъ!

13. ПѢСНЬ БОГА МУЗЫКИ И ИГРЫ.

Я оттуда, гдѣ сломанный стволъ
Алой кровью своей изошелъ,
Я изъ мѣста, гдѣ дышутъ цвѣты,
Властелинъ багрянца, темноты.

И оттуда жь праматерь моя,
Отъ закатнаго дня бытія,
Я жрецъ огневыхъ облаковъ,
Мнѣ имя есть Пять Цвѣтковъ.

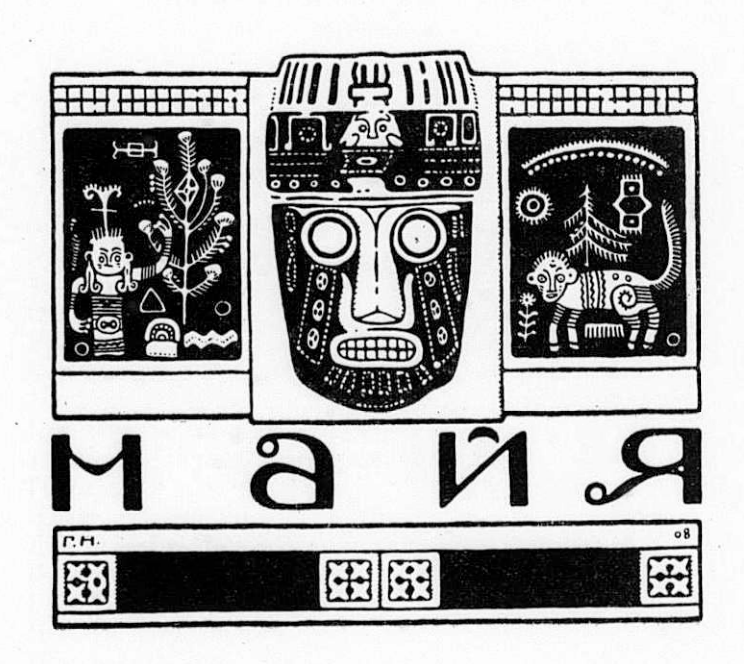
Вицтлипохтли, Гонитель знаменъ,
Съ нимъ Дразнитель двухъ вражьихъ сторонъ
Нынѣ Богу Маиса должны
Дать отчетъ о причинахъ войны.

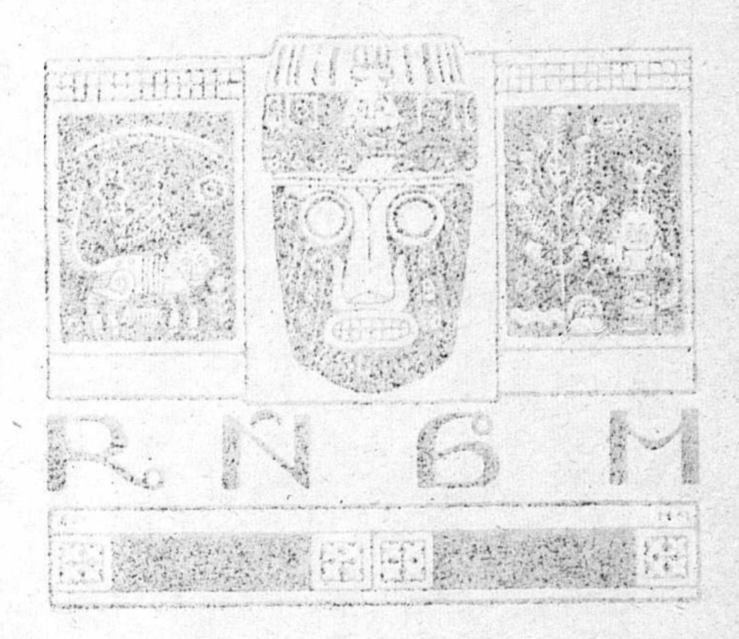
На горѣ Микскоатль для меня
Ужь готовятся брызги огня,
Пробуравлю я путь для него,
Чтобы пѣлъ онъ свое торжество.

Я въ два круглыя зеркала бью,
Создаю такъ напѣвность мою,
И зеркальная пѣсня моя
Вся изъ бронзы — въ ней воля и я.

■ ■ ■ ■

4

майя
Г.Н.
08

НАЧЕРТАНІЯ ЦАРИЦЫ МАЙЕВЪ.

(Паленке).

1. Царица майская.

Лезвіемъ орудія Ваятель
Высѣчетъ чашу тамъ,
Чашу, да,
Урну-Луну изсѣчетъ, Луннаго Года.
Будетъ она какъ бы лунной преградой,
Круглою дверью въ тайникъ,
Да защититъ лезвіемъ себя сердце.
Она,
Урна-Луна,
Будетъ основой малымъ камнямъ, сочетаннымъ въ узорность,
Камешкамъ, яйцамъ птицъ.
Тонкое высѣчетъ тамъ остріе
Голову,
Нѣжно украшенную
Жемчугомъ, нитью жемчужинъ, нанизанныхъ
Противъ глядящаго глаза.
Гдѣ разобью я забвенье,
Памяти давъ оплотъ, —
Ибо ваяетъ онъ, какъ говорятъ,
Изгибы, въ которыхъ забвенье забыто, —
Раскрою я Книгу Святыхъ Начертаній,
Мудрости Книгу и Знанья.
О, зачаруютъ они, обольстятъ,
Очертанья моей головы яйцевидной,
Околдуютъ плѣнившійся взглядъ!
Да, лезвіе инструмента повѣдаетъ

Знанье Священныхъ Письменъ.
Камень оно изсѣчетъ.
Тайную силу свою
Явитъ оно,
Сокровенную, —
Тамъ!

2. голова и рука.

Но, возглашая сущность ваянія, —
Власть опьянять, зацѣплять, уловлять,
Подобно тому, какъ крюкъ
Ловца жемчуговъ
Уцѣпляетъ, срываетъ жемчужную раковину,
Въ которой скрыта услада шеи, забава руки, —
О самой основѣ ваяній, о ихъ существѣ,
О причинѣ могущества ихъ —
Я говорю.
Часть лица маленькой дѣвочки,
Основой ваянія,
Я хочу.
Голову, какъ изваяніе,
Голову милую, нѣжную,
Съ застѣнчивой, трепетной прелестью дѣтства, —
Я хочу.
Съ головой, чуть склоненной изгибами шеи,
Я хочу — волоса.
Я хочу, чтобъ рука, прикасаясь,
Отдѣливъ, удлинняла
Прядь волосъ.
Руку съ кистью руки —
Я хочу.
Чтобъ рука, зацѣпляя, утягивала
Голову, словно ее заставляя вернуться.
Это — хочу.
И хоть знакъ, возвѣщающій і, столь жалко извитъ,

Точно согнутый тростникъ,
По краямъ съ жемчугами,
Этотъ изгибъ —
Я хочу.
Я хочу, чтобы этотъ тростникъ перегнутый, съ жемчужинами,
Былъ изваянъ съ моимъ изваяньемъ, вошелъ въ мой ликъ,
Былъ предъ взоромъ моихъ очей,
На вершинѣ лица моего.
Между тѣмъ какъ хочу, чтобы ликъ мой
Далъ мнѣ власть опьяняющую —
Недобрую власть, быть можетъ?
Причину слезъ, кто знаетъ? —
Ликъ маленькой дѣвочки, нѣжной,
Изваянный —
Я хочу.
Руку Царицы, созданную,
Чтобъ носить жемчуга,
Голову дѣвочки нѣжной, застѣнчивой,
Чья прелесть стыдливая
Напоминаетъ дѣтство народа — ловца жемчуговъ,
Причину и тайнооснову могущества нашихъ ваяній
Я возглашаю —
Здѣсь.

■ ■ ■ ■

НАЧЕРТАНЬЯ МАЙСКАГО ВАЯТЕЛЯ.
СЛОВО О СЛОВѢ.
(коршунъ и смерть).

Вспѣнился круговоротъ шипѣній,
Смерть отошла,
И съ ней горделивый шершень жужжащій,
Комаръ, что трезвонитъ и жалитъ,

Но безсиленъ обидѣть, не властенъ прожечь, обезславить.
Навсегда онъ внѣ вѣдѣнья тайны Священныхъ
Письменъ,
Внѣ уловленья сокровеннаго смысла
Ликовъ воленья Луны,
Что причинно рождаетъ
Отдаленный гулъ Океана,
Внѣ пониманія знаменій
Океана, чей гулъ опьянитъ, околдуетъ грядущія дали,
Внѣ познанья величія лика
Современно-древняго помысла.
Да не промолвитъ языкъ его
Древнее слово Минувшаго,
Здѣсь сокрытый глаголъ: —

Луна вліяетъ властью сокровенной, —
Вліяніемъ таинственнымъ и сильнымъ
На рокотъ отдаленный Океана.
Вотъ почему явилъ я ликъ ея
Здѣсь въ раковинѣ-урнѣ изсѣченной.
Ея явленье въ ликѣ Новолунья
Чрезъ 20 воплощается и 20,
Дней и минутъ. Вотъ почему легко
Я рядъ свой нахожу, свой мѣсяцъ полный
Съ его двадцатидневьемъ круговымъ.

На Югъ онъ ушелъ, птицеликій.
Пусть какъ кротъ взрываетъ тамъ землю,
Пусть округляется, обогащается,
Если клювъ его мѣсто свое будетъ знать.
Это случилось назадъ тому 3, 5 и 7,
И еще 9, 5 и 1,
То-есть, 15 мѣсяцевъ.

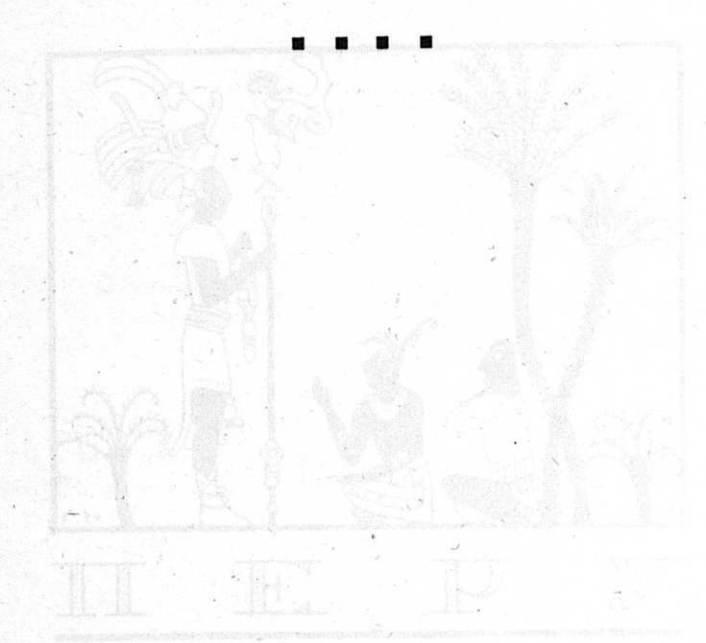
Никогда Птичій Клювъ, никогда
Не овладѣетъ наукой,

Искусствомъ Священныхъ Письменъ.
Эти камешки тамъ, голыши,
Вотъ этотъ метательный камень,
Который кладутъ въ пращу,
Эти наложенные,
Сочетанные камни-гроздья,
Ожерелье таящихся знаковъ,
Священный срывъ,
Неосторожному — пропасть.
Да не разсѣетъ онъ путы,
Да спутаетъ смыслъ,
Не озаривши ихъ сѣтъ изъясненьемъ.
Да извратитъ онъ пути толкованья,
И эти камешки станутъ когтями: —
Здѣсь вотъ — ударится онъ,
Дальше — оступится.
Рѣчь эта — узелъ;
Слово — изгибно;
Оно, извиваясь, выводитъ сводъ;
Гору дробитъ,
Крошитъ ее въ мелкіе камешки;
Расходится въ разныхъ извилинахъ;
Оно уходитъ, оно возвращается;
Оно преломляется;
Свито, скручено, сжато;
Четкое, рѣзвое, тонко-перистое;
Нераздѣльное, сплоченное;
Устремленное въ бѣгѣ, округлое;
Врата, что легко пройти,
И упоръ каменистой пустыни;
Эта рѣчь ускользаетъ, жеманная,
Она — искривленье гримасы;
Она — вся привѣтъ, веселящая;
Горькая вкусомъ, крѣпитъ;
Сладкая, миротворитъ;
Свѣже-холодная; жгучая, жжетъ, сожигаетъ;

Небесно-лазурная, водная;
Тихая, тишь, глубина;
Смѣлая, смѣло-красивая;
Мѣткострѣльность глаголющихъ устъ, копье.
Она — боязливая лань,
Проворный олень лѣсной;
Куропатка полей, что бѣжитъ;
Голубка, что пьетъ и пьянится ручьями,
Волнистой одеждой земли;
Пасть пумы, что встала,
Нависла вотъ тутъ;
Пустыня безводная;
Ливень внезапный,
Который идетъ уменьшаясь;
Хрупкая чаша изъ глины,
Едва — изъ горнила, падаетъ, въ крошки разсыпалась;
Тыква, ведро, водоемъ;
Свѣжій колодезь — жаждущему;
Колющій листъ, листъ пріютно-тѣнистый;
Гвоздочекъ, что держитъ, удерживаетъ;
Повторная бѣлость зубовъ, что созвучно дробятъ,
растираютъ;
Развилистость вилъ; перекладина, дерево казни;
Забота, ларецъ сберегающей памяти;
Кладовая лелѣйнаго сердца;
Голова и нога, верхъ и низъ — это слово;
Что начинаетъ, и то, что кончаетъ;
Отъ разрушенья оно отвращается,
Тлѣнья уходитъ,
Здѣсь завершаетъ свое нисхожденеі.
Древняя эта рѣчь,
Сокровенная,
Цѣломудренная,
Вовѣки Царица-Царевна.
Эти малые, круглые камни прибрежные,
Здѣсь — шумы морскіе глаголящіе,

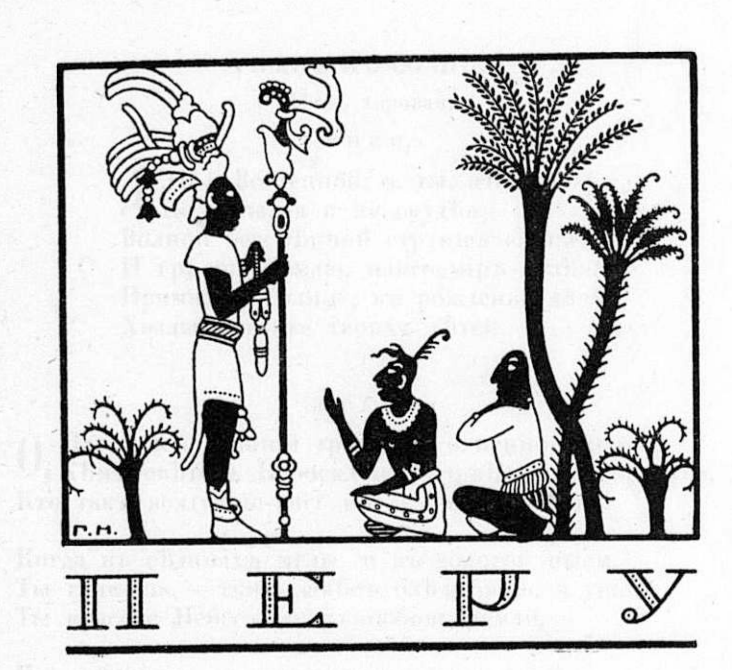
Тамъ — въ завершенной безгласности;
Плещутъ здѣсь, тамъ — молчатъ;
Они — Бездна, Волна безъ конца;
Потопленіе неосторожному,
Будь онъ крылья! Приливъ! Берегись!

■ ■ ■ ■

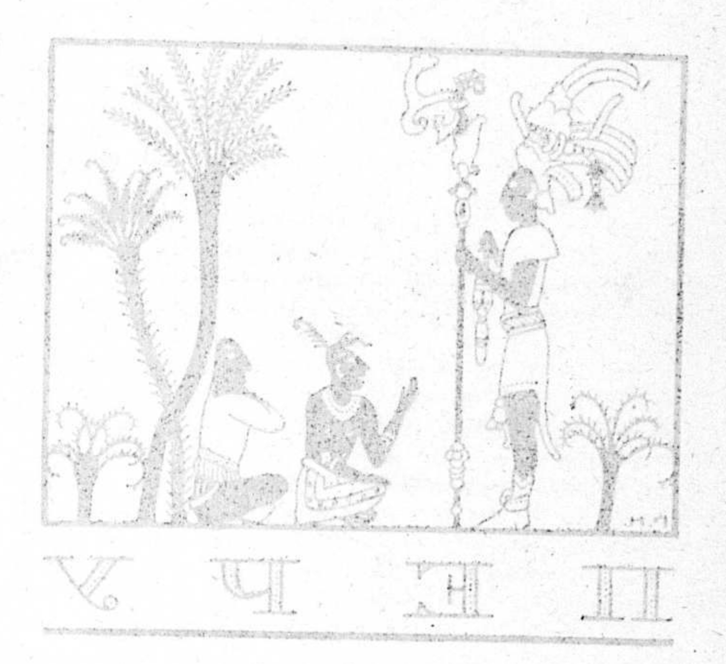

Тамъ — въ замиренной безпесенности —
Плещутъ зыби, тамъ — молчатъ.
Они — бѣлые, Волна безъ конца
Потопленье неосторожному.
Будь она проклята! Прощай! Берег [illegible]

* * * *

ПЕРУ

ГИМНЪ КЪ СОЛНЦУ.

Пѣснь хоровая.

ИНКИ.

Душа Вселенной, о, ты, что сверху,
Не остывая и не скудѣя,
Волной безсмѣнной струишь сіянье,
И грѣешь Землю, нашъ міръ лелѣя,
Прими, о, Солнце, въ рожденьи дней
Хвалы и пѣнье твоихъ дѣтей.

ЖРЕЦЪ.

О, Царь, чей вышній тронъ на огненной чертѣ,
Кѣмъ свѣтелъ Небосклонъ, кто вѣченъ въ красотѣ,
Кто такъ воздушно-юнъ въ лазурной высотѣ!

Когда въ сѣдинахъ мглы, и въ золотой пыли,
Ты глянешь, — тьмы завѣсъ блѣднѣютъ, и ушли,
Ты красота Небесъ, и ты любовь Земли.

Что сдѣлалось съ толпой сіяющихъ огней,
Что свѣтятъ бахромой на чернотѣ ночей,
Ихъ погасилъ одинъ изъ всѣхъ твоихъ лучей.

Когда бы на ночь ты — не уводилъ свой свѣтъ,
То былъ бы звѣздный прахъ такъ пламенемъ одѣтъ,
Что было бъ въ Небесахъ — какъ будто звѣздъ тамъ нѣтъ.

ДѢВУШКИ.

Услада Міра! Ликъ красивый!
Всепобѣдитель вышины!
Какъ быть должны онѣ счастливы,
Твои супруги, въ часъ, какъ сны
У нихъ растаютъ отъ касаній
Твоихъ живыхъ очарованій.

Твое присутствіе — пожаръ,
Подруги Свѣтлаго — румяны.
Въ бесѣдкѣ Ночи, полной чаръ,
Отдернутъ пологъ сновъ багряный,
И первый твой увидѣвъ взглядъ,
Всѣ въ мірѣ пропасти горятъ.

О, какъ должна была Природа
Свѣтиться въ тотъ единый часъ,
Когда на кругѣ Небосвода
Ты загорѣлось въ первый разъ!
Воспоминаніе объ этомъ
Въ ней каждый день встаетъ со свѣтомъ.

О, каждый день, когда съ зарей,
Ты торжествуешь праздникъ алый,
Проходитъ дрожь надъ всей Землей,
Горятъ рубины и опалы.
Какъ-будто дочь ждала отца
И дождалась — съ огнемъ лица!

ЖРЕЦЪ.

Душа Всемірности! Безъ яркости твоей,
Въ замѣну пирности, міръ былъ бы міръ тѣней,
Была бы мертвою раскинутость морей.

Не будь тебя, Земля была бы вязкій илъ,
Безмѣрный Океанъ свинецъ бы тяжкій лилъ,
Эфиръ бы сталъ туманъ, весь Воздухъ — мгла могилъ.

Въ Стихіи ты проникъ, прильнулъ какъ губы къ нимъ,
И твой увидя ликъ, сталъ Воздухъ подвижнымъ,
Волна — пѣвучею, весь Шаръ Земли — живымъ.

Въ мигъ стало все душой, какъ паръ — расплылся мракъ,
Туманность мглы ночной какъ алый стала макъ,
Стихіи въ четверной вступили свѣтлый бракъ.

Огонь волнѣ поетъ и ей цѣлуетъ грудь,
Волна какъ паръ встаетъ и въ Воздухъ держитъ путь,
А Воздухъ, разомлѣвъ, къ Землѣ спѣшитъ прильнуть.

Земля чреватѣетъ, пріявши сѣмена,
Даетъ плоды любовь, спитъ въ Осени Весна,
Всемірность вновь и вновь тобою зажжена.

ИНКИ.

Душа Вселенной! О, Солнце! Пламень!
Красотъ создатель — одинъ ли ты?
Иль довременной какой причины
Ты только вѣстникъ намъ съ высоты?

Коль послушаешь своей лишь волѣ,
Прими признанья отъ всѣхъ сердецъ.
Коль исполняешь законъ верховный,
Въ тебѣ да слышитъ и насъ — Творецъ.

Домчи лучистость обѣтовъ нашихъ,
Моленій утра въ начальный часъ!
Лучи — твой голосъ, ему ты скажешь, —
Ты — самый яркій, ты — онъ для насъ!

5

НАРОДЪ.

Душа Вселенной! Отецъ отцовъ!
Властитель властныхъ! Огонь вождей!
Свѣти намъ, Солнце, вѣка вѣковъ!
Злати, о, Солнце, своихъ дѣтей!

■ ■ ■ ■

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ.

О, Царевна,
Братъ твой нѣжный
Твою урну
Проломилъ.
Потому-то
Такъ гремитъ онъ
Въ блескѣ молній
Въ высотѣ.
Ты жь, Царевна,
Ты уходишь,
И изъ урны
Дождь струишь.
А порою,
Градъ бросаешь,
Устремляешь
Бѣлый снѣгъ.
Потому-то,
Зодчій Міра
Сохраняетъ
Жизнь тебѣ.
Потому-то,
Міръ творящій,
Духъ безмѣрный —
Живъ въ тебѣ.

■ ■ ■ ■

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ОЛЛЯНТАЙ».

(Перуанская драма временъ Инковъ).

ТУЙЯ.

ПѢСНЯ.

На полѣ Царевны,
О, Туйя,
Есть строгости гнѣвны,
О, Туйя.
Маиса златого,
О, Туйя,
Блюдутъ тамъ сурово,
О, Туйя.
Колосья зернисты,
О, Туйя,
И зерна душисты,
О, Туйя.
Зовутъ спозаранка,
О, Туйя,
Но есть тамъ приманка,
О, Туйя.
Маисъ утоляетъ,
О, Туйя,
Но клей прилѣпляетъ,
О, Туйя.
И ногти сломлю я,
О, Туйя,
Тебя жь изловлю я,
О, Туйя.
Чтобъ быть не мятежнымъ,
О, Туйя,
Поймавши быть нѣжнымъ,
О, Туйя.
Вонъ ястребъ убитый,
О, Туйя,

Онъ къ вѣткѣ прибитый,
О, Туйя.
Гдѣ перья, зѣницы,
О, Туйя?
Гдѣ сердце той птицы,
О, Туйя?
Онъ былъ четвертованъ,
О, Туйя,
Былъ здѣсь околдованъ,
О, Туйя.
Близь этого поля,
О, Туйя,
Для всѣхъ эта доля,
О, Туйя.

■ ■ ■ ■

ДВѢ ПТИЧКИ.

Пѣсня.

(«Оллянтай»).

Вотъ двѣ птички, дружны, нѣжны.
Отчего же такъ печальны?
Оттого что дали снѣжны,
Вѣтки мерзлы и хрустальны.
Такъ на вѣткѣ обнаженной
Неуютно, холодно имъ.
Онъ сказалъ тогда, влюбленный:
«Есть же области со зноемъ!
Полечу и отыщу я,
Подожди меня, подруга».
День и ночь ждала, тоскуя.
Ночь и день. Лишь воетъ вьюга.
И подруга начинаетъ
Пѣсню ласки и печали:
«Гдѣ ты? кто объ этомъ знаетъ?

Можетъ, рѣки? Можетъ, дали?
Рѣки льдяныя безмолвны,
Дали скрыты мглою вьюжной.
Гдѣ твой голосъ, нѣги полный?
Гдѣ твой зовъ-напѣвъ жемчужный?»
Сорвалась, тоскуетъ, ищетъ,
На шипы летитъ, не видя.
А свирѣпый вѣтеръ свищетъ,
И рычитъ въ глухой обидѣ.
«Гдѣ ты? сердце ужаснулось!»
Птичка тщетно вопрошаетъ.
Вотъ споткнулась, пошатнулась,
Вотъ упала, умираетъ.

■ ■ ■ ■

КОНИРАЙЯ.

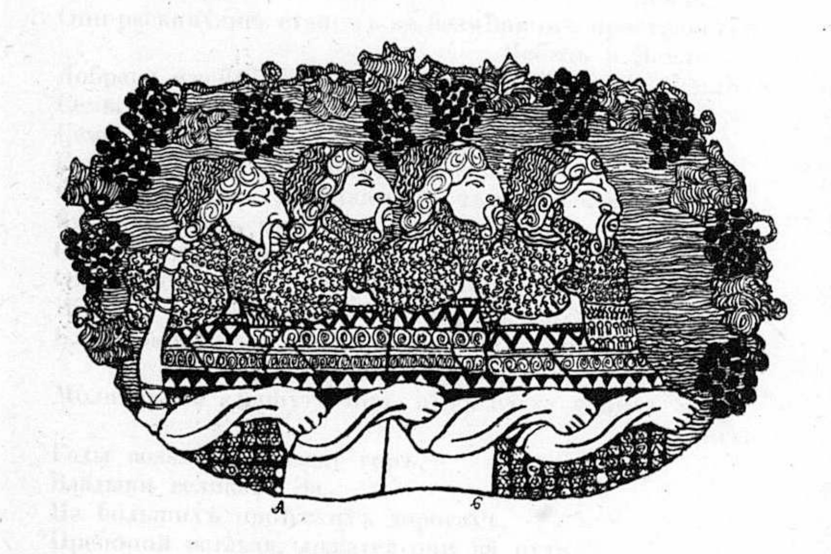
Перуанская легенда.

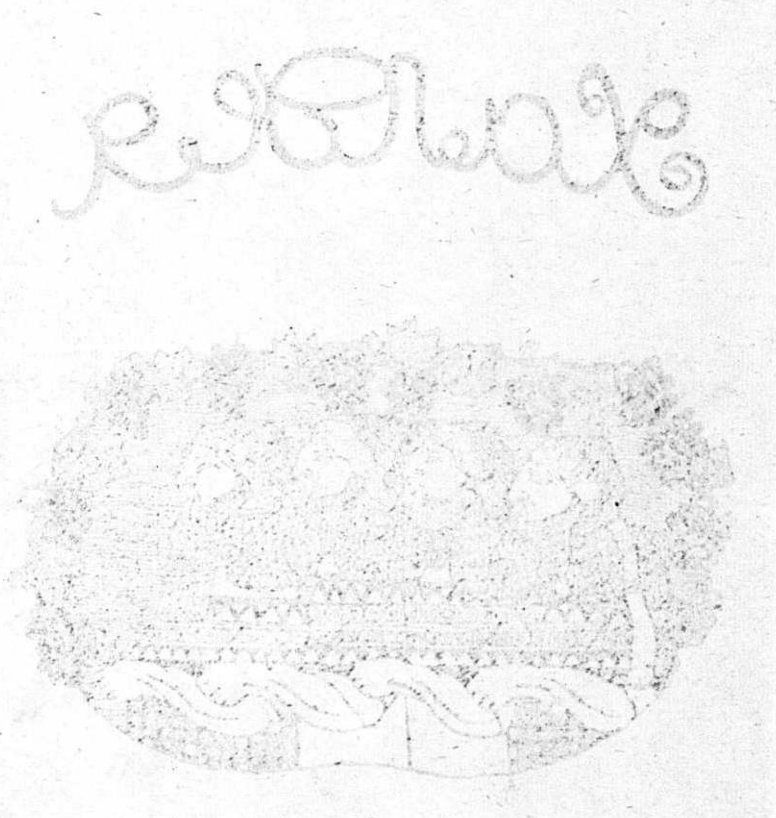
Конирайя, Создатель вещей,
Съ золотыми кудрями,
Съ голубымъ сіяньемъ очей,
Какъ нищій любилъ проходить межь людей,
Весь въ лохмотьяхъ, знакомился съ бранью, съ пинками.
Ковиллака была, красота,
Весенняго легче листа,
Онъ влюбился въ нее, въ чаровницу.
Онъ изъ сѣмечка вылѣпилъ плодъ,
И въ весеннемъ саду превратился онъ въ птицу,
Прилѣпилъ его къ древу плодовому, ждетъ.
Вотъ пришла Ковиллака. Какъ нѣжно-зелёно
Все въ саду. Сѣла къ древу. И ждетъ.
А чего? Вдругъ подъ птицей срывается плодъ.
На дѣвичье падаетъ лоно.
Взяла она, съѣла. Округлость свѣтла
Плода золотого.

И вотъ красота зачала, понесла,
И вотъ родила. Какъ все странно и ново!
Тринадцать смѣнилося лунъ. Это — годъ.
Дитя такъ красиво, такъ въ смѣхѣ жемчужно.
Всѣ Боги сбираются. Выяснить нужно,
Кому же отцовская тяга падетъ.
Весь людъ созывается, тѣ, кто богаты,
И тѣ, кто красивы, и тѣ, кто горбаты,
И старцы и юноши сбились гурьбой,
И даже пришелъ Конирайя съ толпой,
Весь грязный, въ лохмотьяхъ. Никто изъ громады
Отцомъ не призналъ себя. Значитъ, пускай
Ребенокъ къ толпѣ обратитъ свои взгляды,
И сыщетъ отца. Ну, дитя, выбирай.
Ребенокъ сейчасъ, не явивъ колебаній,
Подползъ къ Конирайѣ, прижался къ ногамъ.
Смутясь, Ковиллака, средь горькихъ стенаній,
Бѣжала. Но вдругъ, по сѣдымъ облакамъ
Потоки сіяній возникли — вонъ тамъ,
И тутъ на землѣ. Это въ аломъ туманѣ
Открылося Солнце, въ одеждахъ златыхъ.
Дитя превратилося въ тучку. Къ предѣламъ
Небеснымъ ушло. Ковиллака же — бѣлымъ
Явилася камнемъ межъ злаковъ густыхъ.
Тотъ камень — красивый. Но мертвъ онъ и тихъ.

▪ ▪ ▪ ▪

Халдея

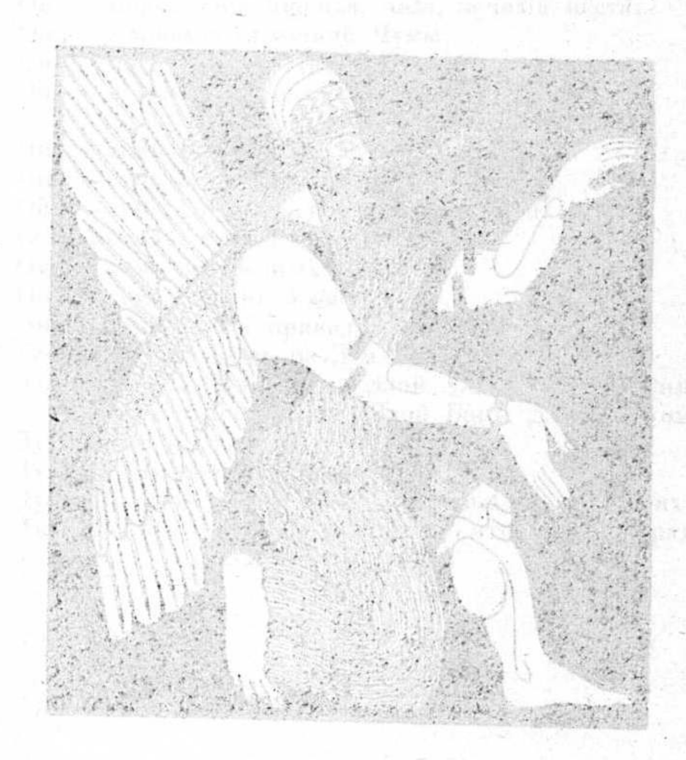
АККАДІЙСКАЯ НАДПИСЬ.

Семеро, они рождаются тамъ въ горахъ Запада;
Семеро, они выростаютъ въ горахъ Востока;
Они сидятъ на престолахъ въ глубинахъ Земли;
Они заставляютъ свой голосъ гремѣть на высотахъ Земли;
Они раскинулись станомъ въ безмѣрномъ пространствѣ Небесъ и Земли;
Добраго имени нѣтъ у нихъ въ Небѣ, ни на Землѣ.
Семь, они поднимаются между Западнихъ горъ;
Семь, они ложатся въ горахъ Востока, для сна.
Семеро ихъ! Семеро ихъ!
Семеро ихъ въ глубочайшихъ тьмахъ Океана,
Въ сокрытыхъ вертепахъ.
Они не мужчины, не женщины,
Они простираются, тянутся, подобно сѣтямъ.
Женъ у нихъ нѣтъ, и они не рождаютъ дѣтей;
Благоговѣнья не знаютъ они, благотворенья не знаютъ;
Молитвъ не слышутъ они, нѣтъ слуха у нихъ къ мольбамъ.
Гады возникшіе между горъ,
Владыки великаго Эа.
На большихъ проѣзжихъ дорогахъ,
Препоной вставая, ложатся они на пути.
Враги! Враги!
Семеро ихъ! Семеро ихъ! Семеро ихъ!
Духъ Небесъ, ты закляни ихъ!
Духъ Земли, ты закляни ихъ!
Они — день скорби, они — вредоносные вѣтры;

Они — злополучный день, истребительный вихрь,
который идетъ передъ нимъ;
Они — порожденіе мщенья, чада, исчадія мести;
Они — глашатаи страшной Чумы;
Они — орудія гнѣва Нинкгалъ;
Они — пылающій смерчъ, который свирѣпо
безчинствуетъ;
Они — семь Боговъ безъизмѣрнаго Неба;
Они — семь Боговъ безъизмѣрной Земли;
Они — семь Боговъ огненныхъ областей;
Семь Боговъ, семь ихъ число;
Они — семь зловредныхъ Боговъ;
Они — семь геніевъ Ужаса;
Они — семь злыхъ привидѣній Пламени;
Семь въ Небѣ, семь на Землѣ;
Злой Демонъ, Злой Духъ, Злой Алалъ, Злой Гигимъ,
Злой Тэлалъ, Злой Богъ, Злой Маскимъ.
Духъ Небесъ, закляни ихъ!
Духъ Земли, закляни ихъ!
Духъ Ниндара̀, сынъ Небесъ огневыхъ, закляни ихъ!
Духъ Сугусъ, владычицы странъ, что ночью горятъ,
закляни ихъ!

■ ■ ■ ■

АССИРІЯ

ПСАЛОМЪ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ.

Съ жертвой стоящему,
Владыкѣ Ассура,
Боги Ассиріи
Да ниспошлютъ благосклонно,
Ему и народу его,
Великому царству Ассура,
Дѣла справедливости,
Радости сердца,
Реченья оракула.
Далекіе дни,
Вѣчные годы,
Сильное оружіе,
Долгую жизнь,
Многіе дни почестей,
Господство надъ всѣми царями,
Ниспошлите царю,
Дайте владыкѣ,
Здѣсь нынѣ стоящему,
Предъ своими богами.
Богъ, ниспошли
Царству его
Жителей многихъ,
Увеличь, умножь ихъ число.
Да окончитъ онъ жизнь хорошо,
Да правитъ царями,
Да владѣетъ онъ царствомъ народовъ,
Да достигнетъ преклоннаго возраста.
Въ свершеніе этихъ желаній,
Да воздвигнется холмъ серебра,
Да стоятъ высоко алтари,
Да будутъ навѣкъ благосклонны
Къ великому царству Ассура
Могучіе боги Ассиріи.

■ ■ ■ ■

КЛИНОПИСЬ ДѢЯНІЙ.

1.

САРГОНЪ.

САРГОНЪ, волей правящій Бэла,
Жрецъ Ассура,
Возлюбленный Ану и Бэла,
Царь мощный, Царь воинствъ,
Царь Ассиріи,
Царь четырехъ четвертей,
Любимецъ великихъ Боговъ,
Законный пастухъ,
Кого предъизбрали Ассуръ съ Мирри-Дуггой,
И имя кого есть воззваніе къ бóльшимъ дѣяніямъ,
Могучій свершитель, безстрашный,
Опоясанный ужасомъ,
Который, дабы ниспровергнуть врага,
Руки свои устремляетъ впередъ,
Воитель достойный,
Для котораго съ перваго дня воцаренія, —
Врагъ-состязатель,
Завоеватель,
Или, какой-либо царь супротивникъ —
Не возникъ,
Онъ, Саргонъ,
Кто отъ восхода Солнца,
И до заката Солнца,
Всѣ страны завоевалъ,
И въ царствѣ Бэла былъ царь.

2.

НЭБУКАДНЭЦАРЪ ВТОРОЙ.

ИЗДРЕВЛЕ,
Отъ старинныхъ дней,
До воцаренія
Царя Вавилона,

Чье имя — Набуполассаръ,
Что былъ мой отецъ, мой родитель,
Цари до меня,
Которые многи были,
И которыхъ верховный Богъ,
По именамъ ихъ, на царство призвалъ,
Въ городахъ, что имъ дороги были,
Созидали дворцы,
Пребыванье свое устанавливали,
Владѣнья свои
Нагромождали
Тамъ.
Съ той поры, какъ меня
Мирри-Дугга создалъ на царство,
И Набу, сынъ его вѣрный,
Мнѣ довѣрилъ свои владѣнья, —
Какъ лелѣю я жизнь мою,
Такъ любилъ я ихъ яркій образъ,
Вавилонъ и Борсиппу воздвигъ я,
Съ ними рядомъ не создалъ красивыхъ другихъ
городовъ.
Въ Вавилонѣ, который люблю,
Въ градѣ моихъ усладъ,
Основанье дворца заложилъ я,
Домъ этотъ диво людей.
Наслоивъ кирпичи къ кирпичамъ
И скрѣпивши ихъ горной смолой,
Я взнесъ его ввысь, какъ гору.
Кедры для кровли его,
Могучіе, распространилъ.
Двери изъ кедра,
Въ рамахъ изъ мѣди,
Пороги и ручки дверныя изъ мѣди,
Установилъ.
Серебро, золото,
Драгоцѣнные камни,

Все, что было цѣннаго, пышнаго,
Имущества, сонмы владѣній,
Блескъ восходящій
Нагромоздилъ.
Могучіе клады,
Сокровища царскія,
Въ лучистость единую
Соединилъ.

3.

АССУРНАЗИРПАЛЪ.

Въ царство мое, при началѣ,
Въ первый мой годъ, какъ Самашъ, Судья Міра,
Благосклонно простеръ на меня
Свое покровительство,
И со славой меня посадилъ
На престолъ моего царенія,
И скипетръ, что правитъ народами,
Въ руки мои помѣстилъ,
Я собралъ повозки мои и войска,
И дорогами трудными,
Черезъ горы крутыя,
Что для прохожденья повозокъ и войскъ
Приготовлены не были,
Я походъ совершилъ,
И въ край Нумми пришелъ.
Укрѣпленный ихъ городъ Либи,
И города,
Сурру, Абуку, Аруру, Аруби,
Что находятся въ краѣ Аруни и въ краѣ Этинѣ
Города укрѣпленные,
Захватилъ.
Силы ихъ, въ числахъ,
Избилъ.
Ихъ добычу, имущество ихъ,
И скотъ ихъ,

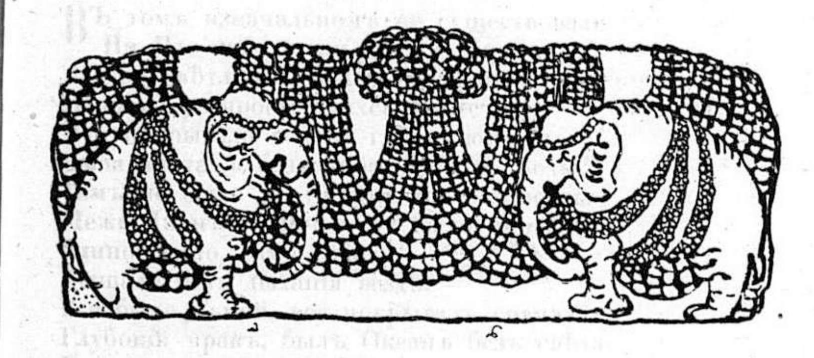
Взялъ, угналъ.
Воины ихъ спаслись,
И заняли гору крутую,
Гора чрезвычайно была крута,
И за ними я не пошелъ.
Вершина горы вздымалась,
Какъ поднятый вверхъ остріемъ
Желѣзный кинжалъ,
И ни птица небесная,
Что летитъ и летаетъ,
Не достигла ея.
Какъ коршунъ гнѣздо свое,
На горѣ укрѣпили они
Твердыню свою, оплотъ,
Куда ни одинъ изъ отцовъ моихъ,
Ни одинъ изъ царей не проникъ.
Въ три дня
Воитель на гору побѣдно
Взошелъ,
Стойкое сердце его
Торопило на бой,
Ногами своими
Онъ взошелъ,
Опрокинулъ онъ гору внизъ,
Онъ гнѣздо ихъ разрушилъ,
Ихъ толпу раздробилъ.
Двѣ сотни людей боевыхъ
Избилъ я мечомъ,
То что добыли они, —
Добыча тяжелая, —
Пошло предо мной какъ стадо овецъ,
Ихъ кровью окрасилъ я горы,
Какъ алую шерсть.
Ихъ города я разрушилъ,
Ниспровергъ,
Сжегъ огнемъ.

1.

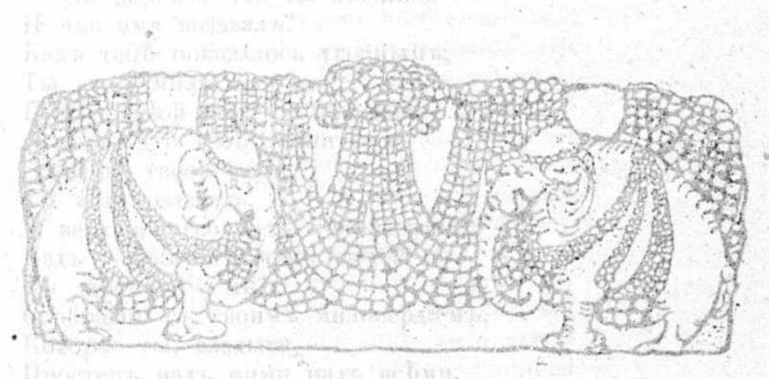
МОЛИТВА НЭВУКАДНЭЦАРА ВТОРОГО КЪ МИРРИ-ДУГГѢ ПРИ ВОСШЕСТВІИ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

Безъ тебя, о, Владыка, что было бы
Съ царемъ, что ты любишь,
И чье имя воззвалъ?
Какъ тебѣ показалось угоднымъ,
Ты выпрямилъ имя его.
Путь прямой ты ему даровалъ.
Я царь, что тебѣ повинуется,
Созданье твоей руки.
Ты мой создатель,
И верховенство надъ множествами,
Надъ великими тьмами людей,
Ты даровалъ — мнѣ.
Сообразно съ твоимъ милосердіемъ,
Которое ты, владыка,
Простеръ надъ ними надъ всѣми,
Наклони къ состраданію
Твою вознесенную власть,
И страхъ божества твоего
Въ сердцѣ моемъ укрѣпи.
Даруй мнѣ то, что сочтешь для меня благимъ.

▪ ▪ ▪ ▪

Индія

ВЕДИЙСКІЕ ГИМНЫ.

1. ИЗНАЧАЛЬНОСТЬ.

Въ томъ изначальномъ не существовали
Ни Что-нибудь, ни темное Ничто.
Лазури свѣтлой не было, ни кровли
Широко распростершихся Небесъ.
Что покрывало все? И гдѣ пріютъ былъ?
Была ли тамъ бездонность? Глубь Воды?
Тамъ не было ни Смерти, ни Безсмертья,
Межъ Днемъ и Ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало безъ дыханія вездѣ.
Все было Тьмой, все покрывалъ сначала
Глубокій мракъ, былъ Океанъ безъ свѣта.
Единая пустынность безъ границъ.
Зародышъ, сокровенностью объятый,
Изъ внутренняго пламени возникъ.
Любовь тогда первѣе всѣхъ возстала
Въ Сознаніи, изъ силы сѣменной.
Въ свои сердца глубоко заглянувшимъ,
Открылось мудрымъ, что въ Небытіи
Есть Бытія родство. И протянули
Они косую длинную межу.
Тамъ былъ ли Низъ? Тамъ былъ ли Верхъ? Тамъ были
Даятели сѣмянъ, тамъ были Силы.
Внизу самодержавность Бытія,
Вверху протяжность мощная Пространства.
Кто знаетъ тайну? Кто ее повѣдалъ?
Откуда Міръ, откуда онъ явился?
Тѣхъ далей и Богамъ не досягнуть,
Они пришли позднѣе. Кто же знаетъ?

Откуда, какъ возникъ весь этотъ Міръ?
Откуда же Вселенная явилась,
Міръ созданъ былъ или онъ былъ не созданъ?
Объ этомъ знаетъ только Онъ, Всезрящій,
Все видящій съ небесной высоты.
Иль можетъ быть и Онъ того не знаетъ?

2. ГИМНЫ КЪ АГНИ.

Гимнъ первый.

Я восхваляю Агни, божественнаго,
Свершителя жертвы,
Величайшаго между даятелей свѣтлыхъ богатствъ.
Агни, который достоинъ быть восхваляемымъ
Древними Риши и новыми,
Да приведетъ онъ сюда Боговъ.
Да получитъ чрезъ Агни молящійся
Богатство и изо дня въ день благоденствіе,
Лучи, благодать.
Агни, какую бы жертву, какое бы благоговѣніе
Ни окружилъ ты со всѣхъ сторонъ,
Они дойдутъ до Боговъ.
Агни, исполненный мыслей,
Вѣрный и съ именемъ самымъ блестящимъ,
Съ Богами приди къ намъ, Богъ.
Что бы ты твоему почитающему
Ни захотѣлъ свершить добраго,
Агни, оно свершено.
Мы къ тебѣ приближаемся день изо дня,
Агни, пресвѣтлый во мракѣ,
Мы приходимъ съ молитвой къ тебѣ.
Ты царь всѣхъ молитвъ, почитаній,
Ты хранитель сіяющихъ мыслей,
Возростающій въ домѣ своемъ.
Пребудь же, о, Агни, доступнымъ для вѣрныхъ,
Пребудь какъ отецъ для своихъ сыновей,
Дай счастье.

Гимнъ второй.

Мы избираемъ Агни вѣстникомъ нашимъ,
Всевладѣтеля, Агни, восклицателя жертвы,
Чья высшая мудрость свѣтла.
Агни и Агни въ воззваньяхъ воскликнется,
Владыка племенъ, освящающій жертвы,
Любимый во многихъ сердцахъ.
Агни, возникнувъ, Боговъ къ намъ приводитъ,
На душистыя травы, на травы Бархиса,
Досточтимый воззватель и жрецъ.
Пробуди ихъ къ желаніямъ добрымъ, о, вѣстникъ нашъ,
И съ Богами возсядь на душистыя травы,
Агни, готовъ вамъ Бархисъ.
О, ты, для кого возліянья излиты,
Блистательно-яркій, гори противъ злого,
О, Агни, сжигай колдуновъ.
Отъ Агни — путь къ Агни, огонь зажигается,
Мудрецъ возникаетъ, хозяинъ и юный,
Молитель, въ комъ жертвенный духъ.
Восхвалимте Агни, чье мудрое слово
Достовѣрно, когда мы приносимъ здѣсь жертву,
Хваленья тому, кто сжигаетъ недугъ.
Будь къ намъ благосклоннымъ, о, Агни, при жертвѣ,
Будь милостивъ къ намъ, очиститель, тебя мы
Зовемъ къ пированьямъ Боговъ.
О, Агни, ты нашъ огневой очиститель,
Лучистый, Боговъ ты съ собою приводишь,
И жертву святишь.

Гимнъ третій.

Достодолжно зажженный, о, Агни,
Привлеки къ намъ Боговъ, къ человѣку, богатому въ жертвахъ,

И сверши, очиститель, обрядъ.
Сынъ самого себя, нашу жертву
Сдѣлай богатою медомъ и нынѣ Богамъ предложи ее,
О, мудрецъ, пусть пирують они.
Я возглашаю при этой жертвѣ къ возлюбленному,
Къ медоточивому изготовителю жертвенныхъ яствъ,
Агни, будь возвеличенъ.
Привлеки къ намъ Боговъ сюда,
Въ колесницѣ подвижной и легкой,
О, лучисто-сіяющій Агни.
Разсѣйте, разумные люди, въ достодолжномъ порядкѣ
Стебли жертвенныхъ травъ, съ брызгами масла,
На нихъ ликъ безсмертія зримъ.
Да будутъ открыты врата божественныя,
Чтобъ сегодня мы жертву свершили,
Я зову къ приношенію жертвы красивыхъ Богинь.
Ночь и Зарю призываю,
Въ ихъ красивыхъ уборахъ,
Чтобъ могли преклониться они на стебли жертвенныхъ травъ,
Двухъ этихъ дивныхъ взывателей,
Мудрыхъ и сладкорѣчивыхъ,
Я зову, да помогутъ намъ.
Ила, Питающая, Сарасвати, Глаголющая, Маги, Великая, три,
Намъ дающія радость Богини,
Измѣнить неспособныя, сядутъ на стебли жертвенныхъ травъ.
Я зову сюда главнаго, всѣхъ упреждающаго, Вселикаго Тваштри,
Неземного Художника, дивнаго Плотника,
Да будетъ единый онъ нашъ.
О, древо, пусть жертва къ Богамъ путь свой держитъ,
О, Богъ, эти яства Богамъ мы приносимъ,
Да будетъ въ сіяньяхъ даятель блестящъ.

Гимнъ четвертый.

Облекись въ свой лучистый покровъ, Богъ жертвы, Богъ свѣтлый,
Владыка какой бы то ни было силы,
И сверши этотъ подвигъ для насъ.
Сядь здѣсь, самый юный Богъ, желанный нашъ Жертвовзыватель
Сквозь молитвенность помысловъ нашихъ, о, Агни,
Съ словомъ своимъ дойди до Небесъ.
Если жертву приноситъ отецъ, достовѣрно
Отъ него благодать устремляется къ сыну,
Отъ друга свѣтъ къ другу идетъ.
Варуна, Митра и Арія
Да возсядутъ торжественно-пышно
На стебли жертвенныхъ травъ.
О, древній Взыватель,
Будь милостивъ къ дружеству нашему,
И эти мольбы услышь.
Ибо гдѣ бы когда бы кому бы изъ всѣхъ Боговъ
Ни приносили мы жертву,
Черезъ тебя ей путь.
Да будетъ онъ дорогъ намъ, Владыка племени, радость дающій,
Избранникъ, да будемъ ему мы дороги,
Въ трепетаньи благого Огня.
Боги, — когда ими добрый владѣетъ Огонь, обладаетъ Агни, —
Радость жизни давали намъ свѣтлую,
И нами владѣетъ, намъ кажется, Агни благой.
Да будутъ межь нами хваленья взаимныя, о, Безсмертный, безсмертныхъ и смертныхъ,
Со всѣми огнями, о, Агни, Сынъ Силы, о, Юный,
Прими эту жертву и нашу мольбу услышь!

3. Гимнъ къ Агни и къ Марутамъ.

Я умоляю Агни,
Его, благословеннаго,
Милостивца я прошу съ преклоненьями,
Да пребудетъ онъ здѣсь,
И да приметъ все то, что мы сдѣлали.
Я являюсь какъ будто на быстрыхъ коняхъ,
Да смогу, обратившись направо,
Свершить этотъ гимнъ Марутамъ.
Вы, что приблизились
На блестящихъ своихъ скакунахъ,
На колесницахъ легкихъ,
Рудры, Маруты,
Изъ боязни предъ вами, о, страшные,
Даже лѣса наклоняются,
Земля дрожитъ,
И трепещутъ туманныя горы.
При возгласахъ вашихъ,
Даже туманныя горы ростутъ, расширяются, въ страхѣ,
И взнесенности Неба дрожатъ.
Когда вы играете вмѣстѣ, Маруты,
Вооруженные копьями,
Вы вмѣстѣ бѣжите, какъ воды.
Какъ толпа богатыхъ искателей,
Маруты тѣла свои
Въ золотые одѣли покровы,
Златыми украсивъ себя украшеньями.
Какъ братья, гдѣ нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ,
Возросли они вмѣстѣ для счастія.
Юнъ Рудра, ихъ мудрый отецъ,
Преизбыткомъ исполнена Пришни, ихъ мать,
Къ Марутамъ благая всегда.
О, Маруты счастливые,
Въ высочайшемъ ли Небѣ вы,
Иль въ срединномъ, иль въ низшемъ,

Оттуда, о, Рудры, а также, о, Агни, и ты,
Преклоните свой взоръ
Къ возліянію нашему.
Когда Агни и вы, о, Маруты богатые,
Съ высокаго Неба стремительно мчитесь надъ высями внизъ,
Дайте, коль это угодно вамъ,
Вы, ревуны, истребители вражескихъ силъ,
Богатство тому, кто вамъ жертву приноситъ.
Сомы готовится сокъ.
Агни, испей съ огневыми Марутами
Сомы, отвѣдай ея,
Вмѣстѣ съ пѣвцами Марутами,
Что близятся свѣтлой толпою,
Съ тѣми, что все, озаряя, живятъ.
Сверши это, Агни, молю тебя,
Ты, который всегда озаренъ.

4. Гимны къ Марутамъ.

Гимнъ первый.

Да будетъ вашъ путь блистательнымъ,
О, Маруты, о, Боги Грозы!
Благіе Даятели,
Вы, какъ змѣи сіяющіе,
Да будетъ вашъ путь блестящъ!
Да будетъ отъ насъ далека, о, Маруты,
Прямо-бьющая ваша стрѣла,
Да будетъ отъ насъ далеко
Тотъ камень, что вы, швырнувъ, устремляете!
Пощадите, благіе Даятели,
Свой вѣрный народъ, чтобъ онъ могъ неповерженный жить!

Гимнъ второй.

Вы спѣшите на каждую жертву,
Вы берете мольбу за мольбой,

О, Маруты проворные!
Дозвольте же мнѣ, моими молитвами,
Привлечь васъ сюда отъ Небесъ и Земли,
Для нашей защиты, для дней благоденствія!
О, вы, потрясатели,
Рожденные въ Міръ за тѣмъ,
Чтобъ влагу и свѣтъ приносить,
Само-рожденные, само-вспоенные,
Какъ источники быстро бѣгущіе,
Какъ обильныя волны воды,
Вы, четкіе, точно стада превосходныхъ быковъ!
Ты, укрѣпляющій сильныхъ Марутовъ,
Какъ капли священныя Сомы,
Что, брызнувъ изъ сонныхъ стеблей,
Испитыя, ярко живутъ въ сердцахъ у молящихся, —
Гляди, какъ у нихъ на плечахъ сверкаетъ, прильнувши, копье.
Такъ льнутъ къ намъ влюбленныя жены.
И дискъ въ ихъ проворныхъ рукахъ,
И губительный мечъ!
Какъ легко они съ Неба спустились,
По согласью съ самими собой.
Пробудитесь подъ шорохъ свистящихъ бичей,
О, Безсмертные!
По безпыльнымъ путямъ прошумѣли Маруты могучіе,
И блестящими копьями ихъ до основъ сотряслись всѣ мѣста.
Кто васъ двинулъ сюда изнутри,
О, Маруты, съ блестящими копьями,
Какъ мы видимъ, что движется пасть языкомъ?
Точно пищи хотя, возмутили вы Небо.
Вы приходите къ многимъ, влекомые многими,
Какъ солнце горящее, конь лучезарнаго Дня!
Гдѣ вершина, гдѣ дно тѣхъ великихъ Небесъ,
О, Маруты, куда вы пришли?
То, что сильно, какъ хрупкое что-то,

Грозовою стрѣлой поразивъ,
Вы летите по страшному Морю!
Какъ ваша побѣда, Маруты,
Страшна, полновластна, насильственна,
Какъ блестяща она и губительна,
Такъ даръ вашъ прекрасенъ, богатъ,
Какъ щедрости щедрыхъ молящихся,
Онъ веселъ, широкъ и лучистъ, какъ небесная молнія!
Отъ колесъ колесницъ ихъ проворныхъ
Струятся потоки дождя,
Когда разрѣшаютъ они голосъ густыхъ облаковъ.
И молніи вдругъ улыбнулись Землѣ,
Когда ниспослали Маруты
Потокъ плодородныхъ дождей!
Пришни на свѣтъ родила для великой борьбы
Страшную свиту Марутовъ,
Неутомимыхъ.
Только ихъ вскормишь,
Какъ темную тучу они создаютъ,
И смотрятъ, и смотрятъ кругомъ,
Гдѣ бъ найти укрѣпляющей пищи!

5. Упанишады.

Сказанье о Начикетасѣ.

Омъ! Да пребудетъ съ нами благосклонность!
Да будемъ мы Ему угодны.
Да разовьемъ мы силу, и да будетъ
Озарено изслѣдованье наше.
Да не возникнутъ споры здѣсь.
Омъ! Миръ, Миръ, Миръ! Всесовершенный! Омъ!

1.

Ваджашраваса, нѣкогда, желая,
Награды, все принесъ, все, что имѣлъ онъ,
Какъ жертву. А сказаніе гласитъ,

Что сына онъ имѣлъ, Начикетаса.
И, юный, все жь отмѣченъ былъ онъ вѣрой.
И потому къ себѣ промолвилъ:
Вода испита, съѣдены всѣ стебли,
Исчерпано до капли молоко,
Нѣтъ больше силы. Радости нѣтъ въ зовѣ.
Къ мірамъ тотъ зовъ. И кто съ такимъ приходитъ,
Съ такимъ приходитъ даромъ, — ихъ зоветъ.

Владыкѣ своему сказалъ: Отецъ мой,
Кому меня ты отдаешь?
Сказалъ такъ дважды: повторилъ, сказавши.
Отвѣтъ: Тебя я Смерти отдаю.

Начикетасъ помыслилъ: Между многихъ
Я первый ухожу, иду средь многихъ.
Что сдѣлаетъ со мной Богъ Смерти, Яма?
Сегодня что онъ сдѣлаетъ со мной?
Назадъ взгляни: какъ съ тѣми, кто былъ раньше?
Объ остальномъ по этому суди.
Какъ для зерна, для смертнаго — гніенье,
И какъ зерно, возстанетъ онъ опять.

Начикетасъ направился въ домъ Смерти,
Три дня былъ тамъ, отсутствовала Смерть.
Когда жь вернулась, свита ей сказала:
Въ дома приходитъ Браманъ какъ огонь.
Богъ Яма, дай воды, утишь пыланье.

Сказала Смерть: Три ночи здѣсь постишься,
Начикетасъ, а гость почтенъ быть долженъ,
О, Браманъ, не отвергни почитанье,
Три дара можешь взять, проси что хочешь.

Начикетасъ отвѣтилъ: Пусть отецъ мой
Тревогъ не знаетъ разумомъ спокойнымъ,
И на меня не сердится, о, Смерть:

Когда меня отпустишь, пусть меня онъ
Привѣтствуетъ. Объ этомъ я прошу.
Смерть отвѣчала: Съ моего согласья,
Какъ прежде, онъ дитя свое признаетъ.
Онъ ночи безмятежно будетъ спать,
И увидавъ тебя освобожденнымъ
Отъ пасти Смертной, явитъ свѣтлый ликъ.

Начикетасъ продолжилъ рѣчь: Тамъ, въ небѣ,
Нѣтъ страха; нѣтъ тебя тамъ; человѣку
Тамъ старость не страшна; тамъ голодъ съ жаждой
Превзойдены; нѣтъ скорби, только игры.
Почтительно теперь къ тебѣ взываю,
О, Смерть, тебѣ извѣстенъ тотъ огонь,
Что на небо ведетъ: молю, скажи мнѣ,
Исполненъ вѣры я. Въ небесномъ мірѣ
Изъяты всѣ отъ смертнаго удѣла.
Вторая въ этомъ просьба есть моя.

Смерть отвѣчала: Отъ тебя не скрою;
Внемли, Начикетасъ, извѣстно мнѣ,
Какой огонь ведетъ отсюда къ небу.
Узнай же, что огонь тотъ, въ мѣстѣ скрытомъ,
Тамъ въ разумѣ, тамъ въ сердцѣ затаенный,
Есть сразу — путь, дорога въ безконечность,
И есть основа безконечныхъ царствъ.

Такъ Смерть ему Огонь тотъ указала,
Источникъ нескончаемыхъ міровъ,
Какіе камни въ немъ, и какъ, и сколько.

Начикетасъ отвѣтствовалъ повторно,
И Смерть въ восторгѣ молвила ему,
Великая сказала благосклонно:
Теперь и здѣсь, вотъ новый даръ тебѣ.
Огонь тотъ будетъ именемъ твоимъ

Благъ тотъ, кто выбираетъ то, что должно;
Пріятное возьмешь, уйдешь далеко.
Что должно и что сладостно, предъ смертнымъ
Встаютъ; мудрецъ просѣиваетъ ихъ,
Онъ отъ себя ихъ прочь отодвигаетъ.
Что должно, это мудрый предпочтетъ;
Глупецъ беретъ пріятное и держитъ.
Начикетасъ, помысливъ, ты отрекся
Отъ сладостнаго, что желанно ликомъ;
Отбросилъ эту перевязь довольства,
Въ которой такъ запутаться легко.
Означены два разные пути здѣсь,
Одинъ есть неразумность, а другой
Есть то, что люди мудростью считаютъ.
Начикетасъ избралъ себѣ путь-мудрость,
Желанья не влачатъ его ордами.
Среди неразумѣнья обрѣтаясь,
Себя считая мудрыми, кружась,
Излучинами вѣчно извиваясь,
Обманно лабиринтятся они,
И въ слѣпотѣ слѣпцы ведутъ слѣпого.
Глупцу, невразумительно-слѣпому,
Тому, кто блескомъ-шумомъ оглушенъ,
Грядущее не можетъ быть открыто.
Вотъ этотъ міръ, есть міръ, за нимъ — ничто,
Такъ мыслитъ самомнительный, и вотъ
Въ моей опять, въ моей опять онъ власти.

Но, что-то есть, о чемъ иной не слышалъ,
Что многіе не могутъ познавать,
Хотя они и слышали объ этомъ;
Кто говоритъ о Немъ, уже есть чудо,
Кто слушаетъ о Немъ, ужь дивенъ тотъ;
Его узнать не можетъ малоумный,
Въ умахъ Онъ много разъ былъ возглашенъ;
Другіе же Его не возглашаютъ,

Къ Нему дороги вовсе не ведутъ;
Внѣ разсужденья, рѣдкаго Онъ рѣже.
Не разсужденьемъ овладѣешь Имъ,
Тѣмъ помысломъ, но ты ужь овладѣлъ Имъ.
Ты къ истинѣ взоръ сердца прикрѣпилъ.
О, если бъ вопрошающіе были
Всегда какъ ты, какъ ты, Начикетасъ!

Невѣчно, что зовутъ богатствомъ люди,
И неизмѣнность получить нельзя
Изъ тѣхъ вещей, что въ вѣчной перемѣнѣ.
Затѣмъ-то надъ невѣчнымъ я зажгла
Огонь Начикетаса. Ты взглянулъ
На грань желанья, на опору міра,
На достиженья ритуаловъ всѣхъ,
На доблестный благой первоисточникъ,
Взглянулъ на основаніе всего.
Ото всего ты твердо отказался.
Его съ трудомъ въ душѣ своей лелѣя,
Съ Нимъ въ тайнѣ сокровенно сочетаясь,
Его скрывая въ сердцѣ, въ подземельи,
Чрезъ дѣланье верховнаго сліянья,
Своимъ умомъ лишь въ Высшемъ пребывая,
Оставитъ мудрый радость и печаль.
И съ выборомъ на Немъ остановившись,
Взявъ тонкое, внѣдривъ законъ въ себя,
Вполнѣ достойно радуется смертный.
Начикетасъ, дверь предъ тобой открыта.

Начикетасъ сказалъ: Строй и нестройность,
Міръ сотворенный и внѣмірный хаосъ,
Что сдѣлано и что не свершено,
Что прошлое и что еще въ грядущемъ,
Пусть будутъ эти оба въ сторонѣ.
То изъясни, что лишь тебѣ открыто.

Смерть отвѣчала: Это цѣль, къ которой
Всѣ знанія идутъ въ хвалебныхъ кликахъ.
Всѣ подвиги объ этомъ говорятъ,
Всѣ тѣ, что служатъ Брамѣ, лишь объ этомъ
Мечтаютъ въ сокровенности желаній,
Тебѣ скажу объ этомъ. Это — Омъ.
По истинѣ въ томъ словѣ дышетъ Брама.
По истинѣ — верховное оно.
По истинѣ, кто слово то пойметъ,
Чего онъ хочетъ, вотъ, онъ обладаетъ.
Въ немъ лучшее, что есть; его узнавши,
Богатымъ духъ уходитъ въ Божій домъ.
Кто Омъ поетъ, тотъ не рожденъ, не смертенъ;
Откуда, что — слова не для него.
Безсмертный, древній, вѣчный, нерожденный,
Убей его, онъ все же не убитъ.
Когда убійца скажетъ «Убиваю»,
Когда убитый молвитъ «Я убитъ»,
Что говорятъ, они не знаютъ оба,
Убить не можетъ, быть убитымъ тоже.
Малѣй чѣмъ малость, больше чѣмъ великость,
Въ святынѣ сердца Самость существуетъ;
Свободный отъ желанья Это видитъ,
И видитъ — скорбь ушла, великъ лишь Самъ.
Сидитъ, и всюду странствуетъ, далеко;
Лежитъ, и быстро мчится онъ вездѣ.
Безрадостную радость кто узнаетъ?
Лишь Богъ во мнѣ, лишь Самость, лишь я Самъ.
Когда узнаетъ мудрый эту Самость,
Межь тѣлъ онъ безтѣлесенъ, межь недуговъ
Великъ, распространенъ, и безболѣзненъ,
И болѣе не знаетъ, что̀ есть скорбь.
Ту Самость не получишь объясненьемъ,
Умомъ не схватишь; выслушавъ не разъ,
Все жь не услышишь; лишь кто Ею избранъ,
Тотъ отъ Нея и будетъ Ей владѣть.

Принявъ свой должный ликъ, предъ нимъ предстанетъ.
Тотъ, кто еще не бросилъ злыхъ дѣяній,
Въ комъ чувства не подвержены провѣркѣ,
Чей умъ еще не понялъ миръ съ собой,
Тотъ Этого достичь, узнать, не можетъ.
Кто пища неразумья и насилья,
Приправленная Смертью,—какъ онъ можетъ
Узнать, гдѣ онъ?

3.

Впивая, дважды, плодъ своихъ дѣяній,
Гнѣздящихся тамъ въ сердцѣ, въ верхней сферѣ,
Глядящіе на Браму, освѣщаютъ
Игру тѣней и свѣта, — пятикратно
Зажженный свѣтъ, зажженный и трикратно.
Нетлѣнный мостъ, тѣхъ, жертвующихъ Брамѣ,
Верховный мостъ, иной и вѣрный берегъ,
Тѣхъ, кто потокъ желаетъ перейти,
Огонь Начикетаса, — съ нами будь.
Знай Самость какъ владыку колесницы,
Знай, тѣло лишь повозка, умъ — возница,
И возжи — побужденія твои.
Знай, чувства — кони, и предметы ихъ
Дороги; Самость, чувства, побужденья,
Въ соединеньи — мудрое сліянье.
Кто жертва неразумья, побужденья
Совсѣмъ не подчиняются ему,
Ему его же чувства не подвластны,
Какъ ртачливые кони отъ возницы
Бѣгутъ.
Когда же человѣкъ уму подвластенъ,
Провѣркѣ подчиняетъ побужденья,
Въ его рукахъ себя ведутъ такъ чувства,
Какъ подъ хлыстомъ цугъ добрыхъ лошадей.

Кто жертва неразумья, тотъ, нечистый,
Непомнящій, забывчивый повторно,
Бѣжитъ за цѣлью, цѣль бѣжитъ его,
И никогда достичь ея не можетъ,
И онъ идетъ къ рожденьямъ и смертямъ.
Но кто подвластенъ разуму, кто помнитъ,
Кто вѣчно чистъ, тотъ цѣли достигаетъ,
Ея достигши, больше не рожденъ.
Разъ человѣкъ рѣшилъ, что умъ — возница,
Разъ твердо держитъ возжи побужденій,
Онъ видитъ цѣль скитанья своего,
Онъ входитъ въ домъ Того, Кто все объемлетъ.
За гранью чувствъ есть тонкія причины
Чувствъ нашихъ; за предѣломъ ихъ — порывы;
За ихъ предѣломъ — разумъ; за умомъ,
За разумомъ — Великая есть Самость;
За Этимъ, за Великимъ — Непочатость,
Несозданность; за этимъ — Человѣкъ;
За Человѣкомъ — ничего другого;
Тутъ — цѣль, и тутъ — конечный есть предѣлъ.
Онъ — Самость сокровенная, что въ каждомъ
Сокрыта существѣ; лишь ясновидцы
Умомъ его способны тонкимъ видѣть.
Разумный чувства погружаетъ въ умъ;
Умъ въ разумъ; разумъ въ Самость; Самость въ Миръ.
Проснись, возстань, и отыщи великихъ,
И этихъ разумѣніе сыщи.
Остеръ край бритвы, труденъ для хожденья;
И труденъ, ясновидцы говорятъ,
Всѣмъ смертнымъ путь нелживый для хожденья.
То, что беззвучно, то, что внѣ касанья,
Внѣ формы, истощенія, и вкуса,
Безароматно, вѣчно, безъ начала
И безъ конца, уходитъ за предѣлы
Великаго, устойчиво всегда —
То зная, человѣкъ спасенъ отъ смерти.

Сказанье слыша о Начикетасѣ,
Разумный человѣкъ, его касаясь,
Ростетъ, и вотъ великъ онъ въ домѣ Брамы.
Кто повторитъ его, самовоздержный,
Въ собраніи людей благочестивыхъ,
Ту сокровенность высшую, или
Тѣмъ помогая, кто въ сѣтяхъ обширныхъ,
Безсмертіе онъ этимъ исчисляетъ,
Онъ этимъ возвѣщаетъ о безсмертьи.

4.

Кто само-существуетъ, тотъ пронзаетъ
Во-внѣ способность чувствъ, и человѣкъ
Во-внѣ глядитъ, а не во-внутрь, на Самость.
Отъ времени до времени, кто мудръ,
Отъ смертнаго желанья ускользаетъ,
Отъ внѣшняго свои отвлекши взоры,
Онъ созерцаетъ Самость тамъ внутри.
Глупцы бѣгутъ и слѣдуютъ за внѣшнимъ;
Споткнувшись, упадаютъ въ сѣть они,
Въ обширность сѣти, распростертой Смертью;
Мудрецъ, познавъ безсмертье, достовѣрность,
Среди вещей невѣрныхъ ничего
Не ищетъ здѣсь.
Тѣмъ, чѣмъ распознаетъ онъ цвѣтъ и вкусъ,
Касанья, звуки, запахи, сплетенья,
Онъ знаетъ этимъ все, что остается.
И это-то по истинѣ есть То.
Онъ знаетъ сонъ и бодрствованье знаетъ,
Что̀ въ нихъ, что̀ въ этой Самости великой,
Простершейся — какъ только это видитъ
Разумный, въ немъ печали больше нѣтъ.
Вкушающій прозрачный медъ, онъ знаетъ
Живую самость въ играхъ воплощенья,

Властителя того, что было, будетъ,
И отъ чего не прячется онъ больше.
И это-то по истинѣ есть То.
Въ началѣ, на волнахъ пространства былъ онъ,
Возсталъ, изъ мысли власть свою исторгнувъ,
Окружнымъ взоромъ мѣрялъ мірозданье,
Вступивши въ сердце, сталъ тамъ нерушимо.
И это-то по истинѣ есть То.
Какъ жизнь онъ существуетъ, весь изъ власти,
Изъ силъ, вступивши въ сердце, тамъ стоитъ онъ,
Съ созданьями живыми существуетъ.
И это-то по истинѣ есть То.
Всезнающій, въ жару огня сокрытый,
Какъ матерью ребенокъ, имъ рожденный,
День изо дня людьми съ разсудкомъ зрячимъ
Лелѣемый, людьми, чьи руки знаютъ,
Какъ чтить огонь, осуществляя жертву.
И это-то по истинѣ есть То.
Тамъ, гдѣ закатъ, причина восхожденья,
То, почему восходитъ въ блескѣ солнце,
То, отъ чего всѣ силы происходятъ;
За грань чего ничто не перейдетъ.
И это-то по истинѣ есть То.
То, что есть здѣсь, что истинно есть тамъ;
Тамъ будучи, что истинно есть здѣсь,
Отъ смерти къ смерти здѣсь внизу проходитъ,
Усматривая мнимыя различья.
Тамъ въ Самости, въ срединѣ, Человѣкъ,
Чуть зримый, ростомъ малый, но владыка
Прошедшаго и будущаго онъ.
Предъ нимъ скрываться истинный не хочетъ.
И это-то по истинѣ есть То.
Чуть зримый, ростомъ малый, Человѣкъ,
Бездымному огню во всемъ подобный,
Грядущаго и прошлаго владыка,
Сегодня, завтра, будетъ тѣмъ же Самымъ.

И это-то по истинѣ есть То.
Какъ воды, изливаяся въ ущелье,
Бѣгутъ стремниной, мчатся по холмамъ,
Такъ тотъ, кто видитъ этихъ водъ отдѣльность,
За видимымъ явленіемъ бѣжитъ.
Какъ чистая вода, съ водою чистой
Смѣшавшись, станетъ влагою одной,
Такъ ты, Начикетасъ, вливаясь въ Самость
Того, кто мудръ, узналъ, въ чемъ мудрость есть.

5.

Есть нѣкій храмъ одиннадцативратный,
Врата въ немъ — очи, слухъ, еще иныя,
Владѣетъ нерожденный имъ, сознанья
Прямого; имъ владѣя, человѣкъ
Уже не знаетъ болѣе печали,
Свободный отъ нея, свободенъ вправду.
И это-то по истинѣ есть То.
Какъ движущій, живетъ Онъ въ свѣтломъ небѣ,
Какъ свѣтлый, между тучекъ Онъ сіяетъ,
На алтарѣ горитъ Онъ, какъ огонь,
Какъ гость, какъ званый гость живетъ Онъ въ домѣ;
Живетъ Онъ въ человѣкѣ, въ людяхъ, — въ нихъ
Онъ болѣе живетъ, чѣмъ человѣкъ;
Въ эѳирѣ пребываетъ, въ ритуалахъ;
Онъ тѣ, что порождаются въ водѣ,
И тѣ, что рождены на темной сушѣ,
И тѣ, что порождаются въ горахъ,
И тѣ, что рождены чрезъ ритуалы,
Великій ритуалъ самъ по себѣ.
Онъ вверхъ уводитъ верхнее дыханье,
Онъ нижнее дыханье внизъ струитъ.
Всѣ силы преклоняются съ почтеньемъ
Предъ малымъ, еле виднымъ между нихъ.

Отъ воплощенныхъ душъ, еще стѣсненныхъ
Тѣлесностью, но чувствующихъ жажду
Повторную — отъ тѣла ускользнуть,
Есть нѣчто, что въ скитаньяхъ остается.
И это-то по-истинѣ есть То.
Не верхнее дыханіе, чѣмъ смертный
Живетъ, и не дыханіемъ онъ нижнимъ
Живетъ, но тѣмъ, что оба ихъ даетъ.
Старинную опять тебѣ я тайну
Скажу, Начикетасъ, какъ послѣ смерти
То, что есть Самость, въ мірѣ существуетъ.
Идутъ иныя души въ материнства,
На лоно, чтобы тѣло воспринять;
Другія же въ недвижность переходятъ,
Согласно ихъ дѣяньямъ, знанью ихъ.
Тотъ Человѣкъ, что бодрствуетъ, когда
Другіе спятъ, свободный отъ желаній,
Тотъ истинно есть чистъ, и онъ есть Браманъ,
Безсмертнымъ онъ правдиво нареченъ;
Въ Немъ всѣ міры содержатся; помимо
Него, ничто совсѣмъ не происходитъ.
И это-то по-истинѣ есть То.
Какъ пламя, хоть одно, вступая въ міръ,
Подобно многимъ ликамъ, будетъ въ ликѣ,
Такъ внутренняя Самость мірозданья,
Хотя одна, разъ въ ликѣ — многолика,
И все жь она — безъ нихъ, безъ всѣхъ, одна.
Какъ воздухъ, хоть одинъ, вступая въ міръ,
Подобенъ многимъ ликамъ будетъ въ ликѣ,
Такъ внутренняя Самость мірозданья,
Хотя одна, разъ въ ликѣ — многолика,
И все жь она — безъ нихъ, безъ всѣхъ, одна.
Какъ солнце справедливое, глазъ міра,
Глазъ всѣхъ міровъ не тронутъ тьмою пятенъ,
Увидѣнныхъ глазами въ мірѣ внѣшнемъ,
Единая та внутренняя Самость

Всѣхъ мірозданій не осквернена
Ничѣмъ изъ болей міра, потому что
Она всегда стоитъ особнякомъ.
Единственный владыка мірозданья,
Онъ, внутренній, незримый, Самъ, который
Единый ликъ являетъ многоликимъ,
И на Него, внутри себя, взираютъ
Всѣ мудрые, и вѣчность благодати
Имъ надлежитъ, лишь имъ, а не другимъ.
Среди вещей не длящихся, одна
Сознательность разумныхъ вѣчно длится,
Что смотрятъ на Него, внутри себя,
И благодать — лишь имъ, а не другимъ.
Они объ этомъ мыслятъ, какъ о высшемъ,
Что внѣ всѣхъ словъ и истинно есть То.
Не свѣтитъ солнце тамъ, луна и звѣзды,
Не свѣтитъ тамъ, конечно, и огонь.
Когда сіяетъ Онъ, всѣ Имъ сіяютъ,
Во всемъ, что здѣсь свѣтлѣетъ, свѣтъ Его.

6.

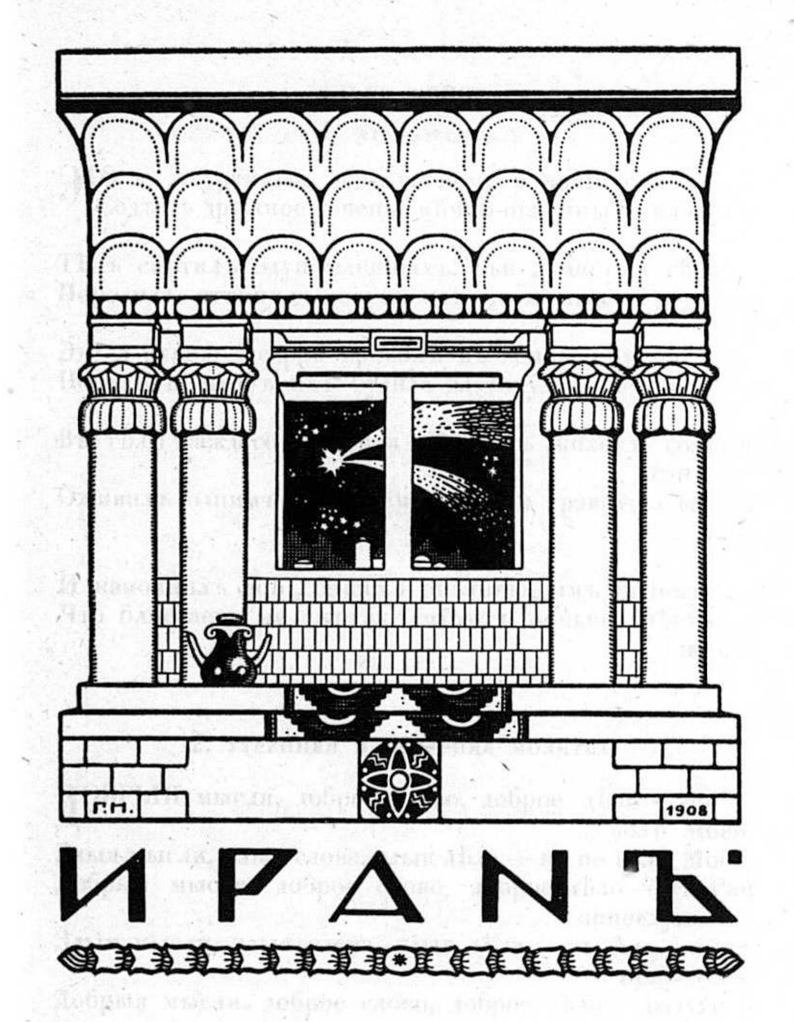
Есть старое, престарое растенье,
Старинный стволъ, что не увидитъ завтра,
То дерево склоняетъ вѣтви внизъ.
Ашватта, это — Браманъ, мысль безсмертья,
Мысль чистоты, въ Немъ скрыты всѣ міры;
Въ томъ древѣ — все, и ничего помимо.
И это-то по-истинѣ есть То.
Все, въ чемъ движенье, изъ Него исходитъ,
Вступаетъ въ жизнь, дрожитъ, трепещетъ, бьется;
Оружіе подъятое Оно,
Могучій страхъ. И кто Его узнаетъ,
Безсмертіе касается того.
Огонь горитъ — Ему лишь повинуясь,

Изъ страха передъ нимъ сіяетъ солнце,
Ему покорны — воздухъ, облака,
И Смерть — всѣ эти пять ему послушны,
Свой для Него они свершаютъ путь.
Коль передъ тѣмъ, когда отбросишь тѣло,
Его здѣсь не узнаешь, ты сочтенъ
Какъ тотъ, кто будетъ перевоплощеннымъ
Среди міровъ.
Какъ въ зеркалѣ, такъ въ самости отдѣльной;
Какъ въ сновидѣньи, такъ среди тѣней;
Какъ въ смутной влагѣ, такъ и въ мірѣ пѣсни;
Какъ въ свѣтотѣни, такъ и въ мірѣ Брамы.
Тотъ, кто узналъ жизнь чувствъ, какъ отдѣленность,
Узналъ восходъ ихъ и закатъ отдѣльный,
Онъ мудръ, и въ немъ печали больше нѣтъ.
За гранью чувствъ есть разумъ; за предѣломъ
Ума есть міръ мыслительности высшей;
За ней еще — Великая есть Самость,
За нею — міръ Несозданности высшей;
За этимъ — настоящій Человѣкъ;
Онъ все объемлетъ, и Его могучесть
Внѣ означеній. Разъ его узнаешь,
Ты воленъ, смертный, ты вступилъ въ безсмертье.
Не въ сферѣ зрѣнья — ликъ Его могучій,
Никто Его не видитъ взоромъ глазъ.
Лишь разуму, уму, что правитъ въ сердцѣ,
Открытъ Онъ. И когда Его узнаешь,
Безсмертіе касается тебя.
Разъ пятичувствіе съ умомъ согласно,
И разумъ не приводитъ ихъ въ волненье,
Зовется высшимъ это состоянье.
Ухватъ неробкій чувства, это — іога,
Приходитъ іога и уходитъ іога,
Въ самодозорѣ свѣтломъ человѣкъ.
Когда его не схватишь словомъ, мыслью,
Иль зрѣлищемъ, — его опредѣленье

Не въ томъ ли, чтобъ сказать о немъ: «Онъ есть»?
Не только «есть», но и «не есть» — въ немъ оба.
Скажи: «Онъ есть», — блеснетъ впервые правда.
Когда прогонишь въ сердцѣ всѣ желанья,
Которыя гнѣздятся въ немъ, тутъ смертный
Становится безсмертнымъ, — область Брамы.
Когда развяжешь каждый узелъ сердца,
Тутъ смертный прикасается безсмертья.
И въ этомъ поученья скрытый смыслъ.
Въ одномъ и томъ же сердцѣ сто путей
И путь одинъ, добавочный, при этомъ.
Чрезъ средоточье головы проходитъ
Нечетный, одинокій путь изъ нихъ.
Черезъ него безсмертья достигаешь;
Другіе всѣ, туда-сюда уводятъ,
Уходятъ, чтобъ по нимъ уйти во-внѣ.
Чуть зримый Человѣкъ, Самъ, сокровенный,
У всѣхъ, что здѣсь рождаются, скрытъ въ сердцѣ,
Онъ въ сердцѣ у всего, что рождено;
Коль хочешь, извлеки его изъ тѣла,
Терпѣніемъ, какъ стебель изъ травы.
Безсмертный, чистый, ты Его узнаешь,
Въ безсмертіи узнаешь, въ чистотѣ.

Такъ мудрости наученный у Смерти,
Подвижничества правила узнавъ,
Свободный отъ пятна, объятый Брамой,
Свободный и отъ Смерти, отошелъ
Начикетасъ. Свободенъ будетъ каждый,
Который этотъ свѣтъ въ себѣ вмѣститъ.

■ ■ ■

Г.Н.
1908
ИРАНЪ

ЗЕНДЪ АВЕСТА.

1. АГУРАМАЗДА.

Это я, Агурамазда, создалъ ночь и яркій свѣтъ,
Создалъ дружное теченье вѣчно-огненныхъ планетъ.

Тѣхъ свѣтилъ одушевленныхъ, чьи лучистыя тѣла
Породила, оттѣнила довременой ночи мгла.

Это я рукою щедрой бросилъ въ землю сѣмена,
Повелѣлъ, чтобъ ихъ будила златокудрая весна.

Въ тѣлѣ каждаго растенья нѣжныхъ жилокъ создалъ ткань,
Оживилъ однимъ дыханьемъ лѣсъ и травку, льва и лань.

И наполнилъ всѣ созданья опьяняющимъ огнемъ,
Что блистаетъ не сжигая, свѣтитъ ночью, грѣетъ днемъ.

2. УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Добрыя мысли, доброе слово, доброе дѣло — по волѣ Моей.
Злыя мысли, злыя слова, злыя дѣла — не по волѣ Моей.
Добрыя мысли, доброе слово, доброе дѣло — въ Рай приведутъ.
Злыя мысли, злыя слова, злыя дѣла — въ Адъ приведутъ.
Добрыя мысли, доброе слово, доброе дѣло — радуги въ Рай.

3. молитва.

Да будетъ восхваленъ Агурамазда!
Да будетъ уничтоженъ Анграмайни!
Кто любитъ свѣтъ, да любитъ яркій свѣтъ!
Хваленье доброй мысли, доброй рѣчи,
Хваленье дѣлу доброму вовѣкъ!
Да будутъ слиты благостью единой
Дѣла, слова, и помыслы ума!
Отбросимъ злыя мысли, злое слово,
И злое дѣло, — отойдите, прочь!
Вамъ жертвы и моленья, Духи Блага,
Всей полнотою мыслей, словъ, и дѣлъ,
Возьмите сердце, жизнь мою возьмите!
Святъ, святъ звукъ словъ, зовущихъ на благое!
О, благо совершеннымъ въ чистотѣ!
Я говорю, что почитаю Мазду,
Я говорю, мой путь — путь Заратустры,
Того, кто ненавидитъ лживыхъ Дивъ,
Кто друженъ съ духомъ словъ Агурамазды!
Молитвы, жертвы, слава Чистотѣ,
Молитвы, жертвы, слава Духамъ Блага,
Молитвы, жертвы Властелинамъ дней,
Владыкамъ дней, и мѣсяцевъ, смѣнъ года,
И долгихъ лѣтъ, безвѣстности временъ!
Агурамаздѣ яркому вѣнецъ!
Святая Воля да владѣетъ нами!
Молитвы, жертвы, слава Власти дней!

4. почитаніе.

Мы чтимъ благія Души, въ блескѣ силы,
Чтимъ внутреннюю силу въ существахъ,
Источникъ благодѣйствія, Фраваши:
Чтимъ душу веселящаго Огня,

Въ кружокъ сбираетъ онъ и согрѣваетъ;
Сроошу чтимъ, онъ Геній Почитанья,
Онъ Слово Воплощенное, могучій,
Владыка съ попадающимъ копьемъ;
Найріо-Сангху, вѣстника Агуры;
Рашну-Розиста чтимъ, онъ Геній Правды;
Чтимъ Митру, солнцеликаго царя
Обширныхъ пастбищъ; душу Мантра-Спенты,
Святого Слова; душу чтимъ Небесъ,
Воды, Земли, Растеній, и Быка,
Живого Человѣка, Мірозданья.
Мы чтимъ Фраваши Гайя-Маретана,
Что первый внялъ словамъ Агурамазды,
И изъ него-то сотворилъ Агура
Арійскіе народы разныхъ странъ.
Мы чтимъ святую душу Заратустры,
Что первый въ этомъ мірѣ мыслилъ благо,
И благо говорилъ, и благо дѣлалъ;
Онъ первый Жрецъ былъ, первый былъ Воитель,
Былъ первый Пахарь, подниматель глыбъ;
Былъ первый тотъ, кто зналъ и кто училъ;
Впервые обладалъ Быкомъ, и Словомъ,
И Святостью, и подчиненьемъ Слову,
И властью, всѣми добрыми вещами,
Что, въ процвѣтаніе благой Основы,
Намъ создалъ Мазда; первый взялъ онъ въ руку
Вращенье колеса.

Чтимъ Заратустру мы, онъ вождь, владыка
Вещественной вселенной; человѣкъ
Первичнаго закона; самый мудрый
Изъ всѣхъ существъ, и лучше всѣхъ познавшій
Святое царство самобладанья,
Живую силу власти надъ собой;
Изъ всѣхъ существъ блистательно-лучистый,
Достойнѣйшій и самый досточтимый,

8*

Желанный для восторговъ прославленья,
Любимецъ нашъ среди воскликновеній,
Прекрасный въ безупречной чистотѣ.

Чтимъ эту Землю мы; чтимъ это Небо;
Все бодрое межъ Небомъ и Землей,
Достойное быть чтимымъ въ сердцѣ вѣрныхъ.
Чтимъ души мы звѣрей, ручныхъ и дикихъ.
Святыхъ мужчинъ и женщинъ души чтимъ,
Чьи совѣсти боролись, или будутъ
Бороться, или вотъ, ведутъ борьбу
За благо.

5. зерно.

Спросилъ Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Духъ Благотворитель,
«Святой Творецъ вещественнаго міра!
«Что̀ пища тѣхъ, чья жизнь Законъ есть Мазды?»
И отвѣчалъ ему Агурамазда:
«Сѣй, сѣй зерно, сѣй вновь, о, Заратустра!
«Кто сѣетъ рожь, тотъ сѣетъ справедливость:
«Онъ ходитъ въ Свѣтѣ, онъ впиваетъ Свѣтъ,
«Впивать даетъ блестящія онъ капли,
«Какъ будто бъ онъ сто ногъ имѣлъ въ тотъ часъ,
«Изъ тысячи грудей какъ будто кормитъ,
«И десять тысячъ словъ святыхъ поетъ.
«Когда ячмень былъ созданъ, вздрогнулъ Дьяволъ;
«Когда возросъ, упали сердцемъ Дивы;
«Онъ заузлился, Дивы застонали;
«Явился колосъ, скрылись Дивы прочь.
«Бѣжала свита Дьявола отъ нивы.
«Гдѣ хлѣба нѣтъ, ужъ Дивы тутъ какъ тутъ.
«Но, словно раскаленное желѣзо,
«Пугаетъ колосъ ихъ, и видъ зерна».

6. собака.

Собака нравъ восьми существъ имѣетъ:
Воителя, жреца, и земледѣльца,
Бродячаго пѣвца, и вора, звѣря,
Блудницы, и ребенка. Эти восемь
Съ собакою одинъ имѣютъ нравъ.
Она впередъ выходитъ — какъ воитель,
Сражается за стадо — какъ воитель,
Идетъ изъ дому первой — какъ воитель,
И въ этомъ всемъ воитель есть она.
Она, какъ жрецъ, умѣренна въ питаньи,
Она, какъ жрецъ, скромна и терпѣлива,
Она, какъ жрецъ, куска лишь хлѣба хочетъ,
И въ этомъ всемъ собака есть какъ жрецъ.
Спитъ чуткимъ сномъ она — какъ земледѣлецъ,
Идетъ изъ дому въ ранній часъ — какъ онъ,
Хозяйство бережетъ — какъ земледѣлецъ,
Домой, какъ онъ, приходитъ въ поздній часъ,
И въ этомъ всемъ она есть земледѣлецъ.
Она капризна — какъ пѣвецъ бродячій,
Она бранчлива — какъ пѣвецъ бродячій,
И любитъ звуки — какъ пѣвецъ бродячій,
Пѣвецъ бродячій въ этомъ всемъ она.
Какъ воръ — собака любитъ тьму ночную,
Какъ воръ — она готова объѣдаться,
Какъ воръ — она добру плохой хранитель,
И въ этомъ всемъ собака есть какъ воръ.
Какъ звѣрь — она бродяжничаетъ ночью,
Какъ звѣрь — она довольна черной тьмою,
Какъ звѣрь — она всегда напасть готова,
И въ этомъ всемъ собака есть какъ звѣрь.
Кто близокъ къ ней, тѣхъ ранитъ — какъ блудница,
По всѣмъ путямъ проходитъ — какъ блудница,
Причудлива и вздорна — какъ блудница,
И въ этомъ всемъ блудница есть она.

Она нѣжна, дремотна — какъ ребенокъ,
Она всегда болтлива — какъ ребенокъ,
И роетъ лапой землю — какъ ребенокъ,
И въ этомъ всемъ ребенокъ есть она.
Собака нравъ восьми существъ имѣетъ,
Но сверхъ сего и нравъ имѣетъ свой,
А въ этомъ съ нею кто сравнится можетъ?
Она само-одѣта и обута,
Внимательна, безсонна, острозуба,
На злыхъ бросаетъ мощь и тяжесть тѣла,
Отъ злыхъ добро и жизни охраняетъ,
И волкъ и воръ находятъ въ ней врага,
Она чутьемъ издалека ихъ слышитъ,
Предупреждаетъ ихъ явленье лаемъ,
И рветъ въ куски, и таетъ врагъ, какъ снѣгъ.
Собака создана Агурамаздой,
Агурамазда возлюбилъ хозяйство,
Имъ для хозяйства данъ намъ вѣрный стражъ.
Въ глазахъ собаки — преданность и вѣрность.

7. Гимнъ къ Вайю.

Мы славословимъ Воды и Того,
Кто раздѣляетъ ихъ! Хваленье Вайю!
Вотъ, жертвоприношенье наше — Вайю,
Къ блестящему, къ нему нашъ зовъ теперь!

Меня зовутъ, о, Заратустра, Вайю.
Мнѣ имя — Вайю, потому что я
Два міра прохожу, воздушно вѣя,
Одинъ изъ нихъ былъ созданъ Духомъ Добрымъ,
Другой изъ нихъ былъ созданъ Духомъ Злымъ.
Мнѣ имя — Застигатель, Заратустра.
Я Застигатель, ибо я могу
Застигнуть существа міровъ обоихъ,
Того, гдѣ Добрый Духъ, того, гдѣ Злой.
Мнѣ имя — Всесразитель, Заратустра.

Я Всесразитель, потому что я
Могу сражать существъ міровъ обоихъ,
Того, который созданъ Добрымъ Духомъ,
Того, который созданъ Духомъ Злымъ.
Мнѣ имя — Благотворецъ, Заратустра,
Затѣмъ, что благо я творю, во имя
Агурамазды и Амеша-Спентъ,
Я вѣстникъ ихъ, я ихъ свершаю волю.
Мнѣ имя — Тотъ, что шествуетъ впередъ.
Мнѣ имя — Тотъ, что держитъ путь назадъ.
Мнѣ имя — Тотъ, кому легко откинуть,
Кто опрокинетъ, Тотъ, кто разрушаетъ.
Тотъ, кто возьметъ, смететъ, Тотъ, кто отыщетъ.
Мнѣ имя — Храбрый, Сильный, Самый Храбрый.
Мнѣ имя — Тотъ, кто единитъ, кто дѣлитъ,
Вновь единитъ. Мнѣ имя — Жгучій, Быстрый.
Мнѣ имя — Мысль, Восторгъ, Освобожденье.
Мнѣ имя — Разрушитель темныхъ норъ.
Копье, длина копья, его пронзенье.
Мнѣ имя — Тотъ, кто мчитъ свое копье.
Мнѣ имя — Славный, Самый Славный, Вайю.

Мы молимся тебѣ, Великій Вайю.
Вотъ, наша жертва — передъ сильнымъ Вайю.
Могучій изъ могучихъ, свѣтлый Вайю.
Чтимъ Вайю мы, что съ шлемомъ золотымъ.
Чтимъ Вайю мы, что съ золотой короной.
Чтимъ Вайю, съ ожерельемъ золотымъ.
Чтимъ Вайю, съ золотою колесницей.
Чтимъ Вайю, съ золотымъ его оружьемъ.
Чтимъ Вайю, въ одѣяньи золотомъ.
Чтимъ Вайю, на которомъ обувь — злато.
Чтимъ Вайю, препоясаннаго златомъ.
Да будетъ чтимъ святой верховный Вайю.
Здѣсь, въ этомъ гимнѣ, дышетъ Духъ благой.
Здѣсь, въ этомъ гимнѣ, дышетъ свѣтлый Вайю.

8. ГИМНЪ КЪ ВЕРЕТРАГНѢ.

Гимнъ къ Веретрагнѣ, созданному Маздой,
Къ нему, что есть дробящій Восходитель,
Онъ Духъ Побѣды, Геній Торжества.
Да приметъ онъ молитвы, жертвы, славу.
Вотъ, Веретрагна, наша жертва здѣсь!

Спросилъ Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Духъ Благотворитель,
«Святой Творецъ вещественнаго Міра.
«Кто всѣхъ вооруженнѣй межъ Боговъ?»
Отвѣтствовалъ ему Агурамазда:
«То Веретрагна, созданный Агурой,
«Онъ, Заратустра, всѣхъ Боговъ сильнѣй».

Онъ, Веретрагна, созданный Агурой,
Примчался въ первый разъ какъ сильный вѣтеръ,
Красивый вѣтеръ, сотворенный Маздой;
Принесъ онъ Славу, созданную Маздой
Принесъ онъ въ Славѣ силу и здоровье.
И молвилъ самый Сильный Заратустрѣ:
«Я самый сильный въ Силѣ; я въ Побѣдѣ
«Межъ всѣми побѣдителенъ; я въ Славѣ
«Славнѣе всѣхъ; я, Милость оказуя,
«Всѣхъ милостивѣй, всѣхъ добрѣй, щедрѣе;
«Цѣлительнѣе всѣхъ, когда цѣлю.
«И я разрушу ковы всѣхъ лукавыхъ,
«Лукавство Дивъ, Людей, слѣпцовъ, глухихъ,
«И всѣхъ, кто жметъ, и всѣхъ, кто утѣсняетъ».

За этотъ блескъ, за эту мощь и силу,
Мы Веретрагнѣ жертву принесемъ.
Во имя Веретрагны возліянья,

Согласно ритуаламъ первыхъ дней;
Да опьянитъ Гаома, цвѣтъ безсмертья,
Слова напѣвовъ мудрыхъ, слово чаръ,
Да скажутся слова въ напѣвномъ строѣ.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Спросилъ Агурамазду Заратустра:
«О, Духъ Святой вещественнаго Міра!
«Кто всѣхъ сильнѣй среди Боговъ небесныхъ?»
И снова «Веретрагна» былъ отвѣтъ.

Вторично Веретрагна появился,
Примчавшись какъ красивый сильный быкъ,
Съ рогами закругленно-золотыми;
А на рогахъ крутыхъ витала Сила,
Красиволикость Силы, и Побѣда,
Прекрасное созданіе Агуры.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

И вновь, и вновь явился Веретрагна.
Онъ въ третій разъ явилъ свой свѣтлый образъ
Какъ бѣлый, весь — порывъ, красивый конь;
Весь золотой, чепракъ на немъ былъ рдяный;
На лбу виднѣлась Сила и Побѣда,
Красиволикость быстролетной Славы.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Въ четвертый разъ онъ прибѣжалъ верблюдомъ,
Длинноволосымъ, быстрымъ, острозубымъ,
Который въ дни любовнаго безумья
Всѣхъ горячѣй межъ сильными самцами,
Къ своимъ подходитъ самкамъ весь — огонь,

И хлопья бѣлой пѣны ртомъ онъ мечетъ,
И, быстроглазый, видитъ издалека,
И четко видитъ даже въ тьмѣ ночей,
Стоитъ такъ твердо, какъ хозяинъ полный.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Онъ въ пятый разъ примчался въ видѣ вепря,
Упорнаго сразителя враговъ,
Чей острый клыкъ даетъ ударъ смертельный,
И сразу поражаетъ, гнѣвный, сильный,
Метущій все — опущеннымъ лицомъ,
Сметающій все то, за что задѣнетъ,
Могучій вепрь, непобѣдимый клыкъ.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Въ шестой онъ разъ явился въ новомъ видѣ,
Какъ юноша красивый, свѣтлоглазый,
Пятнадцати расцвѣтно-пышныхъ весенъ,
Веселый, съ узкой пяткой, весь — цвѣтокъ.
Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!
Въ седьмой онъ разъ какъ воронъ прилетѣлъ,
Какъ въ свѣтѣ солнца весь отливный воронъ,
Межъ птицами быстрѣйшая въ полетѣ,
Легчайшая изъ всѣхъ, чей образъ — крылья.
Изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ лишь онъ
Полетъ стрѣлы, любой стрѣлы, обгонитъ.
Онъ весело взлетаетъ съ первымъ блескомъ
Зари, чтобъ ночь скорѣй, скорѣй ушла,
Чтобъ занялась заря скорѣй въ полнеба.
Онъ знаетъ тайну всѣхъ тропинокъ горъ,
Вершины горъ и глубь долинъ онъ знаетъ,
Съ вершинъ деревьевъ смотритъ высочайшихъ,
И слушаетъ, что въ голосахъ всѣхъ птицъ.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Въ восьмой онъ разъ пришелъ бараномъ дикимъ,
Съ красивыми загнутыми рогами.
Въ девятый разъ пришелъ козломъ задорнымъ,
Намѣтившимъ красивый острый рогъ.
Въ десятый разъ явился человѣкомъ,
Красивымъ, свѣтлымъ, сотвореннымъ Маздой:
Онъ мечъ держалъ, златое лезвіе,
Съ отдѣлкою изъ многихъ украшеній.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Чтимъ созданнаго царственнымъ Агурой,
Чьей властью — смерть, чьей властью — возрожденье,
Въ комъ — миръ, и передъ кѣмъ — свободный путь.

Ему молился съ жертвой Заратустра,
Прося, чтобъ даровалъ побѣдность мысли,
Побѣдность рѣчи, дѣла, обращенья,
Внушалъ бы побѣдительный отвѣтъ.
Созданіе Агуры, Веретрагна
Далъ ключъ ему, источникъ силъ мужскихъ,
Далъ мощь оружья, въ тѣлѣ всемъ здоровье,
Далъ крѣпость тѣла, бодраго во всемъ,
Далъ зрѣнье рыбы Кары, Рыбы рыбъ,
Живущей глубоко въ подводномъ царствѣ,
Способной смѣрить малую струю,
Не толще, чѣмъ единый малый волосъ,
Межъ водъ Рангхи, чей край лежитъ далеко,
Чья глубь — тысячекратный человѣкъ.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Онъ Заратустрѣ силу далъ мужскую,
Ту силу, что въ мужчинѣ бьетъ ключомъ,
Здоровье, крѣпость, и веселость тѣла,

И зрѣнье, силу зрѣнья жеребца,
Что ночью, въ часъ, когда густѣетъ полночь,
И въ часъ, когда струится дождь и тьма,
Увидитъ на землѣ кобылій волосъ,
И знаетъ, съ головы ль онъ иль съ хвоста.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Онъ Заратустрѣ силу далъ мужскую,
Рѣшительность, здоровье, стойкость тѣла,
И далъ ему глазъ коршуна, который,
Летая въ ожерельи золотомъ,
На выси девяти пространствъ, увидитъ
Обрывокъ мяса — какъ кулакъ, не толще,
При свѣтѣ, сколько можетъ дать иголка,
Не вся иголка, а конецъ иглы.

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

Спросилъ Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Духъ Благотворитель!
«Когда на мнѣ проклятіе лежитъ,
«Когда мои враги, что ненавидятъ,
«Скуютъ волшебность чары на меня,
«Какое средство силу ковъ разрушитъ?»
Ему Агурамазда отвѣчалъ:
«Возьми перо отъ птицы Варэнганы,
«О, Заратустра, Ворона перо.
«Ты тѣмъ перомъ натри себѣ все тѣло,
«И то перо отброситъ чару прочь,
«Проклятіе къ врагамъ твоимъ откинетъ.
«Кто кость хранитъ отъ этой сильной птицы,
«Или перо отъ этой сильной птицы,
«Никто его не можетъ поразить,
«Его не сможетъ увидать бѣгущимъ.
«Съ нимъ будетъ Воронъ, Воронъ, онъ поможетъ.
«Онъ въ славѣ сохранитъ его, въ лучахъ.

«Владыка странъ окажется безсильнымъ,
«И, хоть убійца, не убьетъ его,
«Предъ сонмомъ войскъ — его не дрогнутъ сотни,
«А онъ сразитъ, и онъ пойдетъ впередъ.
«Всѣ дрогнутъ передъ тѣмъ, съ кѣмъ тайно Воронъ.
«Та птица мчитъ всѣ колесницы сильныхъ,
«Всѣ колесницы тѣхъ, чей мѣтокъ мечъ,
«Ея вліяньемъ взвился Кави Уса,
«Всходя на Небо на престолъ орловъ.
«Ея вліяньемъ жеребецъ несется,
«Верблюдъ бѣжитъ, и мчатся воды рѣкъ.
«На этой птицѣ мчался Траэтана,
«Кѣмъ былъ въ бою сраженъ Ази Дагака,
«Трехротый, трехголовый, шестиглазый,
«И тысячу имѣвшій разныхъ чувствъ;
«Могучій этотъ, адскій Дрогъ! тотъ демонъ,
«Губительный для міра и чумной,
«Тотъ сильный Дрогъ, что созданъ Ангрмайни,
«Для гибели вещественной Вселенной,
«Чтобъ добрую Основу погубить.
«Но самъ Губитель въ битвѣ былъ погубленъ,
«Крыломъ тутъ вѣялъ Воронъ, Веретрагна.

«Храни же, Заратустра, слово чаръ,
«Тебѣ открытыхъ, для отдачи вѣрнымъ,
«Отъ рта до рта пусть чуть они доходятъ,
«Да знаешь ты Побѣду, Силу, Блескъ».

Чтимъ Веретрагну мы, Царя Побѣды!

9. Послѣ смерти.

1.

СПРОСИЛЪ Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Духъ Благотворитель,
«Святой Творецъ вещественнаго Міра!

«Когда одинъ изъ вѣрныхъ отойдетъ,
«Что въ эту ночь душа его свершаетъ?»

Ему Агурамазда отвѣчалъ:
«Близъ головы его она садится,
«Пѣснь напѣвая: «Счастливъ человѣкъ...»
«И возглашаетъ счастье: «Да, онъ счастливъ,
«Кому осуществилъ Агурамазда,
«Сполна, свершенье всѣхъ его желаній».
«Въ ту ночь его душа вкушаетъ столько
«Блаженства, сколько можетъ міръ живущій
«Его вкусить.» — «А на вторую ночь?»

Агурамазда отвѣчалъ: «Садится
«Она опять у головы его,
«И вновь поетъ о счастьи: «Счастливъ, счастливъ...»
«И вновь она вкушаетъ наслажденье,
«Какъ только можетъ міръ его вкушать».

«А гдѣ душа съ приходомъ третьей ночи?»

Агурамазда отвѣчалъ: «Все то же.
«Она поетъ о счастьи. Дышетъ счастье.
«Такъ много счастья, какъ возможно вынесть».

За третьей ночью, чуть заря зажжется,
Является душѣ того, кто вѣренъ,
Что вотъ, кругомъ цвѣты и ароматы:
Какъ будто вѣтеръ нѣжно вѣетъ съ Юга,
Благоуханный вѣтеръ, благовоннѣй,
Чѣмъ вѣтры всѣхъ иныхъ предѣловъ міра.
И кажется душѣ: она вдыхаетъ
Тотъ вѣтеръ, и какъ будто въ человѣкѣ
Вопросъ: «Откуда вѣетъ этотъ вѣтеръ?
«Нѣжнѣе онъ всего, что я вдыхалъ.»
И кажется ему тогда, что совѣсть

Его — къ нему идетъ въ томъ нѣжномъ вѣтрѣ.
Во образѣ красивой свѣтлой дѣвы,
Прекрасной, стройной, сильной, бѣлорукой,
Высокой, полногрудой, съ нѣжнымъ тѣломъ,
Той дѣвушкѣ пятнадцать лѣтъ, она
Изъ рода благороднаго, и чары
Той красоты красивѣе всего.

Онъ скажетъ ей: «О, дѣвушка, кто ты?
«Межъ дѣвъ тебя красивѣй я не видѣлъ».
Его же совѣсть тутъ ему отвѣтитъ:
«Ты, мыслей добрыхъ, добрыхъ словъ и дѣлъ,
«Ты, доброй вѣры, совѣсть я твоя.
«Ты каждымъ былъ любимъ за то величье,
«За доброту, красивость, благовонность,
«За силу и свободу отъ печали,
«Въ которыхъ предстаешь ты предо мной;
«И потому, ты, словъ и мыслей добрыхъ,
«Ты, добрыхъ дѣлъ и доброй вѣры, любишь
«Меня за то величье, доброту,
«И красоту и вольность отъ печали,
«Въ которыхъ предстаю я предъ тобой.
«Когда бы увидалъ ты человѣка,
«Которому что свято, то смѣшно,
«Или того, кто бѣднаго отгонитъ,
«И съ бранью передъ нимъ затворитъ дверь,
«Тогда бы ты сидѣлъ и пѣлъ молитвы,
«Молясь святынѣ Водъ, Огню живому,
«И вѣрныхъ веселя, къ тебѣ идущихъ.
«Красива я была, меня ты сдѣлалъ
«Красивѣе еще; была нѣжна я,
«Еще нѣжнѣе сдѣлалъ ты меня;
«Была желанной, я вдвойнѣ желанна;
«Была на первомъ мѣстѣ, ты меня
«На самомъ первомъ мѣстѣ быть заставилъ,
«Чрезъ мысль благую, чрезъ благое слово,

«Черезъ благое дѣланье твое;
«И вотъ меня отнынѣ почитають,
«За долгодневность жертвъ моихъ, за мой
«Глубокій разговоръ съ Агурамаздой.
«Чуть вѣрная душа ступила шагъ,
«Она вступила вдругъ въ Рай Доброй Мысли;
«Чуть шагъ второй, въ Рай Добрыхъ Словъ вступила;
«Черезъ третій шагъ — въ Рай Добраго Дѣянья;
«Черезъ четвертый — въ безконечность Свѣтовъ».

Тогда одинъ изъ вѣрныхъ, отошедшихъ
Предъ нимъ, его вопроситъ, говоря:
«О, человѣкъ святой, какъ ты покинулъ
«Ту жизнь? Какъ ты пришелъ сюда изъ мѣсть,
«Гдѣ столько стадъ, желаній и восторговъ?
«Оттуда, гдѣ любовь тебѣ смѣялась?
«Изъ міра вещества въ духовный міръ?
«Изъ міра тлѣнья въ этотъ міръ нетлѣнный?
«Какъ долго длилось счастіе твое?»
Отвѣтствуетъ ему Агурамазда:
«Не спрашивай его, что вопрошаешь,
«Онъ только что прошелъ жестокій путь,
«Исполненный и страха и тревоги,
«Путь, гдѣ душа должна разстаться съ тѣломъ.
«Пусть вкуситъ онъ отъ принесенной пищи,
«Отъ лучшихъ яствъ блистательной Весны:
«То пища для того, чьи мысли добры,
«Чьи добры вѣра, дѣло, и слова,
«Когда онъ отойдетъ отъ этой жизни,
«Когда онъ отойдетъ отъ жизни той».

2.

Спросилъ Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Духъ Благотворитель!
«Когда одинъ изъ злыхъ окончитъ жизнь,
«Гдѣ въ эту ночь душа его, и что съ ней?»

Отвѣтствовалъ ему Агурамазда:
«Взметнувшись устремляется она,
«Близь мертвой головы сидитъ, и съ воплемъ
«Поетъ: «Куда пойти теперь? Куда?»
«Куда идти мнѣ, о, Агурамазда?
«Кому молиться мнѣ? Кого просить?»
«Въ ту ночь его душа вкушаетъ столько
«Страданья, сколько можетъ міръ вкусить».

«А на вторую ночь — что съ той душою?»

Агурамазда отвѣчалъ: «Взметнется,
«И сядетъ вновь близь мертвой головы,
«И вновь поетъ, о, Заратустра, съ воплемъ:
«Куда идти? Въ какой я край пойду?»
«И снова боль, которой бы хватило
«На цѣлый міръ. — И то же въ третью ночь.
«Тоска и боль». «Куда пойти? Куда же?»
По окончаньи этой третьей ночи,
Взойдетъ заря, и будетъ злой душѣ —
Какъ будто бы въ снѣгу она, средь вони,
Какъ-будто вихрь отъ Сѣвера летитъ,
Изъ сѣверныхъ предѣловъ, столь зловонный,
Что онъ зловоннѣй въ мірѣ всѣхъ вѣтровъ.
И кажется тутъ злому человѣку,
Что у него въ ноздряхъ тотъ душный воздухъ,
Онъ думаетъ: «Откуда этотъ вѣтеръ?
«Я никогда подобнымъ не дышалъ!»
И вотъ ему навстрѣчу — злая вѣдьма,
Ужасная старуха, это — совѣсть,
Ликъ всѣхъ его дѣяній, мыслей, словъ,
Распутная, нагая, и гнилая,
Съ раскрытымъ ртомъ, съ уродствомъ ногъ кривыхъ,
Худыя ляжки пятнами покрыты,
Пятно къ пятну, она изъ пятенъ вся,
Нечистая. И сдавленъ весь, онъ молвитъ:

«Кто ты? Я безобразнѣе не видѣлъ
«Межъ грязныхъ всѣхъ оборышей Земли!»
Отвѣтъ скрипящій: «Я твои дѣянья,
«Я помыслы твои, твои слова!
«Твоею волей такъ я безобразна,
«Твоею волей мерзость я и гниль,
«Несчастная твоей, твоею волей.
«Когда ты видѣлъ тѣхъ, въ комъ свѣтъ сіялъ,
«Объятаго молитвенной мечтою,
«Того, кто почиталъ Огонь и Воду,
«Звѣрей, деревья, травы, все живое,
«Ты Дьявольскую волю исполнялъ,
«Кощунственныя замышлялъ дѣянья.
«И видя тѣхъ, кто былъ гостепріименъ,
«Кто дальняго и близкаго встрѣчалъ
«Равно своей радушною улыбкой,
«Ты жаденъ былъ, дверь замыкалъ свою.
«И если я была и нечестива, —
«Вѣрнѣй, меня считали таковой, —
«Черезъ тебя я нечестива вдвое;
«И если я уродлива, ужасна,
«Въ уродство, въ ужасъ ты повергъ меня;
«Хоть съ Демонами я въ предѣлахъ льдяныхъ,
«На самый Сѣверъ вдвинулъ ты меня;
«Въ дѣлахъ, въ словахъ и въ мысляхъ ты былъ злобнымъ,
«Я проклята, давно, Злой Духъ со мной!»

Шагъ первый — и душа въ Аду Злой Мысли;
Второй — она во Адѣ Злого Слова;
Шагъ третій — и разъятъ Адъ Злого Дѣла;
Четвертый шагъ — и Вѣчность Темноты.

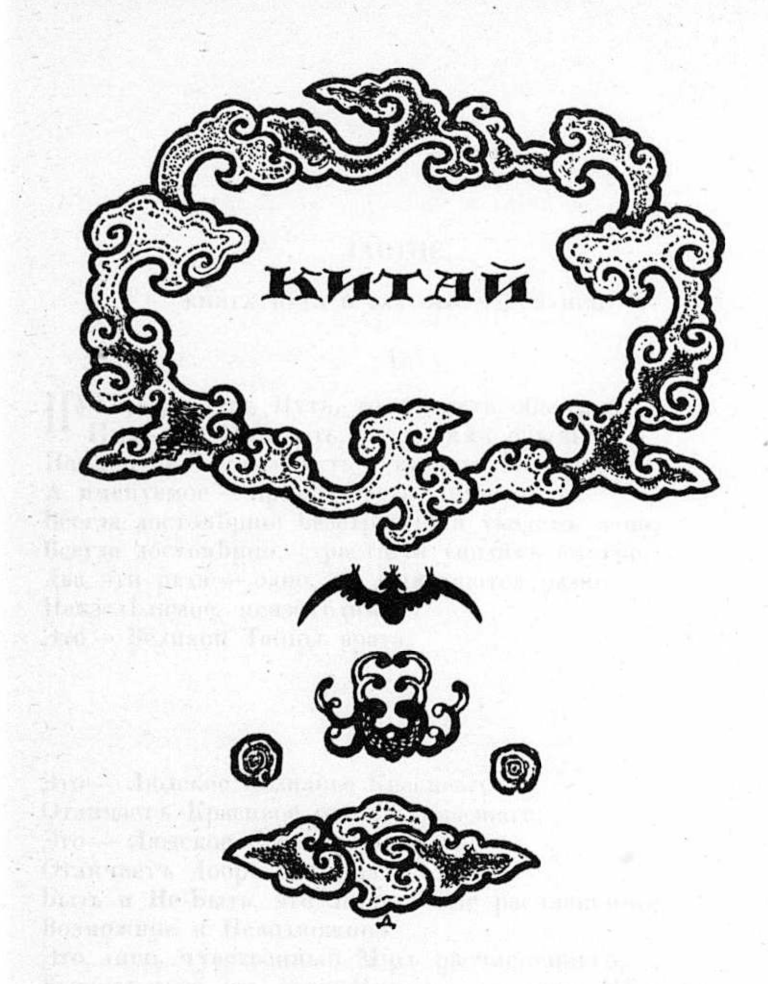
Одинъ изъ злыхъ, предъ этимъ отошедшихъ,
Ужъ тутъ, и говоритъ: «Какъ ты погибъ?
«Несчастный человѣкъ, несчастный дьяволъ,
«Какъ ты пришелъ? Какъ дологъ былъ твой путь?»

Лежачій, Анграмайни, тутъ промолвитъ:
«Что говорить съ нимъ? Дай ему поѣсть,
«Зловонный ядъ готовъ, шипитъ отрава,
«Накормятъ пусть того, кто трижды золъ».

Придетъ заря, и чуть заря займется,
Тутъ птица Пародарсъ, Карэто-Дасу,
Что слышитъ голосъ Пламени всегда,
Всплеснетъ крылами и подниметъ голосъ:
«Возстаньте люди! Женщины и дѣти,
«Возстаньте, препояшьтесь, и омойтесь,
«И спойте пять моленій Заратустры!»
Но вражій долгорукій Бушіяста
Взметнется вдругъ изъ Сѣверныхъ предѣловъ,
Воскликнетъ такъ, солжетъ опять онъ такъ:
«О, спите, люди! Тотъ, въ комъ грѣхъ, спи крѣпче!
«Спи, спи, и продолжай жить во грѣхѣ!»

▪ ▪ ▪ ▪

9*

КИТАЙ

ЛАОТЦЕ.

КНИГА ПУТИ И БЛАГОГО ЧАРОВАНІЯ.

1.

Путь, что есть Путь, то не путь обычный;
Имя, что Имя есть, то не имя обычное.
Неименуемое — это есть сущность Всеміряаго;
А именуемое — природа есть Личнаго.
Всегда достовѣрно: безстрастный увидитъ ясно;
Всегда достовѣрно: страстный увидитъ смутно;
Два эти ряда — одно, но выявляются разно;
Неизслѣдимое, неизслѣдимаго —
Это — Великой Тайны врата.

2.

Это — Людское Сознанье Красиваго
Отличаетъ Красивое отъ Безобразнаго;
Это — Людское Сознаніе Добраго
Отличаетъ Добро отъ Зла.
Быть и Не-Быть, это лишь Бытіе расчлененное.
Возможное и Невозможное
Это лишь чувственный Міръ расчлененнаго.
Высшее такъ же, какъ Низшее, это лишь Цѣльная
жизнь расчлененная.

Впередъ и Назадъ, это есть Непрерывность одна,
расчлененная.
Въ соотвѣтствіи съ этимъ:
Совершенное — все изъясняетъ безъ мысли и безъ
познаванья!
Оно легкокрыло безъ словъ;
Дѣйствуетъ безъ побужденья;
Создаетъ безъ чего бы то ни было;
Воспринимаетъ безъ взгляда;
Свершаетъ, хотя не творецъ.
Въ цѣломъ же:
Неизвѣстное дѣлаетъ Силу.

3.

Путь отвлечененъ, но сила его, его дѣйственность —
неистощимы.
Неизмѣримо-Глубинный, Онъ есть заправитель
частичнаго Міра, явленнаго.
Острое Онъ умѣряетъ,
Сложное Онъ разбираетъ, распутываетъ,
Шумное въ стройность приводитъ пѣвучую,
Атомы вводитъ въ порядокъ.
Свѣтъ, вѣчный Свѣтъ!
Я не знаю, ему кто бы могъ предшествовать!
Чьимъ бы чадомъ считаться могло Существо
Высочайшее!

4.

Всемірное не вѣдаетъ Любви;
надъ Личнымъ проходитъ оно, какъ надъ
средствомъ, средой.
Совершенное не ощущаетъ Любви;

проходитъ надъ Личностями, какъ надъ средствами,
какъ надъ средой.
Вселенная — словно покровъ:
Пустая, но неисчерпаемая:
въ движеньи, творитъ всегда.
Человѣка не вычерпать словомъ;
но когда онъ не тратитъ словъ,
ничего не теряетъ изъ Я.

5.

Безсмертна жизненность Природы;
Она непостижимая есть Мать;
Мать непостижная — Всемірности есть корень;
Что жизнь всегда, — тому толчка не надо.

6.

Всемірное — вѣчно,
Всемірное — вѣчно, затѣмъ, что не существуетъ въ
Личности.
Въ этомъ есть свойство Вѣчности.
Въ соотвѣтствіи съ этимъ:
Совершенное, если вступаетъ въ затмѣнье,
вдвойнѣ утверждается,
Тратя себя, укрѣпляется въ Вѣчности,
Своекорыстья уйдя, обособляется.

7.

Сила Благая подобна Водѣ,
Соразмѣряясь со всѣмъ, ко всему она приспособляется:
Чѣмъ дальше она отъ Низменнаго,

Тѣмъ ближе она къ Пути.
Итакъ она есть:
въ соотношеніи съ Жизнью, съ Земностью,
въ соотношеньи съ Душой, съ Глубиной,
въ соотношеніи съ Чувствомъ, съ Любовью,
въ соотношеніи съ Духомъ, съ Чистосердечіемъ,
въ соотношеньи съ Движеньемъ, съ Развитіемъ,
въ соотношеніи съ Дѣйственнымъ, съ Силой,
въ соотношеніи съ Дѣйствіемъ, съ Должнымъ
въ свой мигъ.

8.

Первичные Строители Порядка,
Устроенные, знали лишь себя,
Одно свое существованье.
За ними — ихъ любили и хвалили;
За ними — относились къ нимъ со страхомъ;
За ними — относились съ небреженьемъ;
Лишь Сплоченностью Сплоченность творится.
Величіемъ исполненные, также
Какъ были полновѣсныя слова ихъ,
Они свершали рядъ своихъ свершеній:
Какъ думали тогда, былъ Самовзглядъ,
Законъ былъ обществъ — Самоусмотрѣнье.

9.

Спутался Путь — возникаетъ сознаніе долга;
Глянулъ разсудокъ, — поведенія правда слѣпая исчезла;
Кровная пала Гармонія, — встала Семейность;
Стройность изъ обществъ ушла, — Отечестволюбье
пришло.

10.

Подниматься на цыпочки, это не значитъ стоять на
ногахъ;
Ноги свои разставлять неумѣренно, это не значитъ
ходить.
Выставляться впередъ, это значитъ во мглѣ оставаться;
Собою довольствоваться, это значитъ идти назадъ;
Быть напоказъ предъ людьми, это значитъ отъ нихъ
зависѣть;
Собою самимъ услаждаться, это — въ упадкѣ быть.
Въ соотношеніи съ Жизнью, это — душевный развратъ;
Въ соотношеніи съ Цѣлью, это есть Безпомощность:
Тотъ, кто знаетъ Путь, стоитъ далеко отъ этого.

11.

Не пробѣгая по міру, можно познать человѣческое,
Не смотря изъ окна, можно видѣть четко,
Кто слишкомъ смотритъ, узнаетъ мало.
Въ соотвѣтствіи съ этимъ:
Совершенный не странствуя знаетъ,
не наблюдаетъ, а видитъ,
не вступая въ воленье, свершаетъ.

12.

Если Общество Путь соблюдаетъ,
на пашнѣ работаютъ,
Если Общество Путь покидаетъ,
на границѣ скопляются бранные кони.
Нѣтъ грѣха — болѣе страсти,
Нѣтъ большаго зла — какъ несдержанность,
Нѣтъ недостатка — сильнѣй честолюбія:
Тотъ, кто умѣетъ знать утоленіе, онъ утоленъ.

13.

Вѣчный возвратъ, это — путь Пути;
Бездѣйственность, это есть двойственность Пути;
Существа земныя возвращаются къ Жизни,
Въ Жизни вновь возвращаются въ Ничто.

14.

Существуетъ Энергія, Мощь Устроительная,
Первобытная,
Первичнѣе Природы,
Неизмѣнная, Неотѣлесненная,
Причина себя, что всегда въ Саморавенствѣ,
И развивается правильно,
Жизни Основа.
Неназываемую, люди зовутъ ее Путь,
Энергія, это — Великое,
Великое, это — Безмѣрное,
Безмѣрное есть Безконечно-далекое,
Безконечно-далекое есть Возвратъ.
Въ соотвѣтствіи съ этимъ,
Путь есть Величіе,
Небо — Величіе,
Земля есть Величіе,
Устроитель — Величіе.

Итакъ существуютъ четыре Величія, а ихъ
Устроитель — одинъ.

Человѣкъ обусловленъ Землей,
Земля обусловлена Небомъ,
Причина Неба есть Путь,
Причина Пути — въ себѣ.

■ ■ ■ ■

У ВРАТЪ ЗАКАТНЫХЪ.

(ЧИ-КИНГЪ)

Народная пѣсня.

У вратъ Закатныхъ, городскихъ,
Красавицъ юныхъ рой,
Какъ тучекъ легкихъ и сквозныхъ
Толпа, весной, съ зарей.
Но что мнѣ въ томъ, но что мнѣ въ томъ,
Что зорится въ нихъ кровь?
Въ покровѣ бѣломъ и густомъ
Вотъ здѣсь — моя любовь.

■ ■ ■ ■

У вратъ Восточныхъ, городскихъ,
Красавицъ нѣжныхъ рой,
Какъ хороводъ цвѣтовъ лѣсныхъ,
Что расцвѣли съ весной.
Но что мнѣ въ томъ, но что мнѣ въ томъ,
Что вешняя въ нихъ кровь?
Въ покровѣ бѣломъ и густомъ
Вотъ здѣсь — моя любовь.

■ ■ ■ ■

НЕНЮФАРЫ.

ЧАНГЪ-ЧАНГЪ-ЛИНГЪ.

Ненюфары, кувшинки, листами такъ схожи съ
цвѣтной кисеей,
А цвѣты ихъ такъ розовы нѣжно румянцемъ
смѣющихся лицъ,

Что не знаютъ глаза, гдѣ листы — кисеи, гдѣ цвѣтокъ
тутъ — рѣчной,
Лишь по пѣнію — дѣвушекъ видишь, межь травъ,
межь рѣчныхъ верелицъ.

Въ оны дни здѣсь любимицы Тцу, и красавицы Ю
здѣсь толпой
Ненюфары срывали, рѣка такъ была кисеей ихъ
нѣжна,
Что теперь каждый вѣнчикъ дрожитъ передъ каждой
поющей сестрой,
И въ ночи надъ рѣкою ведетъ ихъ толпу снѣговая
Луна.

■ ■ ■ ■

ВЪ УРОВЕНЬ СЪ ВОДОЙ.

ТХУ-ФУ.

Такъ быстро стремится ладья моя въ зеркалѣ водъ,
И взоръ мой такъ быстро слѣдитъ за теченьемъ
рѣки.
Прозрачная ночь, въ облакахъ, обняла небосводъ,
Прозрачная ночь и въ водѣ, гдѣ дрожатъ огоньки.

Чуть тучка, блестя, предъ Луной въ высотѣ
промелькнетъ,
Я вижу въ рѣкѣ, какъ той тучки скользитъ хризолитъ.
И кажется мнѣ, что ладья моя въ Небѣ плыветъ,
И кажется мнѣ, что любовь моя въ сердце глядитъ.

■ ■ ■ ■

ПРЕДЪ СУМРАКОМЪ НОЧИ.

(КРИКЪ ВОРОНОВЪ).

ЛИ-ТАЙ-ПЕ.

Въ облакѣ пыли Татарскія лошади съ ржаньемъ
промчалися прочь.
Въ пыльной той дымности носятся вороны, — гдѣ бъ
скоротать эту ночь.
Близятся къ городу, скрытому въ сумракѣ, ищутъ на
черныхъ стволахъ.
Крикомъ скликаются, воронъ съ подругою, парно
сидятъ на вѣтвяхъ.

Бранный герой распростился съ супругою, бранный
герой — на войнѣ.
Вороны каркаютъ въ пурпурѣ солнечномъ, красная
гарь на окнѣ.
Къ шелковой ткани она наклоняется, только что
прыгалъ челнокъ.
Карканье вороновъ слыша, замедлила, вотъ замираетъ
станокъ.

Смотритъ въ раскрытыя окна, гдѣ зорями дразнятъ
пурпурности шторъ.
Вечеръ разорванный въ ночь превращается, чернымъ
становится взоръ.
Молча идетъ на постель одинокую, вотъ, уронила
слезу.
Слезы срываются, ливнемъ срываются, — дождь въ
громовую грозу.

■ ■ ■ ■

ОКЕАНІЯ
Г. НАРБУТЪ 1908

СОЛНЦЕ.

ОКЕАНІЙСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Солнце есть женщина. Имя — Окэра.
Днемъ она свѣтится. Бродитъ внизу.
Ходитъ, восходитъ. Свершается мѣра.
Тучи проводитъ. Сбираетъ грозу.

Вотъ нагулялась въ поляхъ распростертыхъ.
Хочется спать ей. Уютно ли тутъ.
Солнце проходитъ чрезъ области мертвыхъ.
Только приблизилась, тѣни ростутъ.

Солнцу блестящему призраки рады,
Смотрятъ, толпятся, зовутъ погостить.
Только недолги ночныя услады,
Утромъ ей нужно отъ нихъ уходить.

Призраки Солнце изъ тьмы провожаютъ.
Краснаго шкуру даютъ кэнгуру.
Скучно имъ. Пасмурны. Сумрачно таютъ.
Солнце же краснымъ встаетъ поутру.

■ ■ ■ ■

СОЛНЦЕ И ГРОМЪ.

ПРЕДАНІЕ.

СОЛНЦЕ создалъ Громъ. Сказалъ:
«Будь!» И прочь прогрохоталъ.
Солнце — свѣтлая жена,
Громомъ въ бурю создана.

Двѣ ноги всего ей далъ.
А ходить ей приказалъ.
Двѣ ноги, и много рукъ.
Видишь, сколько ихъ вокругъ.

«Отъ зари и до зари»,
Солнцу Громъ сказалъ, «гори!»
Отъ зари и до другой
Солнце ходитъ надъ Землей.

Ночь. Работа свершена.
Хочетъ ѣсть и пить она.
Въ Землю спустится, въ туманъ,
Корни ѣстъ, и игуанъ.

Въ Море спустится и пьетъ.
Моремъ чернымъ Ночь течетъ.
Солнце съ Громомъ въ Морѣ спятъ.
Завтра будетъ громъ и градъ.

■ ■ ■ ■

РОЖДЕНІЕ СОЛНЦА.

ПРЕДАНІЕ.

КОГДА Окэрка родилась,
На Небѣ былъ Восточный часъ.
И распустился тамъ цвѣтокъ,
Онъ называется — Востокъ.

Пошла гулять. Идетъ. Плыветъ.
Прошла весь синій Небосводъ.
Вдругъ видитъ жаромъ полный садъ.
Онъ называется — Закатъ.

Въ саду глядѣла на цвѣты,
И захотѣла темноты.
Нырнула въ Море, скрылась прочь.
Зовутъ то Море въ мірѣ — Ночь.

«А гдѣ же первый мой цвѣтокъ?»
Окэрка снова на Востокъ.
И новый цвѣтъ блеститъ, горя.
Онъ Называется — Заря.

■ ■ ■ ■

ЛУНА.

ПРЕДАНІЕ.

КОГДА въ сѣдыя времена
Не загорались, какъ теперь,
Въ выси ни Солнце, ни Луна,
Былъ человѣкъ, и былъ онъ звѣрь.

Онъ жилъ. Онъ умеръ. Погребли.
Ужь минулъ годъ. Вдругъ онъ встаетъ,
Какъ юный отрокъ изъ земли.
И прямо — въ быстрый хороводъ.

Бѣжать въ испугѣ — всѣ кругомъ.
«Не бойтесь»! крикнулъ: «Будетъ часъ,
Я снова буду мертвецомъ,
Но живъ, я живъ на этотъ разъ».

«Не бойтесь. Будемъ длить игру.
И будемъ въ пляскахъ и въ цвѣтахъ.
Когда же снова я помру,
Свѣтло воскресну въ Небесахъ».

Кто не послушался его,
Тотъ такъ и умеръ въ тотъ же часъ.
А отчего? Да оттого,
Что въ пляскахъ часъ торопитъ насъ.

А самъ онъ выросъ, жилъ и жилъ.
Когда жь онъ умеръ разъ, съ весной,
Онъ въ свитѣ вспыхнувшихъ свѣтилъ
На синемъ Небѣ сталъ Луной.

И вновь къ нему приходитъ смерть,
И вновь, какъ въ звонахъ нѣжныхъ струнъ,
Взнеся свой тонкій серпъ на твердь,
Живетъ онъ жизнью юныхъ лунъ.

Когда-жь въ ночахъ поетъ вода,
Но нашъ его не видитъ взглядъ,
Съ двумя онъ женами тогда,
Въ странѣ, зовущейся — Закатъ.

▪ ▪ ▪ ▪

ЗВѢЗДЫ.

ПРЕДАНІЕ.

Когда скончались племена,
Что были звѣри здѣсь и птицы,
Тогда ущербная Луна
Ждала совѣта отъ Зарницы.

Когда скончались племена,
Что были птицы здѣсь и звѣри,
Вмигъ стала звѣздной вышина,
Чтобъ въ мірѣ не было потери.

И вонъ — созвѣздіе Орла,
И вонъ — созвѣздье зоркой Рыси,
Вся степь небесная свѣтла,
Покрыты душами всѣ выси.

А та звѣзда, чей яркій сонъ —
Межъ малыхъ звѣздъ въ узорѣ тѣсномъ,
То Воронъ, Черный, это онъ,
Со свитой женъ, въ пути небесномъ.

▪ ▪ ▪ ▪

ЧАСЪ ЛЮБВИ.

ПѢСНЯ.

Выходи, дочь моя, чтобъ тебя,
Кто-нибудь,
Павъ на грудь,
Ѣлъ, любя.
Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будетъ ѣсть, ты на вкусъ такъ нѣжна.
Свѣжій медъ
Будетъ ѣсть, будетъ пить,
Обойметъ,
Будетъ пить,
И любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тускло, — о, вѣрь.

Выходи, дочь моя, чтобъ тебя,
Кто-нибудь,
Павъ на грудь,
Сжалъ, любя.

■ ■ ■ ■

РОНО-АКУА.

(Гавайи).

Роно-Акуа въ Гавайяхъ зеленыхъ,
Въ древніе дни, надъ морской глубиной,
Жилъ на полянахъ, бродилъ и на склонахъ,
Вмѣстѣ съ своею красивой женой.
Каики-Рани-Іари-Опуна,
Такъ называлась владычица грезъ.
Домъ ихъ — скала. Надъ кипѣньемъ буруна.
Нѣкто однажды взошелъ на утесъ.
Голосъ раздался къ владычицѣ Роно:
«Каики-Рани, шлетъ милый — привѣтъ.
Мужа оставь. И красивое лоно
Милому дай. Съ нимъ разлучности — нѣтъ».
Роно, услышавъ притворныя рѣчи,
Схваченъ безумьемъ, супругу убилъ.
Долго искалъ съ ненавистникомъ встрѣчи,
Плакалъ о нѣжной, съ кѣмъ счастливъ онъ былъ.
Всѣ онъ, безумный, избѣгалъ Гавайи,
Бѣшено бился со встрѣчнымъ любымъ,
Встрѣчныхъ избилъ онъ огромныя стаи.
Люди дивились «Онъ Злымъ одержимъ!»
Роно отвѣтствовалъ: «Да, я безумный,
Ибо любовь моя къ ней велика.
Ибо въ тиши, и надъ бездною шумной,
Вижу ее, но она далека».
Игры устроивъ, въ поминки желанной,

Роно, промолвивъ «Прощайте» друзьямъ,
Въ море пустился въ пирогѣ трехгранной,
Къ дальнимъ, къ туманнымъ, къ безвѣстнымъ краямъ.
Все-жь возвѣстилъ онъ изъ бездны кипучей:
«Я возвращусь, какъ пройдутъ времена,
Будетъ пирогой мнѣ островъ пловучій,
Тамъ будутъ вѣтви — цвѣты — тишина».

■ ■ ■ ■

МЕРТВЪ МОЙ ВЛАДЫКА И ДРУГЪ.

Мертвъ мой владыка и другъ,
Мой другъ въ дни голодные, въ часъ темноты,
Мой другъ въ дни, когда все изсохло вокругъ,
Мой другъ въ долгій часъ нищеты,
Мой другъ въ дождь и вѣтеръ, и въ солнце, и въ зной,
Мой другъ въ горной стужѣ, на злой вышинѣ,
Мой другъ въ градъ бичующій, въ вихрь круговой,
Мой другъ въ тишинѣ,
Мой другъ въ перемѣнахъ восьми морей.
Мой другъ, мой угадчикъ. Бѣда мнѣ, бѣда!
Мой другъ отошелъ, другъ всей жизни моей.
Ужь онъ не придетъ, никогда.

■ ■ ■ ■

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ.

(два голоса).

Нѣтъ для меня больше жизни, осталось лишь зло.
Солнце, чей свѣтъ согрѣвалъ меня, Солнце зашло.
Мѣсяцъ, который свѣтилъ мнѣ, ушелъ въ темноту,
Звѣзда, что вела, отошла, умерла налету.

Все потерялъ я, отнынѣ нѣтъ счастія дней,
Нѣтъ больше радости сердца, улыбки моей.
Тотъ, кѣмъ былъ живъ весь народъ нашъ, ушелъ
навсегда.
Чтȯ съ нами будетъ! Нѣтъ жизни. Лишь смотритъ бѣда.

Я — схороненный отнынѣ въ глубокой ночи,
Горечь — мнѣ Море, въ ней всѣ потонули лучи.
Я погружаюсь въ пучину, безсильно весло,
Солнце, что грѣло и пѣло мнѣ, Солнце зашло.

■ ■ ■ ■

ОРФЕЙ.

ГИМНЫ МИСТЕРІЙ.

1. Гимнъ къ ночи.

Воскуреніе свѣтильниковъ.

Ночь, жизнь намъ даровавшая Богиня,
Цѣлительный родникъ успокоенья,
Боговъ первоисточникъ и людей;
Внемли, благословенная Киприда,
Одѣтая сіяньемъ многозвѣзднымъ,
Въ молчаньи Сна эбеновая Ночь.
Мечты и сны — въ твоей туманной свитѣ,
И длишь ты мракъ, напѣвъ рождая пирный,
Разсѣиваешь скучную заботу,
Веселья другъ, на вороныхъ коняхъ,
Вокругъ Земли ты шествіе свершаешь.
Богиня привидѣній и тѣней,
День дѣлишь усыпительною властью,
И, выполняя приговоръ Судьбы,
Въ глубокій Адъ, отъ зрѣнья смертныхъ дальній,
Въ Адъ глубочайшій посылаешь свѣтъ;
Необходимость Міра признавая,
Куешь для Міра строй алмазныхъ узъ.
Склони, Богиня, слухъ къ словамъ моленій,
Желанная для всѣхъ, у всѣхъ въ почетѣ,
Благослови, и страхи разгони
Грозящей тѣни сумрака нѣмого.

■ ■ ■ ■

2. ГИМНЪ КЪ НЕБУ.

Воскуреніе ладана.

Великое раскинутое Небо,
Чей мощный сводъ не вѣдаетъ, что — отдыхъ,
Отецъ всего, откуда Міръ возникъ;
Источникъ и конецъ всего, родитель,
Вкругъ этого Земного Шара вѣчно
Кружащійся; безмѣрный садъ Боговъ,
Предѣлъ всего, и всѣхъ вещей хранитель,
Включающій въ своемъ обширномъ лонѣ,
И въ складкахъ круговыхъ нужду Природы,
Ея Необходимость роковую.
Ѳоирный міръ, земной, и многоликій,
Лазурный, полный формъ, и самовластный.
Сатурна ключъ, и Хроноса источникъ,
Всевидящій, навѣкъ благословенный,
Возвышенно-святое Божество,
Будь благосклонно къ робкому мистерій,
И увѣнчай коснувшагося тайнъ.

▪ ▪ ▪ ▪

3. ГИМНЪ КЪ ѲОИРУ.

Воскуреніе шафрана.

Ѳоиръ, ты, никогда не покоренный,
Возвышенный, въ Зевесовыхъ владѣньяхъ;
Часть Звѣздъ большая, часть Луны и Солнца,
Съ блестящимъ, ослѣпительнымъ огнемъ;
Огонь, всепокоряющая сила,
Сіяющій Ѳоирностью огонь,

Чей блескъ живой рождаетъ пламя жизни;
Вселенной наилучшая стихія,
Цвѣтокъ роскошный, съ властью свѣтоносной,
Разубранный въ сіянье сонмовъ Звѣздъ;
Услышь мое просящее моленье,
Будь вѣчно ясенъ, кротокъ, и лучистъ.

▪ ▪ ▪ ▪

4. ГИМНЪ КЪ ПЕРВОРОДНОМУ.

Воскуреніе мирры.

Могучій Перворoдный, зовъ услышь,
Двойной, яйцерожденный ты, сквозь воздухъ
Блуждающій, могучимъ ревомъ быкъ;
На золотыхъ крылахъ своихъ пресвѣтлый,
Живой родникъ племенъ Боговъ и смертныхъ.
Неизреченный, скрытый, славный, власть,
Цвѣтъ всѣхъ сіяній, всѣхъ цвѣтовъ и блесковъ.
Движенье, сущность, длительность, и самость,
Ты ото тьмы освобождаешь взоръ;
Протогоносъ, могучій Перворoдный,
Всемірный свѣтъ, небесно-осіянный,
Ты, вѣя, чрезъ Вселенную летишь.
Пріапъ, блескъ темноглазый и веселый,
Благословенный царь, тебя пою.
Склонись съ благопріятнымъ свѣтлымъ ликомъ
На таинство священное, что здѣсь.

▪ ▪ ▪ ▪

5. Гимнъ къ звѣздамъ.

Воскуреніе ароматовъ.

Мой тихій зовъ — къ вамъ, Звѣзды, сонмъ верховный,
Святые свѣты, демоны Небесъ
Небесное потомство темной Ночи,
Въ вертящихся кругахъ вашъ свѣтъ лучится,
Безсмертные огни небесной выси,
Источники всего, что здѣсь внизу.
Судьба вложила въ васъ значенье ваше,
И людямъ вы простерли свѣтлый путь.
Въ семи блестящихъ поясахъ сіяетъ
Блуждающій вашъ свѣтъ, Земля и Небо
Вамъ образуютъ искристый вашъ сводъ.
Нетлѣнно, негасимо, нерушимо
Сквозь ткани Ночи свѣтитъ снопъ лучей.
Привѣтъ вамъ, вѣчно-бдительные свѣты.
Пошлите мнѣ содружественность блесковъ,
Сознательными ясными лучами
На таинства излейте благодать.

▪ ▪ ▪ ▪

6. Гимнъ къ лунѣ.

Воскуреніе ароматовъ.

Услышь мой зовъ, Владычица Богиня,
Идущая въ серебряныхъ лучахъ,
Въ уборѣ изъ роговъ быка могучихъ,
Въ великомъ кругѣ, съ свитою изъ Звѣздъ,
Свѣтъ Ночи темной засвѣтивъ надъ Міромъ;
Ты, съ женской красотой, съ мужскою властью,
Съ природою двойной и перемѣнной,
То полная какъ кругъ, то вся ущербъ,
Мать мѣсяцевъ, твой путь горитъ плодами,

Въ Ночи родится полдень отраженный,
Твоимъ янтарнымъ шаромъ онъ зажженъ;
Конелюбивая Царица Ночи,
Всевидящая сила, озаренье,
Внимательно-глядящая, врагиня
Борьбы, миръ возлюбившая и жизнь,
Лампада Ночи, украшенье Ночи,
Любовная свершительница мыслей,
Ты цѣли всѣ ведешь къ концу въ Природѣ.
Царица Звѣздъ, всемудрая Діана,
Въ красивомъ многозвѣздномъ одѣяньи,
Въ покровѣ пышномъ нѣжная Богиня,
Зажги свѣтильникъ лунный для меня,
И озари — тебѣ и тайнѣ — вѣрныхъ.

▪ ▪ ▪ ▪

7. Гимнъ къ облакамъ.

Воскуреніе мирры.

Вы, Облака воздушныя, по свѣтлымъ
Долинамъ Неба бродите, рождая
Обильныя теченія дождей;
Весь влагою насыщенный, вашъ образъ
Проносится подъ бурными вѣтрами,
Вы кормите расцвѣты и плоды,
Надъ травками блуждаете вкругъ Міра.
Вы громкозвучны, темны, съ львинымъ ревомъ,
Съ прорывами огней, съ могучимъ громомъ,
Васъ воздухъ неоглядный пріютилъ.
Плывете вы, и правитъ парусами
Веселая и звучная гроза.
Но съ нѣжнымъ вѣтромъ очертанья ваши
Зову дать свѣтлыхъ капель для Земли.

▪ ▪ ▪ ▪

8. Гимнъ къ Землѣ.

Воскуреніе всякаго рода сѣмянъ, исключая бобовъ и ароматовъ.

О, мать Земля, родникъ Боговъ и смертныхъ,
Обильная, всегубящая сила,
Ты разрушаешь въ мигъ, когда творишь;
Родительница всѣхъ, ты расцвѣчаешь
Цвѣты межь изумрудовъ и плоды.
Вселикая, упоръ міровъ безсмертныхъ,
Вѣнчанная безмѣрностью отрадъ;
Изъ чрева у тебя, какъ бы отъ корня,
Который безъ конца, многообразно
Ростутъ плоды, побѣги, крѣпнутъ въ сокѣ,
О, ты, глубокогрудая, съ лугами,
Гдѣ зеленъ пышно-вѣющій уборъ,
Какъ нѣженъ духъ твой свѣжій за дождями.
Всецвѣтный Демонъ, средоточье Міра,
Вокругъ тебя несутся брызги Звѣздъ,
Какъ кинуты, прекрасныя, такъ вѣчно
И мчатся въ дивно-яростномъ круженьи,
И несравненна мудрость ихъ и блескъ.
Внемли, благословенная Богиня,
Умножь вездѣ душистые плоды,
И съ красочною свитою Смѣнъ Года
Молящаго тебя благослови.

■ ■ ■ ■

9. Гимнъ къ Любви.

Воскуреніе ароматовъ.

ВЕЛИКАЯ Любовь, тебя зову я,
Источникъ самыхъ нѣжныхъ наслажденій,
Ты, чистая, манящая нашъ взоръ;
Стремительный, стрѣлоподобный Геній,

Порывно-неудержное желанье,
Богами ты и смертными играешь,
Ты шутишь, ты блуждающій Огонь,
Двойной, проворный, ты звенишь ключами
Земли и Неба, Воздуха и Водъ,
Ключарь воздушный, Моремъ ты владѣешь;
Тебѣ — поля обильныя Цереры,
Все то, въ чемъ жизнь, и безъ чего нѣтъ жизни,
Все, то, что мрачный Тартаръ скрылъ въ себѣ,
Вся глубь, вся широта, вся безконечность,
Тебѣ — всѣ многоликости Природы,
Одинъ, во всемъ, всемірно правишь ты.
Приди, взгляни на таинства, будь нашъ,
И отврати безумныя желанья.

■ ■ ■ ■

10. Гимнъ къ Океану.

Воскуреніе ароматовъ.

Я Океанъ зову, что въ вѣчномъ токѣ,
Равно родникъ Боговъ и человѣковъ;
Неосквернимо-царственный Владыка,
Чьи воды замыкаютъ кругъ Земли;
Отсюда — рѣки, Море истекаетъ,
Журчащіе прозрачные ключи.
Внемли, Могучій, ты царишь безбрежно,
Изъ всѣхъ властей божественныхъ, о, Царь,
Ты въ Мірѣ величайшій Очиститель.
Землѣ ты ставишь дружески предѣлъ,
Ты водоемъ предѣльности полярной,
Окружно катишь ты просторы волнъ.
Будь къ намъ, Зеркально-ясный, благосклоненъ,
Всѣ наши тайны-таинства — твои.

■ ■ ■ ■

11. ГИМНЪ КЪ ФУРІЯМЪ.

Воскуреніе ароматовъ.

ВНЕМЛИТЕ, свита Фурій Вакханальныхъ,
Кричащихъ. Силы страшныя, зову васъ,
Глубокія, ночныя, въ мірѣ тайнъ
Вы кроетесь, и всѣ васъ почитаютъ,
Алекто, Тизифона, и Мэгера,
Въ провалѣ вы, пещерномъ и ночномъ,
Гдѣ Стиксъ течетъ, невидимый для зрѣнья.
Къ нечестью человѣковъ вѣчно-близки,
Фатальны, ихъ карать спѣшите вы.
Орудье ваше — пытка, скорбь, и мщенье,
Вы сильны тѣмъ, что сущность ваша — месть.
Чудовищныя дѣвственницы, ужасъ,
Который остается навсегда,
Многообразный, страшно разноликій,
Чье мѣстопребыванье — нижній Адъ;
Воздушныя, незримыя для смертныхъ,
Порывистыя, быстрыя, какъ мысль.
Напрасно Солнце, съ озареньемъ яркимъ,
Напрасно нѣжно-кроткая Луна
Свои касанья къ мудрости протянутъ,
Искусство не возбудитъ нашъ восторгъ,
Коль васъ не будетъ въ заговорѣ этомъ,
И вы не отвратите прочь свой гнѣвъ.
Надъ племенемъ неисчислимымъ смертныхъ
Блюдете вы, и правъ вашъ приговоръ.
Придите, змѣевласыя, о, Судьбы,
Чей дивный видъ такъ страшно многоликъ,
Склонитесь къ нашимъ таинствамъ безъ гнѣва.

■ ■ ■ ■

12. ГИМНЪ КЪ ЗЕФИРУ.

Воскуреніе ладана.

РОЖДЕННЫЙ Моремъ, съ Запада летящій,
Воздушный, нѣжно-легкій Вѣтерокъ,
Усталому труду дающій отдыхъ,
Лепечущій, весенній, травянистый,
Въ моряхъ глубокихъ кораблямъ пріятный;
Услышавши дыханіе Зефира,
Они плывутъ въ своемъ предназначеньи.
Зефиръ незримый, вольный, легкокрылый,
Овѣй меня, овѣй меня слегка.

■ ■ ■ ■

13. ГИМНЪ КО СНУ.

Воскуреніе мака.

СОНЪ, Царь Боговъ и смертныхъ, Царь всего,
Лелѣемый праматерью Землею;
Владычество твое одно верховно,
Все знаетъ Сонъ, ты вѣешь надо всѣмъ.
Ты всѣ тѣла, съ умомъ, къ добру наклоннымъ,
Въ немѣдныя оковы заключаешь.
Заботамъ ты велишь смежить глаза,
Усталому стремленью быть спокойнымъ,
И огорченья болѣе не плачутъ.
Твои воздушно-нѣжныя оковы
Отъ темной мысли душу берегутъ,
И даже ужасъ смерти погашаютъ;
Недаромъ Смерть и Лету нарекли
Здѣсь близнецами, съ влагой струй забвенныхъ.
Склонись ко мнѣ дремотно-благосклонный,
Позволь мнѣ въ кроткихъ таинствахъ побыть.

■ ■ ■ ■

САФО.

1.

Звѣзды быстро прячутъ свѣтлые лики,
Чуть Луна, показавшись, свѣтъ свой прольетъ,
Такъ, чуть явишь ты свой видъ среброликій,
Нѣжныхъ дѣвъ вмигъ блѣднѣетъ весь хороводъ.

2.

Кругомъ — свѣжій ропотъ въ вѣтвяхъ
Яблонь, и вотъ ужь съ листвы зашуршавшей,
Какъ дождь-перешопотъ, струится сонъ.

3.

Зашла Луна,
Зашли Плеяды,
Часъ поздній ночи,
Уходитъ время,
А я одна.

4.

Сладкій яблокъ краснѣетъ, тамъ на верхушкѣ, вдали,
Сверху — на вѣткѣ верхней: рвали — срывали — забыли,
И не забыли, пожалуй, а просто достать не могли.

5.

Весперъ, ты, что приводишь все, что заря разсѣваетъ,
Козъ, и ягнятъ, — ты приводишь съ вечеромъ къ матери дочь.

6.

Вотъ, счастливый супругъ,
Свадьба, которой желалъ ты,
Бракъ совершенъ, и съ тобой —
Та дѣва, которой желалъ.

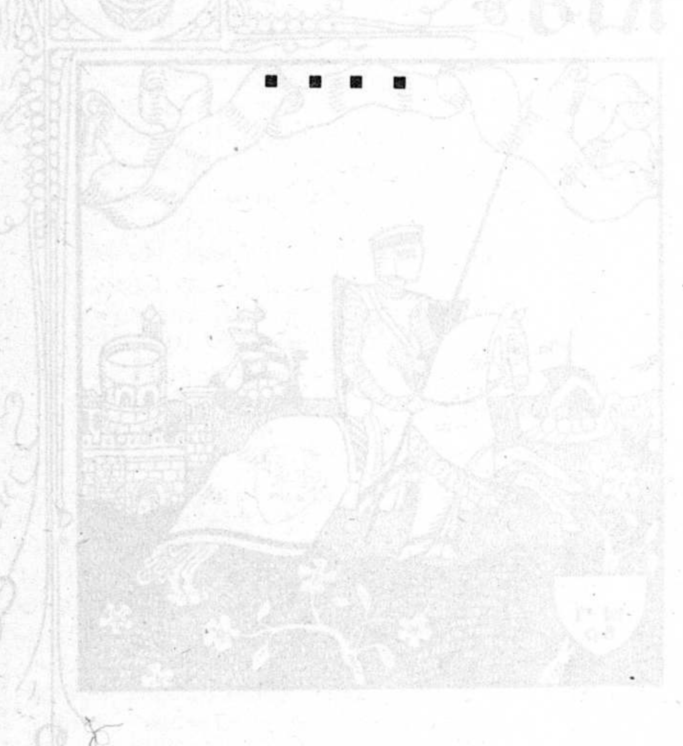
7.

Съ чѣмъ, о, любимый, тебя я, съ чѣмъ я сравню?
Съ гибкою вѣткой тебя я, съ вѣткой сравню.

8.

Дѣвственность, дѣвственность, стой! Ты куда?
Я къ тебѣ не вернусь, не вернусь, никогда.

■ ■ ■ ■

Скандина=
вія
Г. Н.
08

МІРОЗДАНІЕ.

(VOLUSPA).

Довременны были времена,
Какъ хозяйничалъ Имиръ,
Не было ни Моря, ни песковъ,
Ни прохладныхъ струй,
Не было Земли, ни Неба сверху,
Пасть была, и не было травы.
Не было стеблей, одно жерло.

Передъ тѣмъ какъ плоскость вверхъ подъяли
Перворододнаго сыны,
Тѣ, что создали Мидгардъ,
Дивный Городъ Средоточья,
Солнце съ Юга засіяло
На чертоги сокамненій,
И тогда травой зеленой
Почва обросла.

Пребывали въ Идавелли,
Въ кругѣ дѣйствъ неутомимыхъ,
Асы, тѣ, кѣмъ былъ воздвигнутъ,
Высоко оплотъ святынь.
Очаги они сложили,
И выковывали злато,
И щипцы изготовляли,
И орудья создавали.
И они играли въ кости
Во дворѣ.

Были веселы, и не было
Имъ въ златѢ недостатка,
До тѢхъ поръ какъ три пришли
Исполинши-ДѢвы къ нимъ,
Мощныя изъ Іотунгейма.

■ ■ ■ ■

ГИБЕЛЬ МІРА И ВОЗРОЖДЕНІЕ

(VOLUSPA).

Солнце чернѢть начинаетъ,
Погружается въ Море Земля,
Исчезаютъ съ Небесъ
Лучезарныя звѢзды;
Дымъ бушуетъ, и, жизни питатель, Огонь,
До самаго Неба высокій вздымается зной.

Провидица видитъ опять,
Какъ вторично Земля выступаетъ изъ Моря,
И свѢжая зелень на ней;
Водопады кипятъ,
Надъ ними Орелъ пролетаетъ,
За рыбой охотясь въ горахъ.

Асы сидятъ въ Идавелли,
О ЗмѢѢ великомъ ихъ рѢчь,
Сжимающемъ звеньями Землю,
Вспоминаютъ о мощныхъ событьяхъ,
Вспоминаютъ о томъ, что̀ о Высшемъ
Старинныя руны гласятъ.

Находятъ потомъ между травъ
Золотыя чудо-таблицы,
Которыми въ оное время

ВладѢли они.
Безъ посѢвовъ — на пашняхъ хлѢба,
Изъ злого встаетъ улучшенье.

Бальдеръ придетъ:
Гедеръ и Бальдеръ
Въ побѢдныхъ чертогахъ живутъ
Верховнаго Рунта,
Въ домѢ Боговъ-Бойцовъ.
Что еще можетъ знать кто-нибудь?

■ ■ ■ ■

РѢЧИ ВЫСОКАГО (ОДИНА).

(ЭДДА).

1.

Другомъ для друга мужчина быть долженствуетъ,
Другомъ его, и его друзей.
Другомъ для друга недруга быть да не смѢетъ
Никто понимающій дружбу друзей.

2.

Молодъ я нѢкогда былъ, блуждалъ одиноко.
Заплутался въ путяхъ.
Богатымъ себѢ показался, другого нашедши,
Мужчина мужчинѢ есть радость во дняхъ.

3.

Не только великое нужно давать человѢку,
Можно нерѢдко малымъ снискать намъ хвалу.
Половиною хлѢба, вполовину ужь выпитымъ кубкомъ
Друга себѢ я нашелъ.

4.

Головня головнею живится, огонь огнемъ,
Пламя играетъ отъ пламени.
Мужчина отъ рѣчи становится болѣе мудрымъ,
Отъ молчанья тупѣетъ надменнаго.

5.

Огонь наилучшее есть между дѣтей человѣка,
И солнечный ликъ,
И здоровье тѣлесное, разъ человѣку возможно
Безъ безчестія жить.

6.

Невполнѣ человѣкъ злополученъ, хотя бы онъ былъ больнымъ.
Одинъ сыновьями богатъ,
Другіе друзьями, другіе богатствомъ владѣній,
Иные величіемъ дѣлъ.

7.

Лучше живому, чѣмъ мертвому въ мірѣ,
Онъ еще можетъ имѣть стада.
Въ домѣ богатаго видѣлъ огонь въ очагѣ я,
Самъ же онъ мертвый предъ дверью лежалъ.

8.

Умираютъ стада, умираютъ друзья,
Умираетъ и самъ человѣкъ.
Не умираетъ, не вѣдаетъ смерти одна лишь
Добрая слава людей.

9.

Умираютъ стада, умираютъ друзья,
Умираетъ и самъ человѣкъ.
Я знаю одно, что не вѣдаетъ смерти:—
Приговоръ надъ любымъ, кто мертвецъ.

Бре=
тань.
ГН

РЯДЫ.

(ДРУИДЪ И РЕБЕНОКЪ).

ВСЕКРАСИВЫЙ ребенокъ,* живой,
Лучъ Друида, скажи, нѣжный мой,
Чтò ты хочешь, чтобъ спѣлъ предъ тобой?

— Ты о рядѣ мнѣ спой одного,
Пока я не запомню его.

— Для численья одинъ — ряда нѣтъ,
Неизбѣжность одна, кладезь Бѣдъ,
Смерть, а до — ничего больше нѣтъ.

Всекрасивый ребенокъ, живой,
Лучъ Друида, скажи, нѣжный мой,
Чтò-жь сегодня мнѣ спѣть предъ тобой?

— Спой о рядѣ мнѣ двухъ, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Два быка, а въ упряжкѣ одной,
Предъ одною идутъ скорлупой.
Вотъ помрутъ. Видишь ихъ, нѣжный мой?

— Спой о рядѣ мнѣ трехъ, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Тройственъ міръ, у него три лица,
Три начала и три есть конца,
Мужъ и дубъ ждутъ того же вѣнца.

Три есть царства Мерлина, и въ нихъ
Свѣтъ цвѣтовъ, свѣтъ плодовъ золотыхъ,
Въ свѣтѣ дѣти, съ улыбками ихъ.

— Спой про рядъ четырехъ, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Счетъ четыре — Мерлинъ, счетъ камней,
Тѣхъ, чтобъ мечъ отточить намъ острѣй,
Чтобъ сражать лезвіями мечей.

Всекрасивый ребенокъ, живой,
Лучъ Друида, скажи, нѣжный мой,
Чтò ты хочешь, чтобъ спѣлъ предъ тобой?

— Спой о рядѣ пяти, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Пять полосъ у Земли, пять вѣковъ
Въ океанности нашихъ часовъ,
У сестры нашей пять маяковъ.

— Спой о рядѣ шести, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Шесть младенцевъ изъ воска, тѣнь сна,
Ихъ живитъ своей властью Луна,
Ты не знаешь, я знаю сполна.

Шесть цѣлительныхъ травъ въ кипяткѣ,
Карликъ сокъ ихъ смѣшалъ въ котелкѣ,
Палецъ въ ротъ — слышитъ все вдалекѣ.

— Спой о рядѣ семи, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Семь есть солнцъ, семь есть лунъ, семь планетъ,
И Насѣдка въ ряду этихъ смѣтъ,
Семь Стихій, въ нихъ мука — точекъ свѣтъ.

— Спой о рядѣ восьми, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Восемь вѣтровъ и восемь огней,
Вмѣстѣ съ Высшимъ Огнемъ Майскихъ дней,
Что горятъ на горѣ мятежей.

Восемь бѣлыхъ, какъ пѣна, телицъ,
Выгонъ ихъ — островъ водъ безъ границъ,
Восемь ихъ у Царицы царицъ.

Всекрасивый ребенокъ, живой,
Лучъ Друида, скажи, нѣжный мой,
Чтò мнѣ сызнова спѣть предъ тобой?

— Спой про рядъ девяти, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Девять маленькихъ рукъ надъ гумномъ,
Возлѣ Башни, гдѣ ночью и днемъ
Стонутъ матери, девять числомъ.

Корриганы, — цвѣты въ волосахъ, —
Пляшутъ въ бѣломъ, ихъ девять въ ночахъ,
Близь ключа, въ полнолунныхъ лучахъ.

Кабаниха, семья кабанятъ,
Девять, хрюкаютъ, роютъ, ворчатъ,
А кабанъ возлѣ яблони, — радъ.

— Спой про рядъ десяти, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Десять вражьихъ идутъ кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вамъ десять скорбей.

— Рядъ одиннадцать спой, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Вонъ жрецы, глянь, одиннадцать встрѣчъ,
То Венеды, съ кровавости сѣчъ,
Глянь, у каждаго сломанный мечъ.

Въ запыленныхъ покровахъ своихъ,
Въ окровавленныхъ, въ пятнахъ густыхъ,
Было триста, — одиннадцать ихъ.

Всекрасивый ребенокъ, живой,
Лучъ Друида, скажи, нѣжный мой,
Что̀ еще мнѣ пропѣть предъ тобой?

— Рядъ двѣнадцать мнѣ спой, для того,
Чтобы могъ я запомнить его.

— Мѣсяцъ къ мѣсяцу, знаки сквозь мглу,
Ихъ двѣнадцать, пропѣвшихъ хвалу,
И Стрѣлецъ ужь спускаетъ стрѣлу.

Знаки, знаковъ двѣнадцать, война,
Со звѣздою Корова, черна,
Весь прошла Лѣсъ Останковъ она.

Въ грудь вонзилася жаломъ стрѣла,
Кровь течетъ, горяча и свѣтла,
Ликъ съ мычаніемъ вверхъ подняла.

Рогъ звучитъ; огнь и громъ; вѣтръ и свѣтъ;
Громъ и огнь; дождь; утраченный слѣдъ;
Ничего; ничего; ряда нѣтъ.

Вонъ жрецы, глянь, одиннадцать встрѣчъ,
То Венеды съ кровавости сѣчъ,
Глянь у каждаго сломанный мечъ.

Десять вражьихъ идутъ кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вамъ десять скорбей.

Девять маленькихъ рукъ надъ гумномъ,
Возлѣ Башни, гдѣ ночью и днемъ,
Стонутъ матери, девять числомъ.

Восемь бѣлыхъ, какъ пѣна, телицъ,
Выгонъ ихъ — островъ водъ безъ границъ,
Восемь ихъ у Царицы царицъ.

Семь есть солнцъ, семь есть лунъ, семь планетъ,
И Насѣдка въ ряду этихъ смѣтъ,
Семь Стихій, въ нихъ мука — точекъ свѣтъ.

Шесть цѣлительныхъ травъ въ кипяткѣ,
Карликъ сокъ ихъ смѣшалъ въ котелкѣ,
Палецъ въ ротъ — слышитъ все вдалекѣ.

Пять полосъ у Земли, пять вѣковъ,
Въ океанности нашихъ часовъ,
У сестры нашей пять маяковъ.

Счетъ четыре — Мерлинъ, счетъ камней,
Тѣхъ, чтобъ мечъ отточить намъ острѣй,
Чтобъ сражать лезвіями мечей.

Тройственъ міръ, у него три лица,
Три начала, и три есть конца,
Мужъ и дубъ ждутъ того же вѣнца.

Два быка, а въ упряжкѣ одной,
Предъ одною идутъ скорлупой.
Вотъ помрутъ. Видишь ихъ, нѣжный мой.

Для счисленья одинъ ряда нѣтъ,
Неизбѣжность одна, кладезь бѣдъ,
Смерть, а до — ничего больше нѣтъ.

■ ■ ■ ■

ПРОРОЧЕСТВО ГВЕНКТЛАНА.

1.

Если Солнце заходитъ, если Море грознѣй,
Я пою на порогѣ передъ дверью моей.
Въ оны дни пѣлъ я звонко, пѣлъ всю юность мою,
Дни прошли, вотъ и старость, я пою и пою.
Я пою днемъ и ночью, для меня нѣтъ — доколь,
И, однако, я горе, и, однако, я боль.
Коль главой поникаю, коль страданіе я,
Есть на это причина, то не прихоть моя.
Тутъ не то, чтобы страхъ былъ, разъ убьютъ, суждено,
Тутъ не то, чтобы страхъ былъ, жить мнѣ было дано.
Разъ меня ты не ищешь, ты меня обрѣтешь,
А когда меня ищешь, ты меня не найдешь.
Что случится, — неважно. Рокъ сужденъ, — онъ съ тобой.
Умереть нужно трижды, лишь за этимъ — покой.

2.

Вотъ я вижу, изъ лѣса выступаетъ кабанъ,
Онъ хромаетъ, онъ раненъ, у него много ранъ.
Кровью глотка зіяетъ, а щетина сѣда,
Вкругъ него кабанята, голодъ — малыхъ страда.
Вотъ я вижу, навстрѣчу конь выходитъ морской,
Въ страхѣ берегъ трепещетъ, волны плещутъ «На бой»!
Бѣлъ и онъ, бѣлоснѣженъ, а челомъ сребролитъ,
Молнегромныя ноздри, валъ подъ бѣлымъ кипитъ.
Встали кони морскіе, — прудъ съ травой, рой густой.
— Конь морской! Крѣпе, крѣпче! Бей его! Смѣло въ бой!

Кровь. Нога поскользнулась. Бей сильнѣе, сильнѣй!
Прямо въ голову! Крѣпче! Кровь ручьемъ! Бей же! Бей!
До колѣнъ кровь доходитъ! Дли, въ багряномъ, игру!
Бей сильнѣй! Бей сильнѣе! Отдохнешь поутру!
Конь морской, бей сильнѣе! Бей сильнѣй! Бей сильнѣй!
Прямо въ голову! Крѣпче! Бей еще! Бей! О! Бей!

3.

Я тихонько въ могилѣ спалъ и спалъ, мгла росла,
Вдругъ въ безмолвіи ночи я услышалъ Орла.
Всѣхъ орлятъ созывалъ онъ, всѣхъ кто быстръ въ небесахъ,
Говорилъ: Поднимайтесь на своихъ двухъ крылахъ!
Не для мяса гнилого псовъ, овецъ, стройтесь въ рядъ,
Христіанскаго тѣла наши клювы хотятъ.
— Воронъ моря, повѣдай, у тебя что въ когтяхъ?
— Голова полководца, въ красныхъ вроюсь глазахъ.
У него вырывалъ я глаза потому,
Что твои онъ исторгнулъ, погрузивъ тебя въ тьму.

— Ты, лисица, отвѣтствуй, что тамъ держишь, скажи?
— Я держу его сердце, — какъ мое, сердце лжи.
Потому это сердце я держу, что оно
Смерть твою поманило, и ты умеръ давно.
— Ты мнѣ, жаба, промолви, ты во рту у него
Почему притаилась? — Поджидаю его.
Какъ душа его будетъ проходить, тутъ въ меня
И войдетъ, и замкнется до послѣдняго дня.
То — возмездье за злое, что надъ Бардомъ свершилъ,
Онъ межъ Рок'хъ и Порзгвеномъ не живетъ, тамъ,
гдѣ жилъ.

▪ ▪ ▪ ▪

ПЬЯНОСТЬ СОЛНЦА И ПЛЯСКА МЕЧА.

1.

Бѣлое есть вино,
Такъ пьяно!
Бѣлое есть вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Красная кровь съ виномъ
Бьетъ ключомъ,
Красная кровь съ виномъ.

Новое пить вино
Суждено,
Новое пить вино.

Лучше вино, чѣмъ медъ,
Жарче бьетъ,
Лучше вино, чѣмъ медъ.

Галльскій тотъ сокъ — живитъ,
Яблокъ спитъ,
Галльскій тотъ сокъ — живитъ.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Галлы, лоза для васъ,
Въ быстрый часъ,
Галлы, лоза для васъ.

Ты же, Бретонецъ, пей,
Пьяность лей,
Ты же Бретонецъ, пей.

Бѣлое свѣтъ-вино
Намъ дано,
Бѣлое свѣтъ-вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Кровь и вино слились,
Вотъ, зажглись,
Кровь и вино слились.

Бѣлое съ краснымъ жжетъ,
Пламя вотъ,
Бѣлое съ краснымъ жжетъ.

Галльская кровь течетъ,
Спутанъ счетъ,
Галльская кровь течетъ.

Выпилъ я кровь съ виномъ,
Пьянъ огнемъ,
Выпилъ я кровь съ виномъ.

Кровь и вино пьянятъ,
Блещетъ взглядъ,
Кровь и вино пьянятъ.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

2.

Пляска, вино и кровь
Солнцу вновь.
Пляска, вино и кровь

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Пляска, и пѣснь, и бой,
Круговой,
Пляска, и пѣснь, и бой.

Пляска меча, кругомъ,
Жизнь съ мечомъ,
Пляска меча, кругомъ.

Мечъ, голубой, какъ твердь,
Любитъ смерть,
Мечъ, голубой, какъ твердь.

Синяя пѣснь меча
Горяча,
Синяя пѣснь меча.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Бой, гдѣ владыка — мечъ,
Въ вихрѣ сѣчъ,
Бой, гдѣ владыка — мечъ.

Мечъ властелинъ людей,
Въ битвахъ дней,
Мечъ властелинъ людей.

Радуга пусть горитъ,
Мечъ съ ней слитъ,
Радуга пусть горитъ.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

■ ■ ■ ■

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

ЕГИПЕТЪ.

Къ страницамъ 19-й — 34-й.

«Предстаніе предъ Ликомъ Дня», болѣе извѣстное Европейцамъ какъ «Книга Мертвыхъ», представляетъ изъ себя одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ благоговѣйной Человѣческой Мысли. Молитвенныя пѣснопѣнія, заклинанья и религіозные помыслы, составляющіе эту цѣльную слитность Египетскихъ текстовъ, были записаны, загадочными письменами, на стѣнахъ гробницъ и саркофаговъ, на траурныхъ колоннахъ, папирусахъ и амулетахъ. Египетскій народъ былъ однимъ изъ самыхъ религіозныхъ народовъ, когда-либо существовавшихъ на Землѣ, и цѣль этихъ молитвенныхъ и заклинательныхъ надписей—удостовѣрить благое состояніе отшедшихъ, за предѣлами по-сю-сторонней жизни. Тексты эти, главнымъ образомъ, были найдены въ Ѳивахъ. Эти благоговѣйныя мысли возникали и свѣтились въ Египетскихъ умахъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій, — и пяти, и семи, и свыше, — и были одинаково живыми—какъ передъ умственными взорами Фараона, такъ и предъ умственными взорами обыкновеннаго пахаря или рабочаго. Это—мыслительный кладъ, сіянья котораго распространялись одинаково на всѣхъ.

Религія древнихъ Египтянъ, этихъ поселенцевъ изъ погибшей Атлантиды, такъ же какъ религія Майевъ и Мексиканцевъ, имъ чрезвычайно родственныхъ, и тоже озаренныхъ запоздалыми зорями Атлантиды, есть религія по преимуществу Солнечная. Благоговѣйнымъ своимъ сознаніемъ, Египтяне

сливаютъ въ одну великую Цѣльность небесныя Свѣтила съ земными Цвѣтами, Человѣческій міръ съ міромъ Звѣрей и Боговъ, текущее Мгновеніе съ безъизмѣрною Вѣчностью, и здѣшнее Сегодня съ запредѣльнымъ Завтра. Поэтому все Искусство Египтянъ отмѣчено печатью высокой взнесенности, каждая фигура ихъ живописи, каждое изваяніе изумительной ихъ скульптуры, каждая черта всего строя ихъ мысли и ихъ историческаго лика — полны тонкой духовности, завершенной идеальности, какъ завершены въ своей красотѣ, и не могутъ быть иными, стебель папируса, нѣжный лотосъ, строгій стихъ и математическая фигура.

Гимновъ къ Солнцу у Египтянъ много,—кому же и пѣть хвалы, какъ не ему, въ этой бездождной, но пышно цвѣтущей озаренной долинѣ,—и въ каждомъ гимнѣ они творчески сливаютъ ликъ Солнца видимаго съ ликомъ Солнца духовнаго, властью котораго идутъ и ведутся міры. Я выбралъ отрывки, которые казались мнѣ наиболѣе отличительными. Кто хочетъ вполнѣ воспринимать Египетскія пѣснопѣнія, тотъ долженъ, конечно, обратиться къ изученію Египта, литература о которомъ подробна и огромна, и при этомъ находится не въ законченности, а въ движеніи. Но многое изъ красоты этихъ гимновъ просвѣчиваетъ и для каждаго внимательнаго взгляда, безъ спеціальныхъ изученій. Изъясненіе тѣхъ словъ и именъ, смыслъ которыхъ недостаточно явствуетъ изъ самаго текста я прилагаю.

Ра—Солнце, творецъ Мірозданія. Ветхій деньми, Выходящій изъ-за горизонта, Содружный съ Утренней Звѣздой, Обожаемый глазами, онъ въ нѣкоторыхъ надписяхъ является болѣе древнимъ, чѣмъ самый Небосводъ. Главное мѣстопребываніе Солнечнаго культа въ Анну [греческое Геліополисъ]. Ра обычно изображался въ ликѣ человѣка съ головою сокола, увѣнчаннаго солнечнымъ дискомъ и уреемъ [кобра]. Въ лѣвой рукѣ его—царственный скипетръ. Въ правой—знакъ жизни, крестъ тау съ вершиннымъ яйцевиднымъ ободкомъ. Зоркій и сильный, змѣинопроворный и неуловимый, стройный и вѣчно живой. Будемъ какъ онъ. Будемъ какъ Солнце.

Хеперъ, или Хепера, Самосозданный, создатель Боговъ, символъ Возрожденья, онъ есть также одна изъ ипостасей Восходящаго Солнца. Знакъ его-священный скарабей. Онъ изображается какъ человѣкъ съ священнымъ жукомъ надъ головой или съ жукомъ вмѣсто головы. На стѣнахъ погребальныхъ зданій онъ плыветъ въ скользящей ладьѣ Солнца.

Нѣтъ, женская основа небеснаго Океана, Ну. Она изображается какъ выгибающая дугою свое звѣздное тѣло надъ Землей, которой она, выгибаясь, касается кончиками пальцевъ рукъ и ногъ. Иногда она изображается также даятельницей молока, коровой.

Ману-гора Заката.

Маатъ-воплощенье Порядка и Стройности, жена Измѣрителя, Тота, дочь Ра. Она Властительница Неба, Правительница Земли, и Главенствующая Міра Запредѣльнаго. Она изображается какъ сидящая женщина, съ дыбящимся перомъ Справедливости на головѣ. Иногда съ повязкою на глазахъ. Въ лѣвой рукѣ ея-цвѣточный скипетръ. Въ правой-знакъ жизни.

Геру-кхути [Гармахисъ], Горусъ съ двумя горизонтами, есть одна изъ ипостасей Солнечнаго бога, особливо бога Восходящаго Солнца, и какъ таковой представляемый Великимъ Сфинксомъ. Онъ изображается съ головою сокола, и съ дискомъ, также какъ съ уреемъ.

Бакхатетъ-гора Востока, обратный Солнечный полюсъ по сравненію съ горой Ману.

Тотъ-Лунный богъ, изобрѣтатель точныхъ знаній, письменъ и искусствъ. Это онъ написалъ священныя Книги, и вмѣстѣ съ Изидой обладалъ великими знаньями въ магіи. Иногда онъ является въ ликѣ ибиса, но большею частью какъ человѣкъ съ головою ибиса, надъ ней полумѣсяцъ и дискъ, въ рукахъ-кисть и перо, или зазубренная отмѣтинами длинная пальмовая вѣтвь. Греки отождествляли его съ Гермесомъ Трисмегистомъ, имя котораго священно черезъ вѣка для каждаго, кто въ той или иной мѣрѣ соприкасается съ тайновѣдѣніемъ.

Себау-Ликъ Демоновъ, змѣеликій сонмъ Дьяволовъ, вра-

говъ Свѣта. Колыхающійся предъ лучами, Сумракъ лишается рукъ и ногъ предъ побѣднымъ ликомъ Солнца.

Апепъ, иначе Апепи, великій многоликій Змѣй, врагъ Солнца, и воплощеніе духовнаго Зла. Онъ изображается какъ Змѣй, съ многочисленными извивами, въ каждый изъ которыхъ воткнутъ ножъ. Солнце, встрѣчая Апепа съ его воинствомъ, бьется съ нимъ всю ночь до зари. Иногда этотъ Демонъ отождествляется съ Тифономъ. Онъ силенъ, теменъ, и облаченъ. Лишь огонь и кремневый мечъ бога Солнца загоняютъ его въ подземныя пещеры. Одно изъ его именъ есть Ревунъ. Онъ изображается слѣпымъ.

Абту-священная рыба, которая на гробахъ и на другихъ погребальныхъ изображеніяхъ плыветъ при носовой части ладьи бога Солнца, также какъ рыба Антъ.

Горусъ-сынъ Озириса и Изиды, то изображается какъ мальчикъ, то какъ юноша съ головою сокола, Солнечная ипостась.

Озирисъ, величайшая изъ всѣхъ Силъ, богъ-царь Египта, даровавшій людямъ свѣтъ знанія, законы, научившій ихъ молиться и воздѣлывать поля. Сынъ Неба и Земли, супругъ и братъ Изиды. Съ именемъ Озириса были связаны всѣ упованія Египтянъ на жизнь будущую. Свѣтлый символъ Безсмертія.

Исповѣдь Отрицающаяся. Сѣнь смертная, міръ запредѣльный. Чертогъ двойной Маати, то-есть Чертогъ Изиды и сестры ея, Нефтисъ, символизующихъ Правду и Справедливость. Въ Чертогѣ сидятъ или стоятъ 42 бога, къ каждому изъ нихъ обращается отшедшій, и даетъ отрицательный отвѣтъ,—если онъ можетъ дать отрицательный отвѣтъ,—на каждый изъ 42-хъ основныхъ вопросовъ, сводящихъ въ одно цѣлое этическія представленія древнихъ Египтянъ. Въ средоточьи кровли, украшенной карнизомъ изъ божественныхъ уреевъ, и перьевъ, символизующихъ Маатъ, сидитъ Божество, голубовато-зеленое, съ руками распростертыми.

Аменти-Закатный край, страна Заходящаго Солнца и сѣни смертной. Ея владыка-Озирисъ. Черезъ эту Сѣнь Смертную

ночью Солнце должно свершать свой путь. Аменти раздѣлено на двѣнадцать частей, полями, городами, домами, а черезъ все это течетъ рѣка, по которой, въ ладьѣ своей, Солнце совершаетъ обратный путь къ Восточному краю. Многочисленные демоны, въ ликѣ звѣриномъ и человѣческомъ, особливо же въ ликѣ змѣиномъ, осаждаютъ его путь. «Онъ, что въ Аменти»—есть Озирисъ въ формѣ муміи. Отшедшій, будучи отождествляемъ съ Озирисомъ, побѣдилъ всѣхъ своихъ недруговъ,—и какъ лучезарносіяющій Ра прошелъ черезъ Ночь, чтобы встать на Востокѣ, такъ Египтянинъ, осуществившій завѣты, уйдя изъ этой жизни, проходитъ Сѣнь Смертную и вступаетъ въ Жизнь Благословенную.

О священной птицѣ Бенну, лучезарной прародительницѣ эллинскаго Феникса, и русской Жаръ-Птицы, есть красивое преданіе, что эта Возвратная [значеніе ея имени], — что птица эта съ пѣніемъ вознеслась изъ пламени, возникшаго изъ особаго дерева, и такъ было волшебно ея пѣніе, что самъ Ра слушалъ ея пѣсню.

Сэтъ ночной братъ Озириса. Мужъ Нефтисъ. Въ ранніе дни онъ былъ благоволительнымъ. Позднѣе онъ сталъ не только богомъ Тьмы, но и богомъ духовнаго Зла. Въ дни упадка Египетскаго царства имя его, какъ отвратительное и ненавистное, уничтожалось на памятникахъ.

Тэмъ-ипостась Ночного Солнца. Самосозданный, Тэмъ есть создатель Боговъ и Человѣковъ.

Изида, чье имя болѣе знаменито среди Европейцевъ, чѣмъ имя кого-либо изъ Боговъ Египетскихъ, есть дочь Сэба, Земли, и Нѣтъ, Небосвода, сестра и супруга Озириса. Она всегда изображается какъ женщина, на головѣ которой, въ видѣ украшенія, тронъ. Престолъ есть и гіегроглифъ для ея имени. Иногда голова ея украшена дискомъ, рогами, и двойной короной. Воплощенье красоты жены и матери. Въ преданьяхъ о Солнечномъ богѣ ее именуютъ Великой Волшебницей. Нелишенная интереса гипотеза Американскаго писателя Лё-Плёнжона, сдѣлавшаго чрезвычайно цѣнныя раскопки въ Уксмалѣ и Чиченъ-Итца, гдѣ мнѣ приходилось говорить о немъ съ

туземцами, считаетъ Изиду одною изъ Майскихъ царицъ, бѣжавшей изъ Майи, отъ преслѣдованiй влюбленнаго въ нее брата, убившаго ея мужа-брата, въ Египетъ, какъ въ родственную Антлантову колонiю. Майская живопись и скульптура даютъ тѣнь правдоподобiя такой догадкѣ, которую, однако, трудно принять.

МЕКСИКА.

Къ страницамъ 37-й—49-й.

Если Египетъ озаренъ золотымъ, нѣжно-желтымъ Солнцемъ, Мексика вся освѣщена заревами Солнца алаго. Въ ея гимнахъ слышишь пѣсню крови. Ея главный богъ-Вицтлипохтли, богъ Войны, нацiональный богъ Мексиканцевъ, особливо города Мехико. Онъ называется также Лѣвша, т. е. Южный. Онъ явился, и являлся, своимъ вѣрнымъ, въ ликѣ колибри, самой цвѣтистой и самой сильной изъ птицъ, несмотря на свою малость. Птица вѣчнаго движенiя, неустаннаго полета. Вицтлипохтли-исторгатель сердецъ, ибо, какъ извѣстно, въ Мексикѣ плѣнниковъ возводили, съ цѣлымъ рядомъ религiозныхъ церемонiй, на высокiя пирамидныя теокали, и тамъ жрецъ, обсидiановымъ мечомъ, высѣкалъ у плѣннаго сердце, и приносилъ это, еще живое, дымящееся, сердце въ жертву Солнцу, въ чертоги котораго, по смерти, возносились погибшiе воители.

Въ «Пѣсни Со-Щитомъ-Рожденнаго и Владычицы Земныхъ Людей» разсказывается очень распространенная въ древней Мексикѣ легенда о рожденiи Вицтлипохтли Матерью-Дѣвой. Эта легенда цвѣтовыми и свѣтовыми своими эффектами напоминаетъ златоцвѣтную живопись Итальянскихъ примитивовъ. Грозовой и облачный миѳъ. Вѣчная борьба змѣевидной молнiи съ чудовищами-тучами, которыя она разбиваетъ при всемъ ихъ повторномъ множествѣ.

Икскосаукви, Желтоликiй, или Ксiутекутли, Голубой Владыка, онъ же Куэцальтцинъ, Священное Пламя, онъ же Уэуэтеотль, Древнiй Богъ, онъ же Тота Нашъ Отецъ. Подобно этому и Агни, въ «Ведiйскихъ Гимнахъ», четвероглазый богъ съ медовымъ языкомъ, зовется богомъ среди боговъ, Хранителемъ, и Нашимъ Отцомъ. Мексиканцы говорили о богѣ Огня, что, будучи отцомъ всѣхъ боговъ, онъ пребываетъ въ прибѣжищѣ Воды, и между цвѣтовъ, которыя суть зубчатыя стѣны между водныхъ облаковъ.

«Пѣснь Облачныхъ Змѣй», проникновенной своей срывчатостью, странно напоминаетъ нѣкоторыя изъ оргiйныхъ пѣсенъ нашихъ Бѣлыхъ Братьевъ, когда они изображаютъ сошествiе Святого Духа.

Богиня Земли, Цигуакоатль,Женщина-Змѣя. См. о ней мое пѣснопѣнiе, подъ таковымъ заглавiемъ, въ книгѣ «Птицы въ Воздухѣ», въ отдѣлѣ «Майя». Богиня Койоакана, древней столицы Мексиканскихъ царей. Ликъ оленя, въ которомъ она между прочимъ являлась вѣрнымъ, показываетъ, что она не только Воительница, но и богиня Огня, ибо у Мексиканцевъ олень означалъ огонь и огненный дождь. 13—священное число у Мексиканцевъ. У жрецовъ почитавшихъ бога Воздуха, Кветцалькоатля, былъ тайный священный календарь съ годомъ въ 260 дней—20 мѣсяцевъ, по 13-ти дней въ мѣсяцѣ. Этотъ календарь былъ основанъ на видимомъ движенiи Венеры, которая свѣтила 260 дней какъ утренняя звѣзда и 260 дней какъ вечерняя. Общiй календарь—18 мѣсяцевъ по 20-ти дней, съ 5-ю добавочными заклятыми днями, въ которые ничего нельзя было предпринимать.

«Пѣснь Богини Рожденiй» напоминаетъ наши Народные заговоры. Въ одномъ изъ Мексиканскихъ кодексовъ на черепахѣ изображается богиня агавы, Майяуэль. У ней было четыреста грудей-и она превратилась въ агаву.

Ксочипилли, Царь цвѣтовъ, Цвѣточный Властитель, былъ сверстникомъ Макуильксочитля, бога игры, пѣсни, и пляски, а также и любовной страсти. Въ точнѣйшемъ смыслѣ, онъ богъ Произрожденья и Юный Маисовый богъ. Въ одномъ

изъ кодексовъ Ксочипилли, въ пляскѢ, изображенъ какъ богъ Маиса, рядомъ съ нимъ темный его товарищъ Икстлильтонъ, богъ Пляски, противъ нихъ-богъ ВѢтра, Кветцалькоатль, и богиня Земли, Коатликуэ или Цигуакоатль. Ксочипилли разрисованъ краснымъ, но верхняя половина лица его—желтая, а на нижней половинѢ, окружая его ротъ, бѢлымъ цвѢтомъ отдѢляясь отъ зеленаго фона, виднѢется фигура мотылька. Онъ украшенъ перьями кветцалькокскокстли,—птица вродѢ нашего токующаго тетерева. Эта птица поетъ на разсвѢтѢ. Саагунъ приводитъ чарующія строки: «Ужь начало свѢтать, ужь утренняя краска поднялась, ужь пѢсню началъ огненный пѢтухъ, ужь огненная ласточка щебечетъ, ужь вотъ порхаютъ мотыльки огня». —Не только у Ацтековъ, но и у другихъ Мексиканскихъ племенъ, Утренній богъ есть ПѢвецъ и богъ Музыки.— Айао, айао,—Ацтекскій припѢвъ, также какъ и напѢвныя, полныя гипнотизирующей музыкальности, слова въ «ПѢсни Бога обновленныхъ Полей».

Тлалокъ—богъ Влаги. О немъ также см. «Майю» въ «Птицахъ въ ВоздухѢ».

Чикомекоуатль, СемизмѢйная, богиня Маиса, есть какъ бы воплощеніе числа 7. Это число въ ряду чиселъ 1—13 стоитъ какъ разъ посерединѢ. Поэтому она означала сердце въ человѢкѢ. Число 7—самое счастливое [el sétimo número de todos los signos era bien afortunado y próspero]. Эта пѢсня пѢлась во время посѢва маиса. Тамоанчанъ—Закатный Край, Домъ Нисхожденія, Домъ Рожденія.

Ксочикветцаль, Изумрудная Роза, Богиня ЦвѢтовъ и Любви, раньше была супругою бога Дождей, Тлалока, но, Дразнитель Двухъ сторонъ, Тецкатлипока, укралъ ее у него, унесъ ее на девятое небо, и она стала богинею Любви. Она тамъ царитъ, въ ТамоанчанѢ, ростетъ тамъ цвѢтущее Древо, и воздухи тамъ весьма прохладительные и деликатные. Она покровительница беременныхъ, ткачихъ, и швей. Не ткутъ ли стебли свой нарядъ? Не исполнены ли луга самымъ узорнымъ вышиваньемъ? Не таитъ ли стебель всегда въ своемъ лонѢ новую, еще не тронутую взглядомъ, красоту, которую вотъ-вотъ онъ родитъ, которая вотъ-вотъ засіяетъ своими дѢтскими глазками? Жители теплыхъ долинъ, въ южныхъ частяхъ Мексиканскаго плоскогорья, праздновали, въ нашемъ мѢсяцѢ ОктябрѢ, праздникъ Ксочикветцаль, и при этомъ мальчиковъ и дѢвочекъ лѢтъ девяти-десяти напаивали допьяна, и предоставляли имъ свершать всякія несдержанности. А развѢ цвѢты не посылаютъ другъ другу цвѢточную пыль, едва лишь успѢютъ раскрыться? Тласкальтеки свершали праздникъ въ честь Розы Изумрудной и въ честь бога Охоты одновременно, и во время этого праздника много дѢвушекъ приносили въ жертву, и вольныя дѢвушки, подруги неженатыхъ воителей, тѢснились, чтобъ принять жертву. Потому богиня ЦвѢтовъ есть покровительница вольныхъ дѢвушекъ. Богиня, воплощавшая цвѢтъ изумрудный, была облечена въ богатую одежду, и особымъ ея знакомъ было omequetzalli, на темени два пучка перьевъ изумрудной птицы кветцаль. Тамоанчанъ, мысленный Западъ, египетское Аменти, символизуется въ мексиканской живописи сломаннымъ Древомъ, изъ раны котораго струится кровь. Этотъ Западъ и первичная Родина былъ Садъ. Его постоянный синонимъ—*Xochitl icacan гдѣ стоятъ цвѣты*. Саагунъ называетъ его *Рай земной, Paraiso terrenal*. Въ кодексѢ Борджіа, сломанное Древо, т. е. ликъ Тамоанчана, является гіероглифомъ легендарной птицы, голова которой образуетъ гіероглифъ 15-го годового праздника Майи, имя коего есть Моанъ, или Муанъ. Моанъ означаетъ затуманенье, покрытье облаками. ЦвѢты и Любовь уводятъ Мысль къ Древу, и къ облачной вершинѢ его, къ узорной тучѢ, къ огню, что рисуетъ свои изломы въ мгновенности, передъ паденьемъ брилліантовыхъ дождей. Солнечный богъ Ксочипилли, третій изъ девяти владыкъ часовъ ночныхъ, покрываетъ все это цвѢтистое счастье своимъ возрождающимъ поцѢлуемъ.

Пульке, національный пьянительный напитокъ Мексиканцевъ, коимъ они упоеваются изрядно въ предмѢстіяхъ города Мехико, и во многихъ городахъ и деревняхъ, въ области Ацтековъ, Цапотековъ, и иныхъ. Это бѢловатый и сладко-освѢжительный, перебродившій сокъ, агавы [магэй], ихъ националь-

наго растенія, изъ котораго они дѣлаютъ рѣшительно все, отъ пьянственнаго напитка до цыновокъ подъ ноги и до орудій молитвенности, каковыми остріями, колючками агавы, они жертвенно пронзали себѣ уши, языкъ, и иныя части тѣла своего. Тотохтинъ, Кроликъ, богъ Пульке, также представлялся и богомъ Жатвы. Время жатвы естественно совпадало съ пріятною необходимостью опьяняться. Богъ жатвы такимъ образомъ становился геніемъ растенья, ликомъ умиранья и возрожденья Природы, при чемъ самый сонъ опьянѣвшаго какъ бы отображалъ эту временную смерть Природы, оцѣпенѣлую смерть, за которой не сразу, но встаешь освѣженный. Такимъ образомъ богъ Пульке былъ двуцвѣтный, онъ разрисовывался краснымъ и чернымъ, онъ былъ слитіемъ двухъ ипостасей, Солнца и Ночи. Пьянственный кроликъ находился также въ тѣсномъ соотношеніи съ Мѣсяцемъ, который то прибываетъ то убываетъ въ своей круговой лунности, въ пирной своей осіянности. Богъ Пульке былъ украшенъ гіероглифомъ Луны, костянымъ полукольцомъ. Онъ звался также Тецкатцонкатль богъ съ зеркаломъ въ волосахъ, или богъ Тецкатцонко, храма съ зеркалами на конькѣ кровли. Опьяненье отъ пульке считалось священнымъ. Вмѣстѣ съ сокомъ агавы въ человѣка входилъ властный демонъ, и опьянѣвшій былъ одержимый.— «Пѣснь Бога Пульке» тоже напоминаетъ, своимъ таинственнымъ тономъ, нѣкоторые изъ Народныхъ Русскихъ заговоровъ. Въ книгѣ фраи Мартина де Леона, изображающаго исповѣдь въ Мексикѣ, въ тѣ дни какъ древняя религія Мексиканцевъ была еще жива, есть интересная подробность:— «Не плескалъ ли ты пульке въ огонь, чтобъ завѣздилась она, и чтобъ узналъ ты что-нибудь, услышавъ, не плачетъ ли онъ?».

Ксипе-Тотекъ, Земной Богъ, есть Духъ Полей. Его чествовали во время посѣва, въ начальные дни весны. Въ это время свершалась жестокая жертва. Въ гладіаторской игрѣ убивали военноплѣннаго. Кровью его орошали землю, чтобъ она была плодородной, а затѣмъ устраивался маскированный балъ, во время котораго жрецы, въ особыхъ костюмахъ, изображали все, что производитъ Земля. Этотъ богъ былъ покровитель золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Золотая Змѣя, огненная змѣя, дѣлающаяся зеленой, означаетъ переходъ отъ пустыннаго зноя къ пышной растительности. Въ Мексикѣ, часто, много разъ проходишь или проѣзжаешь по какой-нибудь равнинѣ, и все видишь ее желтой и безплодной. Отлучишься, а въ это время начнется пора лѣтнихъ дождей. Вернешься, и не узнаешь прежней пустыни въ этихъ зеленыхъ оазисахъ. Такъ было со мною, когда я увидѣлъ окрестности Веракрусъ, сначала въ Февралѣ, а потомъ въ Маѣ и въ Іюнѣ. Какой четкій и живописный образъ—сказать о богѣ Маиса, что онъ— Вождь несчетныхъ дружинъ. Такъ и видишь безбрежное желтое поле съ этими мощными полновѣсными колосьями.

«Пѣснь Бога Обновленныхъ Полей»—одно изъ лучшихъ Мексиканскихъ пѣснопѣній, въ немъ слышится голосъ Земли. Мелодическій припѣвъ невольно переноситъ насъ въ эту живописную страну, гдѣ мысли, растенья, и птицы красочны, и гдѣ бронзовые люди въ каждомъ цвѣткѣ чувствуютъ творящую, поющую, причудливую душу. Во время этого праздника Обновленія, передъ храмомъ бога Дождя, Тлалока, помѣщали водоемъ, наполненный змѣями. Оттуда нѣкіе люди, такъ называемые *мацатеки*, зубами вытаскивали изъ воды живыхъ змѣй, танцовали съ ними круговую пляску и потомъ удушали ихъ. Всѣ боги плясали на этомъ празднествѣ, въ средоточіи же божескаго круга—Ксочикветцаль, Цвѣтокъ изумрудный, богиня поцѣлуевъ и расцвѣтныхъ лепестковъ. И маска за маской проходили въ весеннемъ танцѣ. Полевые звѣри, птицы, бабочки, пчелы, жуки и мошки, гроздья плодовъ, маисовые колосья, за ними бѣдняки и люди, пораженные Тлалокомъ, а также птицы, посвященныя богинѣ Земли, совы и филины. Змѣи въ этомъ празднествѣ символизовали молнію. Колибри и другія цвѣтныя птицы, а также нарядныя бабочки, это—души, умершихъ въ битвѣ, воителей. Они вознесутся въ чертоги Солнца, побудутъ тамъ, а потомъ порхаютъ среди цвѣтовъ, какъ мотыльки, или поютъ, какъ звенящія птицы, или безмолвно проплываютъ по Небу, какъ облака съ золотыми краями.

Макуиль-Ксочитль, богъ Пяти Цвѣтковъ, богъ Музыки и Игры, братъ поцѣлуйнаго Ксочипилли. Въ то время какъ у Ксочипилли вокругъ рта нарисовано изображеніе мотылька, вокругъ рта у Макуиль-Ксочитля видны очертанья человѣческой руки, символизующей число 5. Онъ также и Ауйатеотль, богъ Страсти. Недавно, въ Мехико, при раскопкахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ главный храмъ, нашли выкрашенное въ красный цвѣтъ каменное изваяніе этого бога, а вокругъ него, тоже выкрашенныя въ красное, каменныя и глиняныя изображенія музыкальныхъ инструментовъ. Сдѣлавъ Цвѣточнаго Властителя и Пятицвѣтковаго Бога братьями, и поцѣлуйными благословителями страсти, Мексиканская фантазія сочетала въ весеннемъ нѣжно-брачномъ единеньи музыку, пляску, цвѣты и румяныя губы, приникающія къ румянымъ губамъ.

МАЙЯ.

Къ страницамъ 53-й—59-й.

Майскія руины, понынѣ живущія въ глубинѣ центральной Америки, на Юкатанскомъ полуостровѣ, среди лѣсовъ Паленке, украшены гіероглифами, причудливость которыхъ донынѣ еще не вполнѣ разгадана. Однако, Ф.-А. Де-Ля-Рошфуко, въ своей книгѣ о Паленке, много сдѣлалъ для ихъ расшифрованія, и его имя должно быть въ ряду почетныхъ именъ, изъ которыхъ первое-Брассэръ-де-Бурбуръ, а наиболѣе важныя изъ новѣйшихъ-Альфредо Чаверо, Эдуардъ Сэлеръ, Августъ Лё-Плёнжонъ и Целія Нутталь. Барельефные гіероглифы Паленке разсказываютъ поэму національнаго освобожденія Майевъ отъ ига Тольтековъ. Въ Майскомъ календарѣ, какъ въ Мексиканскомъ, было 18 мѣсяцевъ, по 20-ти дней въ мѣсяцѣ, и 5 дней дополнительныхъ. Этотъ счетъ помогаетъ въ расшифровкѣ гіероглифовъ, онъ далъ идею-чтенія ихъ треугольникомъ. Священный треугольникъ, тріада, есть ключъ къ Майскимъ письменамъ. Среди гіероглифовъ, покрывающихъ своими запутанными узорами красивыя пластины въ храмѣ

Солнцепоклонниковъ, изобилуютъ фигуры раковинъ, жемчуговъ, и приморскихъ камешковъ, голышей. Любопытно, что звукъ, изображаемый Латинскою буквой *i*, въ Майскомъ алфавитѣ имѣетъ почти такое же начертаніе—дуга съ двумя кружочками на каждомъ концѣ. Любопытно также, что звукъ *л* изображается у Майевъ фигурою эллипса, въ которой, внутри, находится фигура греческаго *тау*. «Слово о словѣ» Майскаго ваятеля кажется мнѣ самымъ краснорѣчивымъ гимномъ слову, какой гдѣ-либо мнѣ приходилось встрѣчать.

ПЕРУ.

Къ страницамъ 63-й—70-й.

Подсолнечникъ, красующійся у насъ на поляхъ и въ деревенскихъ огородахъ, сталъ такимъ національнымъ Русскимъ растеніемъ, что многіе удивятся, если я скажу, что растеніе это Перуанское, а между тѣмъ это именно такъ. Подсолнечникъ и гвоздика, золотой цвѣтъ и красный, вѣрно навсегда будутъ намъ сіять и разсказывать своимъ сіяньемъ, что грубая жажда золота однажды повлекла блѣдноликихъ хищниковъ за моря, и тамъ невинною кровью они залили узорные золотые сны Мексики и Перу. Въ Перу еще сильнѣе, чѣмъ въ Мексикѣ, былъ порывъ душъ къ Солнцу, и храмы Солнца и Луны отличались поразительною пышностью. Хоровая пѣснь Перуанцевъ къ Солнцу весьма типична для нихъ, какъ своею нѣжностью, такъ и слитностью цѣлаго народа въ одно цѣлое. Перуанская культура представляетъ много достопримѣчательныхъ черть, и между прочимъ любопытна тѣмъ, что въ Перу каждый человѣкъ былъ по-истинѣ частью цѣлаго, въ Перу не было забытыхъ, какъ не было голодныхъ, и хорошо ли это, или дурно, но руководящая государственная мысль обнимала, истиннымъ попеченіемъ, безусловно всѣхъ.

«Владычица Влаги» — отображенье грозового миѳа. Перуанскій лиризмъ утонченъ и нѣженъ, какъ ихъ гончарное ис-

кусство. [Въ музеѣ Трокадеро, въ Парижѣ, есть хорошая коллекція Перуанскихъ вазъ].

Драма «Оллянтай»—одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древней Перуанской литературы. Туйя—названіе одной американской маленькой птицы, которая въ Перу, во время жатвы, причиняетъ значительные ущербы полямъ.

ХАЛДЕЯ, АССИРІЯ.

Къ страницамъ 73-й—82-й.

Заклятье отъ Семи Губительныхъ Геніевъ есть лучшее по силѣ заклинаніе, какое только есть во всемірной сокровищницѣ заговоровъ. Литература заклинаній вообще очень богата въ Халдеѣ. Въ вѣтрахъ пустынь есть много сказокъ, и много губительныхъ вѣяній.

Эа—Морской царь и Владыка мудрости.

Мирри-Дугга, иначе Мардукъ, есть Солнечный богъ. Ипостась Бэла.

Ассирійцы, такъ же, какъ древніе Іудеи, живописны въ своемъ упоеніи кровью, битвами, издѣвательствомъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Все въ словахъ Ассиріянина выпукло, наивно въ жестокой грубости, полновѣсно, какъ топоръ. Живопись Ассирійская, и стѣнныя ихъ украшенія, это лѣтопись крови, легенда убійства, узоръ войны, охоты и палачества. И вся Ассирія, въ историческомъ ликѣ своемъ, есть излюбленная фигура, созданная Ассирійскимъ искусствомъ: левъ, пронзенный копьемъ, и въ послѣдней ярости безсильно грызущій древко, пронзившаго его, копья.

ИНДІЯ, ИРАНЪ.

Къ страницамъ 85-й—131-й.

Двѣ прекрасныя братскія страны, родныя намъ, Европейцамъ, два великіе народа, полные благородства мысли, уваженья къ Человѣческому Лику, влюбленности въ Небо и Землю, въ зиждительный трудъ, въ красивое устроеніе жизни, благое, свѣтлое, свѣтоносное. Два великія утвержденія, два завѣта, на которые можно опереться, мысля о созданьи красивой справедливости, мысля о весенней жизни на Землѣ и о весенней жизни за ея предѣлами.

Два братскіе народа, развивъ до полноты, каждый, единственный и неповторяемый ликъ свой, оба коснулись грани, полюса. Индія, будучи живой, постигла то, что связано съ Полюсомъ Смерти. Иранъ, болѣе преданный земному, воплотилъ въ своемъ религіозно-поэтическомъ творчествѣ очарованіе Жизни. Но какъ Индія, такъ и Иранъ, молятся Огню и Солнцу, мысли Парсовъ и мысли Индусовъ исполнены сіяній, прянаго запаха цвѣтовъ, и свѣжаго запаха полевыхъ злаковъ. Только въ утонченномъ поэтическомъ и философскомъ воспріятіи Индусовъ болѣе ощущается пьяный запахъ цвѣтовъ, или боль сердца, въ которомъ опьяненіе кончилось, а въ полномъ мужественности жизнестроительствѣ Парсовъ, влюбленниковъ Земли, чувствуется вся красота воздѣланнаго поля, поэзія тяжелаго снопа. Но какъ у Индусовъ есть *сома*, такъ у Парсовъ есть *гаома*, духовный цвѣтъ—и тѣхъ и другихъ—ведетъ къ свѣтлымъ экстатическимъ состояніямъ и вводитъ ихъ въ стройное Міропознаніе. И Начикетасъ, такъ же, какъ Заратустра, у самой Смерти исторгъ слова, которыя хочется всегда слушать, и которыя сочетаютъ смерть съ жизнью—свѣтлою перевязью, морскими жемчугами, земными изумрудами, и всеозаряющими брилліантами и сафирами Неба.

КИТАЙ.

Къ страницамъ 135-й—143-й.

Китай, такъ же, какъ Египетъ, тысячи лѣтъ тому назадъ пережилъ то, къ чему мы еще приближаемся, или только приблизимся, въ нашемъ историческомъ Завтра. Китайская живо-

пись, Китайская поэзія, и Китайская мудрость извѣстны намъ, сколько-нибудь, лишь по своему отображенію въ Японской призмѣ. Мы еле-еле знаемъ, что та воздушность, утонченность и одухотворенность чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, напримѣръ, восхищаемся въ Японской живописи, въ гораздо большей степени, и какъ въ первоисточникѣ, существуютъ въ томъ Солнечномъ царствѣ, чье имя Китай. Словамъ Китайскаго мудреца, Лаотце, уже за 3.000 лѣтъ, а въ нихъ дышетъ свѣжесть задумавшагося Сегодня. И «Чи-Кингъ», «Книга Стиховъ», есть собраніе Китайскихъ Народныхъ Пѣсенъ, которыя начали собирать по благому почину императора Йя около 5.000 лѣтъ тому назадъ. У Китайскихъ императоровъ была счастливая мысль—ѣздить изъ области въ область, слушать пѣсни, которыя поетъ Китайскій народъ, и поручать свѣдущимъ лицамъ собирать ихъ въ сборники. Такъ возникло это пѣснехранилище, «Чи-Кингъ».

Уангъ-Чангъ-Лингъ, Тху-Фу, и царь Китайскихъ поэтовъ, Ли-Тай-Пе, жили въ первую половину нашей эры, а именно въ 8-мъ вѣкѣ. Ли-Тай-Пе былъ поэтъ-бродяга, предпочитавшій вольность полей и дорогъ царскому дворцу.

ОКЕАНІЯ.

Къ страницамъ 147-й—154-й.

Я готовлю въ данное время цѣлую книгу Океанійскихъ легендъ, и книгу Мексиканскихъ преданій. Океанійскія космогоніи, особенно космогонія Черныхъ, какъ она отобразилась въ Австралійскихъ легендахъ, отличаются необычайною роскошью фантазіи и первобытною свѣжестью. Хочется сказать, что, какъ Австралійскія бабочки самыя богатыя по узорности и красочности крыльевъ, такъ и въ Австралійскихъ легендахъ свѣтятъ мысли единственныя по причудливости мечты, какихъ нигдѣ не найдешь,—развѣ въ Мексикѣ, съ которою эти области Черныхъ имѣютъ странное сродство.

ЭЛЛАДА.

Къ страницамъ 157-й—167-й.

Мистическіе гимны Орфея имѣются въ чрезвычайно цѣнномъ изданіи Англійскаго ученаго Томаса Тэйлора [1787]. Есть современное изданіе этой книги, перепечатанное Англійскимъ Теософскимъ Обществомъ [Лондонъ, 1896]. Хорошія изданія отрывковъ, сохранившихся изъ нѣжно-медоваго творчества Сафо, есть между прочимъ въ Италіи, съ которой ея ликъ такъ гармонируетъ. Напримѣръ, Л. А. Микельанджели, Болонья, 1889.

СКАНДИНАВІЯ.

Къ страницамъ 171-й—175-й.

Скандинавской «Эддѣ» также мною будетъ посвященъ въ «Пантеонѣ» особый выпускъ, равно какъ Скандинавскимъ народнымъ сказкамъ.

Нѣтъ Норвежца, который не зналъ бы словъ, составляющихъ «Рѣчи Высокаго». И если передъ Норвежцемъ прочтешь наизусть слова Одина о дружбѣ, Скандинавъ прослушаетъ ихъ, какъ слушаютъ псаломъ.

БРЕТАНЬ.

Къ страницамъ 179-й—189-й.

Кельтійскіе жрецы, Друиды, были не только вѣщунами-жрецами, но и духовными возрастителями Бретонскаго дѣтства и Бретонской юности. Они говорили возростающимъ о Звѣздахъ, о Лунѣ и Солнцѣ, и учили ихъ мѣрить Землю Небомъ, и Небо ставили въ звѣздную связь съ Землей.

Загадка и образъ-обычный языкъ Бретонцевъ. Они мыслятъ символами. Размѣръ напѣвный въ священныхъ стихахъ Друидовъ, или вѣрнѣе одинъ изъ размѣровъ излюбленныхъ, троезвучіе, третьей повторной риѳмой усиливающее мысль и подчеркивающее достигнутую взволнованность чувствъ. «Ряды» одинъ изъ наилучшихъ образцовъ Бретонскаго поэтическаго творчества. Распутать всѣ загадки, скрывающіяся въ этомъ пѣснопѣніи, довольно затруднительно. Дѣлаю, что могу. Причемъ нѣкоторыя истолкованія заимствую у собирателя Бретонскихъ народныхъ пѣсенъ, виконта Эрсара Де-Ля-Вильмарка, въ нѣкоторыхъ же совершенно съ нимъ разнствую. Одинъ, Единственный—былъ верховный богъ Друидовъ. Это былъ ихъ Отецъ, Фатумъ, Судьба.—Два быка—День и Ночь, скорлупа—корабль нашихъ Сутокъ.—Три начала и конца,—въ міропониманіи Бардовъ человѣкъ рождается и умираетъ трижды, во свершеніи полнаго развитія своего человѣческаго лика во Времени и Пространствѣ. Дубъ въ поэзіи Бардовъ означаетъ не только дерево дубъ, но и служитъ символическимъ означеніемъ друида. Три царства Мерлина—друидическій Рай.—Счетъ четыре—Мерлинъ, ибо Мерлинъ подарилъ Бретонцамъ 13 талисмановъ, въ томъ числѣ четыре камня, сводящіеся къ одному волшебному камню. Этотъ талисманъ переходилъ по наслѣдству къ Арморикансиимъ вождямъ. Если храбрый чуть-чуть касался этого камня, его мечъ могъ разсѣкать даже сталь. Каждый, кто былъ раненъ такимъ мечомъ, умиралъ мгновенно. Но, если этого камня касался своимъ мечомъ трусъ, его мечъ тотчасъ же превращался въ пыль.—Пять полосъ у Земли,—Друидамъ было извѣстно, сколько частей свѣта. Пять соотвѣтствующихъ эпохъ. Пять маяковъ у Сестры нашей, Морской водности.—Младенцы изъ воска, числомъ шесть, страшныя куклы изъ воска, употреблявшіяся встарину—и употребляющіяся нынѣ—въ черной магіи, для погубленія врага. Кто хотѣлъ извести недруга томленьемъ и тоской, тотъ дѣлалъ такую куклу, запеленывалъ ее и отдавалъ юной дѣвушкѣ. Та носила ее на лонѣ своемъ девять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, недобрый священникъ крестилъ такого младенца въ мельничной водѣ, при свѣтѣ Луны, подъ жерновомъ. На лбу его писали имя недруга, на спинѣ имя Демона, и заклинанье свершалось. Не означаютъ ли эти шесть восковыхъ младенцевъ—шесть мѣсяцевъ года, съ парными дополнительными шестью? Руководимые Луною, и воплощая тѣнь сна,— а жизнь есть сонъ,—они таютъ, ибо таетъ воскъ, и такъ безъ конца. Шесть цѣлебныхъ травъ у Друидовъ—бѣлена, самолъ, вервена, омела, первоцвѣтъ, и трилистникъ. Карликъ Бретонской легенды постигъ языкъ всѣхъ вещей, когда три капли кипятившагося волшебнаго напитка брызнули ему на руку, и онъ поднесъ палецъ къ губамъ. Подобно этому и Сигурдъ отвѣдавъ крови убитаго имъ Фафнира, сталъ понимать языкъ птицъ. Подобныя же есть и Русскія народныя сказки.—Число 7 священно у всѣхъ народовъ, и роль его въ Космогоніяхъ и въ размѣреніяхъ времени общеизвѣстна. Барды насчитывали семь Стихій: Земля, Вода, Огонь, Воздухъ, Туманы, Вѣтеръ и Атомы.—Восемь—священное число огней. Семь огней поддерживали Друиды въ храмахъ безпрерывно, восьмой же былъ священный огонь Бель-танъ, который они зажигали въ Маѣ, на высотахъ, въ честь Солнца. На Бретонскомъ островѣ Монъ почитали богиню Владычицу владычицъ, и у нея было восемь бѣлыхъ священныхъ телицъ.—Рядъ 9 особенно означителенъ. Число материнства. Восходящая круговая башня—символъ Жизни. На гумнѣ вымолачиваютъ поспѣвшие колосья, и свѣжее золотистое зерно открываетъ собою новую жизнь. Впрочемъ, въ Порзъ-Кейнанѣ, что значитъ Гавань Сѣтованій, нѣкогда, около башни приносили въ жертву дѣтей. Историческое преданіе такимъ образомъ сливается съ естественнымъ символизмомъ бытія. Корриганы, или Горриганы, суть маленькие гномы и феи Бретонской фантазіи. Они танцуютъ свои пляски у воды, при свѣтѣ Луны, какъ Литовскія Вандинніи. Кабанъ—столь же обычный образъ въ Бретонской поэзіи, какъ медвѣдь и волкъ въ нашей, слонъ и тигръ—въ Индусской, или кроликъ, пума и змѣя—въ Мексиканской.—Рядъ 10 и рядъ 11 говорятъ о роковыхъ для Венедовъ событіяхъ,—12-число Зодіака, число годового круговозврата, и символъ гибели дней въ Году. Чер-

ная Корова съ бѣлою звѣздой, проходящая Лѣсъ Останковъ, и пораженная стрѣлою въ грудь,—какой изумительный, первичною силой дышащій, образъ завершеннаго Года! И за этимъ мажорное торжество звуковъ и свѣтовъ, звучащій рогъ, огонь и громъ, вѣтеръ и свѣтъ, дождь, и ничего, ничего больше. Застывшее въ тайнѣ человѣческое лицо, и брызнувшія слезы изъ глазъ. И всего страшнѣе этотъ обратный путь видѣній увидѣннаго, это обратное шествіе—отшествіе рядовъ, 11, 9, 7, 4, 2, 1, ничего. Смерть, а до—ничего больше нѣтъ. Какъ будто колдунъ, въ заклинаніи, вызвалъ на мигъ передъ взоромъ глядящаго двѣнадцать таинственныхъ призраковъ, и потомъ, мановеньемъ руки, отпускаетъ обратно одного за другимъ. И снова подъ Луною равнина пуста.

Гвенк'Гланъ существовалъ воистину. Онъ жилъ въ эпоху борьбы Христіанства съ религіей Друидовъ. Онъ былъ ослѣпленъ своимъ врагомъ, предсказалъ его гибель, и врагъ погибъ. Онъ глубоко ненавидѣлъ Христіанъ, и предсказалъ ихъ гибель. Въ его пророчествѣ дышетъ такая сила, какъ будто не одинокая человѣческая душа, а духъ Луны или Звѣзды скорбитъ здѣсь.

«Пьяность Солнца и Пляска меча» пѣлась подъ стукъ мечей, въ то время какъ стройные юноши кружились въ пляскѣ, и, не прекращая ее, подбрасывали въ воздухъ мечъ и налету ловили его. Гимнъ—Лезвію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОКЕАНІЯ.

ЭЛЛАДА.

СКАНДИНАВІЯ.

БРЕТАНЬ.

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ КНИГИ К. БАЛЬМОНТА:

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕРТОГРАДЪ. Слова поцѣлуйныя. [Радѣнья Бѣлыхъ Голубей].

ЛЮБОВНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХЪ. [Преданія, Поэмы и Пѣсни: Египта, Мексики, Майи, Перу, Китая, Японіи, Океаніи, Индіи, Скандинавіи, Бретани, Литвы, Ирландіи, Шотландіи].

ИСПАНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ. (Съ параллелями изъ народныхъ пѣсенъ разныхъ странъ).

ЛАОТЦЕ. КНИГА ПУТИ И БЛАГОГО ЧАРОВАНІЯ.

МАРЛО. ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ ДОКТОРА ФАУСТА. [Съ параллелями изъ Нѣмецкой народной легенды, Кукольнаго театра и драмъ Кальдерона, Гете и Ленау].

ГОФФМАНЪ. СКАЗКИ И ФАНТАЗІИ. [Пер. К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой].

ЮГАННЪ ШЛЯФЪ. Мэйстеръ Эльце. Драма. [Пер. К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой].

ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ. Ищейки. Драма. [Пер. К. Д. Бальмонта и Елены Ц.].

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА. Внутренній замокъ. — Воскликновенья души.—Религіозно-любовная лирика.—Жизнь св. Терезы. [Переводъ съ Испанскаго К. Д. Бальмонта и Елены Ц.]. [Съ очеркомъ: Испанскіе Мистики].

КАЛЬДЕРОНЪ. Жизнь есть Сонъ. Драма. [Съ параллелями изъ *auto-sacramental* Кальдерона, того же названія].

УОЛЬТЪ УИТМАНЪ. Побѣги Травы. [Съ приложеніемъ очерка объ Уитманѣ].

ГУННАРЪ ГЕЙБЕРГЪ. Трагедія Любви. Драма. [Переводъ съ Норвежскаго]. [Съ очеркомъ: Любовь, какъ невозможность].

КНУТЪ ГАМСУНЪ. Панъ. [Пер. съ Норвежскаго]. [Съ очеркомъ о творчествѣ Гамсуна и съ личными о немъ воспоминаніями К. Д. Бальмонта].

Цѣль книгоиздательства «Пантеонъ» — собрать шедевры мiровой литературы и сдѣлать ихъ достоянiемъ русскаго читателя.

«Пантеонъ» намѣренъ включить въ свои изданiя произведенiя выдающихся писателей всѣхъ временъ и всѣхъ нацiй. «Пантеонъ» стремится представить въ образцахъ и характеристикахъ исторiю мiровой литературы, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ словесности, черезъ литературу античную, средневѣковую и эпохи возрожденiя до произведенiй послѣднихъ столѣтiй и нашихъ дней.

Рѣшительно уклоняясь отъ какого-либо предвзятаго взгляда на назначенiе литературы, «Пантеонъ» постарается внести въ свой выборъ строго историческое безпристрастiе.

«Пантеонъ» имѣетъ въ виду давать все характерное для каждой эпохи и литературы.

Библiотека «Пантеона» будетъ выходить отдѣльными томиками. Каждый будетъ посвященъ или одному писателю, или группѣ писателей [Сборники. Антологiи]. Въ каждомъ будетъ помѣщено одно или нѣсколько законченныхъ произведенiй избраннаго автора, его портретъ, бiографiя, характеристика его творчества и библiографiя его произведенiй.

Такимъ образомъ библiотека «Пантеона» будетъ давать не только образцы творчества и характеристику великихъ писателей, но и указывать пути для болѣе подробнаго ознакомленiя съ ними.

Въ цѣломъ «Пантеонъ» составитъ библiотеку Мiровой Литературы въ ея самыхъ характерныхъ проявленiяхъ.

Среди томиковъ «Пантеона» естественно, будутъ преобладать переводы иностранныхъ авторовъ. Главное вниманiе будетъ здѣсь обращено на точность и художественность перевода. «Пантеонъ» будетъ стремиться дать, по возможности полное возсозданiе оригинала.

И во внѣшности «Пантеонъ» будетъ стремиться ввести въ настроенiе подлинника и, гдѣ окажется возможнымъ, будетъ снабжать переводы иллюстрацiями, а также и украшенiями въ духѣ подлинника.

Впослѣдствiи «Пантеонъ» предполагаетъ параллельно томикамъ, посвященнымъ литературѣ, издать серiю книжекъ, посвященныхъ прочимъ искусствамъ: живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, музыкѣ и сценѣ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ВАЛЕРIЙ БРЮСОВЪ. — Французскiе лирики XIX вѣка.

ГРИЛЬПАРЦЕРЪ. — Покойница [Die Ahnfrau]. Перев. Александра Блока. Вступ. статья Г. ф. Гофмансталя. Рисунки Александра Бенуа.

УЭЛЬСЪ. Каменный вѣкъ. Островъ доктора Моро. Переводъ и статья Николая Морозова.

БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЛИ. — Разсказы. Перев. Ал. Чеботаревской. Иллюстрацiи. Ф. Ропса.

КАЛЬДЕРОНЪ. — Жизнь есть сонъ. [Съ параллелями изъ Autosacramental Кальдерона того же названiя]. Переводъ и статья К. Бальмонта.

Г. Д'АННУНЦIО. — Франческа да Римини. Переводъ Валерiя Брюсова и Вячеслава Иванова. Вступ. статья Валерiя Брюсова.

ГОФМАНЪ. — Сказки и Фантазiи. Перев. К. Бальмонта и Ек. Андреевой. Иллюстрацiи Александра Бенуа.

ГАУФФЪ. — Сказки. Перев. Ал. Койранскаго.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ. — Разсказы. Перев. Александра Бенуа.

Томики Пантеона издаются при ближайшемъ участiи: Е. Аничкова, Е. Андреевой, Леонида Андреева, И. Анненскаго, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Ө. Д. Батюшкова, Александра Бенуа, Александра Блока, Валерiя Брюсова, Ив. Бунина, З. Венгеровой, А. Веселовскаго, М. Волошина, А. Горнфельда, С. Городецкаго, В. И. Засуличъ, Ө. Зѣлинскаго, Бор. Зайцева, Вяч. Иванова, Н. Котляревскаго, С. Маковскаго, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, Николая Морозова, М. Невѣдомскаго, А. П. Нурока, Өедора Сологуба, Г. Чулкова, К. Чуковскаго, Конст. Эрберга и др

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЕРВАЯ.

А. Серафимовичъ. У обрыва.—А. Купринъ. Бредъ.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Лѣсная топь.—Н. Гаринъ. Когда-то.—Бор. Зайцевъ. Полковникъ Розовъ.—Городъ: В. Брюсовъ. Городъ. [Стихотвореніе].—М. Добужинскій. Городъ. Будни. Праздникъ. [Рисунки].—Л. Бакстъ. Улица. [Рисунокъ].—Н. Рерихъ. Городъ. [Рисунокъ].—Леонидъ Андреевъ. Жизнь человѣка.

КНИГА ВТОРАЯ.

В. Муйжель. Пока.—А. Койранскій. Холодъ.—И. Бунинъ. У истока дней.—Бор. Зайцевъ. Май.—Ив. Бунинъ. Серг. Городецкій. Ал. Блокъ. [Стихи].—Александръ Бенуа. „Смерть". 6 рис.—Сентъ-Жоржъ Де-Буэлье. Король безъ вѣнца. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Леонидъ Андреевъ. Тьма.—Ив. Бунинъ. Астма.—Бор. Зайцевъ. Сестра.—А. Купринъ. Изумрудъ.—А. Серафимовичъ. Пески.—Ал. Блокъ. [Стихи].—Г. Чулковъ. Золотая ночь. [Стихи].—Өедоръ Сологубъ. Творимая легенда. Романъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борисъ Зайцевъ. Аграфена. Повѣсть.—Семенъ Юшкевичъ. Похожденія Леона Дрея. Романъ.—Валерій Брюсовъ. Исполненное обѣщаніе. Поэма.—Леонидъ Андреевъ. Смерть Человѣка.

КНИГА ПЯТАЯ.

Шаломъ Ашъ. Сабатай Цеви.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое.—К. Бальмонтъ. Литва.—Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Въ слѣдующихъ альманахахъ будутъ помѣщены между прочимъ:

М. Метерлинкъ. Синяя птица [съ рисунками Б. Анисфельда]. Переводъ съ рукописи.—Өедоръ Сологубъ. Капли крови. Романъ.—Бор. Зайцевъ. Сны.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Печаль полей. Повѣсть.—Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ.—Өедоръ Сологубъ. Антихристовъ корень. Бѣлая березка. Разсказы.—Леонидъ Андреевъ. Наша тюрьма.

Цѣна каждой книги 1 рубль.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ «ПАНТЕОНА».

«Пантеонъ» наряду съ обычнымъ выпускаетъ дешевое изданіе. Цѣна дешеваго изданія—К. Бальмонтъ. «Зовы древности»—40 к.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. — Французскіе лирики XIX вѣка.

ГРИЛЬПАРЦЕРЪ. — Покойница [Die Ahnfrau]. Перев. Александра Блока. Вступ. статья Г. ф. Гофмансталя. Рисунки Александра Бенуа.

УЭЛЬСЪ. Каменный вѣкъ. Островъ доктора Моро. Переводъ и статья Николая Морозова.

БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЛИ. — Разсказы. Перев. Ал. Чеботаревской. Иллюстраціи. Ф. Ропса.

КАЛЬДЕРОНЪ. — Жизнь есть сонъ. [Съ параллелями изъ Autosacramental Кальдерона того же названія]. Переводъ и статья К. Бальмонта.

Г. Д'АННУНЦІО. — Франческа да Римини. Переводъ Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова. Вступ. статья Валерія Брюсова.

ГОФМАНЪ. — Сказки и Фантазіи. Перев. К. Бальмонта и Ек. Андреевой. Иллюстраціи Александра Бенуа.

ГАУФФЪ. — Сказки. Перев. Ал. Койранскаго.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ. — Разсказы. Перев. Александра Бенуа.

ТОМИКИ Пантеона издаются при ближайшемъ участіи: Е. Аничкова, Е. Андреевой, Леонида Андреева, И. Анненскаго, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Ѳ. Д. Батюшкова, Александра Бенуа, Александра Блока, Валерія Брюсова, Ив. Бунина, З. Венгеровой, А. Веселовскаго, М. Волошина, А. Горнфельда, С. Городецкаго, В. И. Засуличъ, Ѳ. Зѣлинскаго, Бор. Зайцева, Вяч. Иванова, Н. Котляревскаго, С. Маковскаго, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, Николая Морозова, М. Невѣдомскаго, А. П. Нурока, Ѳедора Сологуба, Г. Чулкова, К. Чуковскаго, Конст. Эрберга и др.